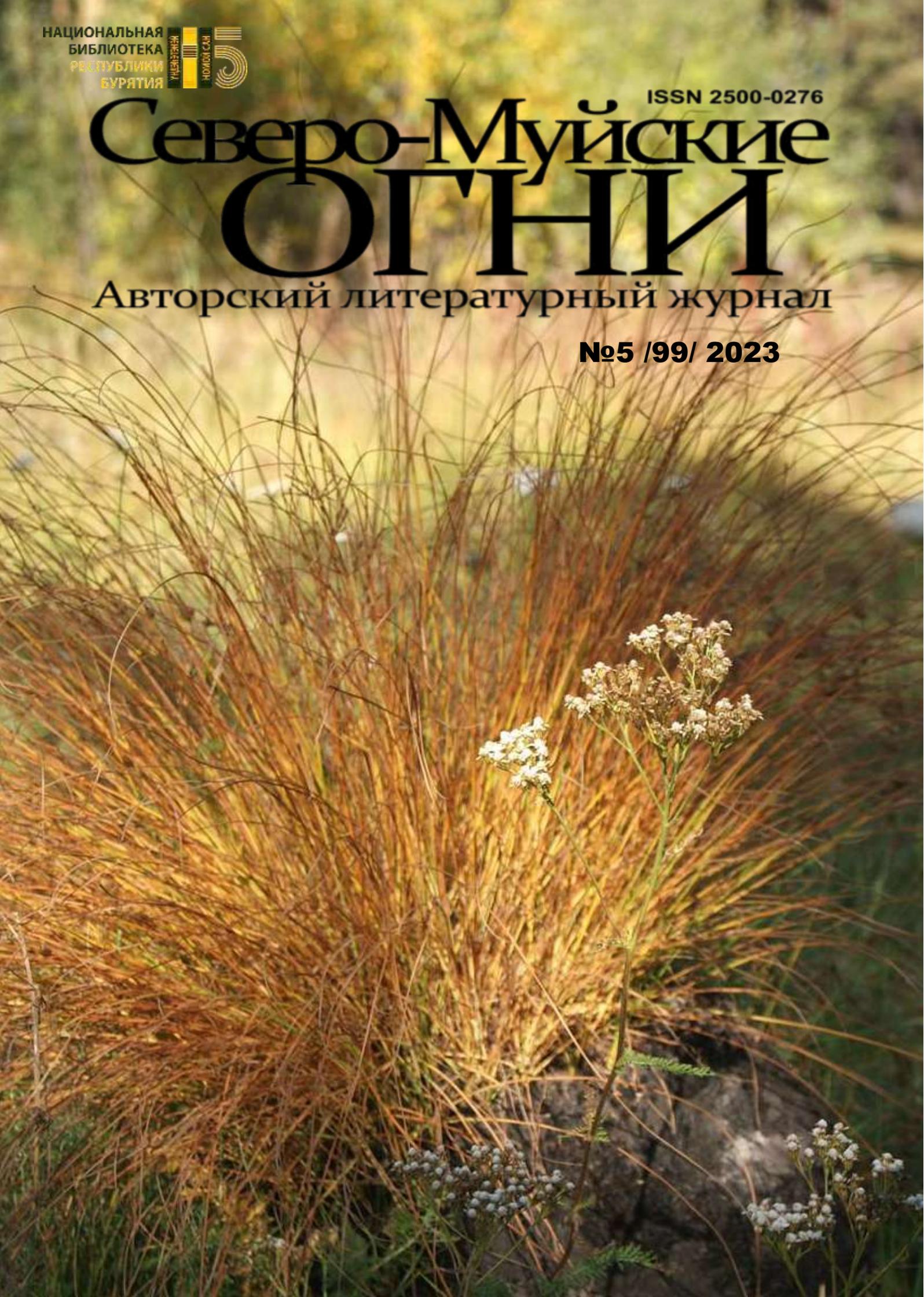

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№5 /99/ 2023

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№5/99/ сентябрь-октябрь 2023

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)
Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.
Новиков Андрей Вячеславович, поэт, прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей России /Липецк/.
Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.
Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргамак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 09.11.2023.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2023

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalcatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

- Нина Ищенко. «Вектор Донбасса»: Луганск – Иркутск – Россия.....3
 Наталья Елизарова. Читая заново Фёдора Абрамова.....5

Публицистика

- Алексей Яшин. Электронное письмо «на деревню дедушке».....7
Привал на поэтической тропе
 Владимир Спектор. «Есть надежда, что мы на пороге весны»... (о книге стихов И. Нечипорука).....17
 Игорь Егоров. «Дорого и свято...» (к 90-летию поэта Анатолия Бывалина).....19
 Мы – «Вместе». О молодёжном поэтическом объединении г. Вышний Волочёк.....21
 Стихи: Екатерина Большакова, Максим Колюбин, Людмила Лебедева, Алексей Чернятин, Вероника Киселёва, Анастасия Русина, Алексей Блохин, Владимир Ершов, Алла Елисеева, Юлия Гордеева, Виктор Серов
 К 130-летию со дня рождения крымско-татарского поэта Бекира ЧОБАН-ЗАДЕ. Стихи.....24

Проза

- Наталья Ячеистова. Из дорожной котомки. Рассказ25
 Дарья Фомина. Шипр. Рассказ.....29
 Александр Балтин. Валентин Дмитриевич. Рассказ.....31
 Максим Орлов. Пессимистическая трагедия (рассказ).....35
 Георгий Каюров. Папа обязательно приедет! Рассказ.....48
 Игорь Безрук. Тёмная сторона луны. Рассказ.....52
 Михаил Гришин. За «техасами». Рассказ.....54
 Гузель Рахматуллина. Рассказы.....57
 Рустам Мавлиханов. По лестнице, ведущей вниз. Аллегория.....59
 Мария Шурыгина. Мечты и Началы. Эссе.....60
 Ева Зорина. Возвращение в Итаку. Рассказ.....61
 Илья Чесноков. Картошка в сметане. Рассказ.....63
 Дмитрий Аффенчук. Путешествие счастья. (притча).....66

Поэзия

- Николай Ерёмин. Осень 2023.....67
 Лев Рябчиков. «Мощь и сила всей России...» (главы из поэмы о поэтах «Музы в сентябре»).....68
 Яков Шафран. Время осознания.....69
 Николь Воскресная. «Неуместная лирика».....70
 Алёна Иванова. «В мягком безмолвии...».....71
 Лидия Пашенко. «Было и есть. Никуда не убудет...».....72
 Оксана Соснина. «Не забыть милых мест красу...».....73
 Валентина Останина. «В хорошем настроенье...».....74
 Светлана Войтко. В лабиринтах предзимья.....75
 Валерий Сухов. «Сквозь сердца мастеров...».....76
 Сергей Миронов. «Один на ровном берегу...».....77

В гостях у Журнала

- Липецк поэтический – Российский союз писателей.....78
 Светлана Кобзева-Ашихмина, Галина Антипова, Алла Фефелова, Надежда Беляева, Ксения Вороткова, Лариса Жиганова, Любовь Малинкина, Ирина Марухина, Елена Николаенко, Валентина Орехова, Светлана Аппакова, Любовь Свиридова, Валентина Севостьянова, Наталья Стебакова, Алла Челябинна

Сатира и юмор

- Валерий Румянцев. К вопросу о судьбе (глава из сатирической повести «Литературный экспресс»).....81
 Григорий Неделько. Пушкин – не писатель!.....84

Обратная связь**Новая книга**

- Александр Балтин. Нежное солнце Тамары Селемёновой. О книге рассказов «Живёт, цветёт акация».....86

Слово о Журнале

- Алёна Иванова (о №4/98/2023).....87

- Творческий совет журнала.....88

КРИТИКА

... всякий читатель – критик, и всякий критик – читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтепенского общества Луганска, доцент кафедры философии ЛГАУ. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтепенского общества Луганска.

«Вектор Донбасса»: Луганск – Иркутск – Россия

В контексте тетралогии

В августе 2023 года в Иркутске и Луганске презентован альманах военной литературы «Вектор Донбасса». Книга включает работы более сорока донбасских и иркутских писателей, а также произведения авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Красноярска и других городов. В сборнике представлены поэзия, художественная проза, исторический очерк, драматургия, детская литература, литературная критика. Больше всего работ создано писателями в период 2014–2022 гг.. Особое место занимает раздел «Иркутские агитокна в годы войны (1941–1945)», где опубликованы агитационные плакаты иркутских художников. Сборник «Вектор Донбасса» является четвёртым в серии альманахов, изданных Союзом писателей ЛНР в ходе донбасской войны, и оценить его идейное содержание можно только в контексте всей серии, включающей сборники «Время Донбасса» (2016), «Выбор Донбасса» (2017) и «Воля Донбасса» (2019).

Первый сборник

Книга «Время Донбасса» объединила около семидесяти писателей и стала своеобразным итогом 2015 года, второго года донбасской войны. Альманах также включал произведения разных жанров, от драматургии (Глеб Бобров, Иван Донецкий) и обширного раздела прозы (Алексей Ивакин, Кирилл Часовских, Герман Садулаев, Сергей Шаргунов, Дмитрий Шешин и другие) до поэзии.

Луганский интеллектуал Владимир Карбань написал в рецензии на книгу: «В условиях общественных катаклизмов актуализировались старые полузабытые традиции гражданской лирики, старые жанры инвективы, плача, молитвы, гимна. Характерно, что общность позиций авторов, их мировоззренческое сходство в главном не отменили удивительного разнообразия их творческих стратегий, их психологического и чисто писательского облика, и мы уже никогда не забудем и не спутаем индивидуальность манер Марины Кудимовой и Елены Заславской, Александра Сигиды-младшего и Вадима Десятерика, Анны Долгаревой и Светланы Сеничкиной. Ставя поэтическое творчество последних двух лет в широкую историческую ретроспективу можно с уверенностью сказать, что поэзия Донбасса переживает период роста, возмужания, взлёта, период, который неизбежно даст свои плоды в жанре крупной формы, приблизит поэзию к читателю и станет подлинным голосом самого народа».

Предвидение Владимира Карбаня оправдалось. С тех пор в Луганске появилась посвящённая донбасской войне поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз», а в Донецке – поэма Анны Ревякиной «Шахтёрская дочь» на ту же тему.

Книга осмысление

Осмысление происходящего на донбасских просторах с 2014 года является основным предметом изображения и в двух последующих книгах СП ЛНР. Так, альманах «Выбор Донбасса» был презентован в Луганске в 2017 году. Книга издана при содействии писателя, ветерана боевых действий в Афганистане, ведущего Первого канала Артёма Шейнина. Сборник стал наиболее полной антологией поэтических, прозаических и драматургических произведений о событиях в Республиках Донбасса, созданных как в Донбассе, так и за его пределами.

Во второй книге сохраняется разнообразие жанров и подходов к военной теме: от непосредственных эмоциональных реакций до вдумчивого осознания событий. В то же время спектр явно сдвигается в сторону осмысления. Опыт военного времени, как на передовой, так и в тылу, вписывается авторами в общерусский контекст, корректирует политические представления и этические оценки.

Главным достоинством сборника «Выбор Донбасса» является утверждение вечных ценностей в эпоху постмодерна. Человек играющий исчез перед лицом войны, постмодернизм не интересен ни авторам, ни читателям. Произведения книги позволяют прикоснуться к настоящему, снова делают важными любовь к Родине, человечность в вихре войны, ответственность и сострадание. Поэты из Донбасса и разных городов России приносят новую серьёзность во все темы, за которые берутся. Экзистенциальный кризис, пережитый на войне, обновляет разные сферы жизни и заставляет читателя переосмыслить и свой собственный предыдущий опыт. Авторы сборника ставят сложные вопросы героизма и выбора, вины и прощения, ставшие с течением времени только более актуальными.

Если первый альманах СП ЛНР был манифестацией того, что новая военная литература Донбасса существует, то вторая книга продемонстрировала её высокий уровень и соразмерность вызовам времени.

Фундаментальное свидетельство

Третий сборник «Воля Донбасса» (2019) включил работы около сорока поэтов, прозаиков и драматургов из ЛНР, ДНР и РФ. По словам председателя СП ЛНР и редактора альманаха Глеба Боброва, «трилогия стала наиболее полным и фундаментальным литературным свидетельством жизни осаждённого Донбасса. Уверен, что она уже вошла в историю. По этим книгам со временем будут изучать Русскую весну и последующие события в Донбассе точно так же, как современники пытаются ощутить дух эпохи, читая классиков периода Гражданской или Великой Отечественной войны».

Особенность третьей книги отметил в своей рецензии доктор философских наук Виталий Даренский: «Как и прежде, большинство текстов, имеют «репортажный» характер, написаны если не по «горячим следам» событий, то по не менее горячим воспоминаниям, однако в них появилось новое измерение – особая дистанция памяти, заставляющая перейти от непосредственного переживания событий не только к их осмыслению (это было и раньше), но уже и к новой «картине мира», порождённой опытом прошедших исторических событий». Главным элементом этой картины мира, по словам философа, становится преобразование памяти. События войны оцениваются с некоторой дистанции и становится очевидно, что в них проявляются решения участников, ответственность перед будущим, христианское сострадание ко всем людям без исключения.

Первое драматическое высказывание

Материалы трёх сборников послужили основой спектакля «Время. Выбор. Воля», созданном Луганским академическим русским драматическим театром имени Павла Луспекаева в 2019 году. Стихотворения для постановки актёры выбрали самостоятельно, отталкиваясь от личных эмоций, пережитых во время военных действий. По-новому зазвучали стихи после того, как актёры театра демобилизовались с фронта в 2022 году. Спектакль был показан донбасским и российским зрителям. Он стал первым драматическим высказыванием, отразившим события военных лет с 2014 года.

Продолжая традиции

Все заявленные ранее линии продолжает четвёртая книга «Вектор Донбасса». После начала СВО в 2022 году проблематика донбасской войны становится значимой для всей России. В литературное пространство, отражённое в книге, включаются сибирские писатели. Непосредственный опыт войны дают луганские и донецкие авторы, а авторы Иркутска и Красноярска, Москвы и Петербурга вносят свой вклад в осмысление событий.

Алексей Ивакин, одессит, писатель, ополченец, мастерски фиксирует в своих рассказах происшедшее в 2014 году в Одессе и Донбассе. Самой значимой исторической параллелью в осмыслении событий является Великая Отечественная война. Детективный сюжет по реальным фактам борьбы с бандитизмом в Луганске в 1946 году строит Глеб Бобров в киноповести «Группа Векслера», соединяющей события наших дней и предыдущую войну. Осмысляет эту связь в очерке о военной литературе Андрей Чернов. Связи Донбасса с другими русскими территориями показывают на примере семейной истории Станислав Гольдфарб и Борис Рычков. Война в Донбассе сравнивается в книге с походом князя Игоря, с битвами Александра Невского и Дмитрия Донского (Владимир Скиф), с революцией 1917 года (Артур Чёрный). В книгу включены рассказы Андрея Кокоулина в жанре альтернативной истории, рисующие страшноватую картину того, что было бы, если бы русские уподобились своим противникам в поклонении силе.

Традиционно мощной является поэтическая часть сборника. Юнна Мориц, Елена Заславская, Игорь Караулов, Мария Ватутина, Ирина Каренина, Юрий Беридзе, Виктор Пеленягрэ, Дмитрий Мельников, Андрей Сизых, Наталья Чекер, Владислав Русанов в своих стихах передают яркую эмоцию и размышляют о смысле и причинах войны, неизбежных потерях, преобразении человека.

Яркое свидетельство

Итак, четвёртый альманах СП ЛНР «Вектор Донбасса» стал ярким свидетельством высокого уровня донбасской литературы, поднимающей основные темы русской жизни: любовь к Родине, экзистенциальный выбор, сохранение человечности. Книга также показывает совместную работу русских писателей из разных городов по осмыслению войны с Украиной в контексте русской истории, и закрепление событий в общей культурной памяти.

Наталья ЕЛИЗАРОВА

г. Омск

Кандидат исторических наук. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Лауреат Международного литературного конкурса «Лучшая книга года» в номинации «Большая проза» за роман «Жмых» (2015 г.). Член Союза российских писателей.

Читая заново Фёдора Абрамова

Писатель Олег Трушин (г. Москва) на страницах своей новой книги «Фёдор Абрамов. Раненное сердце»* обратился к такому герою, который, казалось бы, хоть и несколько подзабыт, но всё же не пребывает для нас, читателей, в полном забвении – как же, как же, слышали о таком... А если задуматься и задать себе откровенный и предельно честный вопрос – а что мы, собственно, знаем о Фёдоре Абрамове? Только то, что он – автор знаменитого романа «Братья и сёстры», инсценировки которого неоднократно шли и с успехом идут по сей день на театральных подмостках российских театров. И это, пожалуй, всё.

В 2020 году исполнилось 100-летие со дня рождения Фёдора Александровича Абрамова – человека, который вошёл в отечественную литературу как мастер деревенской прозы, или, иначе говоря, «деревенщик». Официальная часть его биографии широко известна: писатель-фронтовик, лауреат Государственной премии СССР (1975 г.), секретарь Союза писателей СССР. Но эти сведения – лишь малая вершина айсберга, всё остальное надёжно скрыто под толщей непроницаемого льда. К заслуге Олега Трушина относится то, что он решил «нырнуть на глубину» – приоткрыл для читателя ранее неизвестные страницы биографии Абрамова (например, связанные с подробностями личной жизни писателя, которые раньше представляли тайну, или работой в СМЭШе и др.).

Книга об Абрамове – плод многолетнего труда Олега Трушина, создававшегося на протяжении десяти лет. Для того, чтобы собрать необходимые сведения, О. Д. Трушину пришлось просмотреть сотни различных документов, встретиться с огромным количеством людей. Всё это позволило автору не только скрупулёзно воссоздать творческий облик Абрамова, но и выстроить исторический фон советской эпохи, её общественную, культурную, социальную, бытовую составляющие.

Жизнь и творческая биография писателя предстают в книге О. Д. Трушина в контексте советской эпохи – с её жёсткими реалиями, противоречиями, гнётом отдельной личности системой. Вкрапление исторических деталей в полотно биографического текста высвечивают драматическую ипостась личности Абрамова – нестигаемую, непреклонную, неуживчивую, бескомпромиссную, мятежную, с обострённым чувством справедливости, которого Олег Трушин в своей книге сравнивает с протопопом Аввакумом. *«В Фёдоре Абрамове всё сложно – и личность, и время, в которое он жил. Даже в когорте писателей-деревенщиков его фигура стоит особняком – в своём творчестве он ни разу не отступил от выбранного им направления в прозе – писать о жизни деревни, писать честно и искренне, так, так до него не делал никто... Его боялись и благословляли. С ним искали дружбы и ненавидели. Он был белой вороной в стае своих соплеменников, отвергая в общественной жизни то, за что ратовали другие. Он мог восстать против себя, и тогда его душа рвалась на части, уходя в глубокое пике. И это было страшно... Абрамов не просто жил, он создавал свою жизнь, поиском не только её смысла, но и нравственного понимания присутствия человека на земле. Вот почему его глубоко психологическая проза так близка к творениям Фёдора Достоевского и Льва Толстого, Ивана Тургенева и Николая Лескова. Читая прозу Фёдора Абрамова, как в зеркале видишь в ней отражение лучших традиций века золотой прозы».* Олег Трушин не ограничивается биографическими рамками повествования, а подробно и вдумчиво анализирует творчество Абрамова, стремясь определить его место в культурно-историческом контексте эпохи.

*Трушин О.Д. Фёдор Абрамов. Раненное сердце. – М.: Молодая гвардия, 2021. – 448 с.: ил. – (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1876).

Имея историческое образование, Олег Трушин смог в полной мере проявить свой исследовательский талант при написании книги. В основу жизнеописания положены как воспоминания современников советского писателя, знавших его лично, их частные и семейные архивы, так и материалы, хранящиеся в личном архиве Ф. А. Абрамова ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург), Архангельском областном краеведческом музее (Архангельск) – филиале Литературно-мемориального музея Фёдора Абрамова (Веркола), Архангельском академическом театре драмы им. М. В. Ломоносова, Академическом Малом драматическом театре – Театре Европы (Санкт-Петербург), Саратовском государственном академическом театре драмы им. И. А. Слонова. Особенно важным в исследовательской работе Олега Трушина представляется использование архивного фонда Абрамова, находящегося на хранении в Пушкинском Доме. В 1979 году, во время передачи своих персональных документов, рукописей, дневников, писем в ИРЛИ, Фёдор Абрамов написал на имя заведующего рукописным отделом заявление следующего содержания: «Прошу материалы из моего архива без моего письменного разрешения не выдавать». Это требование долгие годы сковывало руки исследователям и создавало трудности в работе. Поэтому для Олега Трушина сбор сведений, воспоминаний, свидетельств нужно было начинать практически с нуля, добиваться доверия собеседников, убеждать в необходимости привлечения подлинных фактов о жизни писателя. Но тем более ценной является его работа: введение в орбиту исследования новых, неопубликованных, ранее неизвестных источников, делает книгу Олега Трушина поистине весомой и значимой, восполняющей «белые пятна» жизненного пути Фёдора Абрамова.

Неоспоримым достоинством прозы Олега Трушина является органичное сочетание публицистического и художественного жанра. При этом авторский слог писателя радует прекрасным русским языком, метафоричным словом и нетривиальным образом. Олег Трушин, будучи мастером пейзажной прозы, и на этом, казалось бы, сугубо документальном материале, продемонстрировал всю красочную палитру своего писательского дарования: *«Погожий, ласкающий бархатным уходящим теплом солнечный день запоздалого бабьего лета над Невой. Пёстрый багрянец клёнов, сочное золото лип, задумчивая тишина в помрачневших от бронзы строгих кронах вековых дубов и зеркальное отражение сочно-голубого с проседью неба в суровых водах Невы. Игра солнечных лучей на шпилях Адмиралтейства и церкви Петра и Павла, на массивном куполе величественного Исаакия...»*.

Несмотря на лёгкость стиля, коим написана биография Ф. А. Абрамова, это отнюдь не лёгкое чтение. Оно предполагает осмысление истории жизни и личности Абрамова, нацелено на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте. На примере жизненного и творческого пути писателя книга позволяет проследить этапы формирования значимой для российской истории и культуры личности. Помимо Фёдора Абрамова, в эпицентр своего повествовательного полотна О. Трушин вводит ряд знаковых для русской культуры имён, таких как поэт Александр Твардовский, писатель Михаил Пришвин, режиссёр Юрий Любимов, актёр Игорь Скляр и многих, многих других.

Интересной и новаторской, на наш взгляд, является попытка О. Д. Трушина выявить классическую школу письма в абрамовском слове, проследив преемственность прозы Достоевского и Абрамова. *«Два писателя разных эпох, но очень тонко умеющие чувствовать человеческую душу, а вместе с ней и сердце, понимая при этом ещё и разум. Они всей силой таланта будили Человека в человеке... Гуманистический пафос любви к живому, прославление человека, не сломавшегося под тяжестью жизненных обстоятельств, – вот лейтмотив всех произведений Достоевского И фёдора Абрамова. Вот что их связывает!.. Для Достоевского и Абрамова нет отрицательных героев, и провозглашение ценности личности – вершина человеколюбия этих двух истинно великих писателей. Умение ёмко и убедительно показать своего героя не только как отдельно взятую личность, но и в общем контексте, не потеряв при этом с ним связи, – вот эталон мудрости достоевско-абрамовской прозы, её главный стержень. Оба автора обладают умением мыслить с позиции своего героя, говорить его голосом... Достоевский и Абрамов. Оба безумно любили жизнь и в своей душе были глубоко верующими людьми. Их жизненные судьбы не были просты, но они смогли благодаря внутреннему убранству души пронести свет человеколюбия через всё своё творчество»*. Сравнивая двух Фёдоров – Абрамова и Достоевского – писатель Олег Трушин ненавязчиво убеждает нас, читателей, в необходимости перечитать, переосмыслить заново творчество этих двух авторов, занявших достойное место в русской и мировой литературе.

Новая книга Олега Трушина «Фёдор Абрамов. Раненное сердце» будет интересна всем любителям русской культуры XX века, особенно литературы и театра, а также отечественной истории.

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат ряда российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском государственном университете и Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Учёный-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два учёных звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н. И. Пирогова и Макариевской премии 2022 года.

Электронное письмо «на деревню дедушке»

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета.

Никколо Макиавелли «Государь»

В эпилоге одной из предыдущих наших книг*, кстати говоря, «северных», мы уже касались безутешной темы: нет сейчас человека, более ничтожного в социальной иерархии, более тихо презираемого в быту, нежели сочинитель художественных произведений, сам себя стыдящийся именовать писателем. Даже от природы задорные поэты, «горлопаны и главари» по Маяковскому, и те сникли. И всё это случилось за какие-то три десятка лет! Речь, понятно, идёт о наших отечественных реалиях, ибо на Западе – Востоке («Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературы напрочь исчезло намного раньше. Уже и «Нобеля» по литературе там дают, ничтоже сумняшеся, певцам-гитаристам и политангажированным дамам-журналисткам. Горестная тема, но уходить от неё – уподобляться страусу в известной ситуации. Да нам и проще найти нужные слова, ибо, будучи «двуликим Янусом», параллельно с литературными упражнениями ведём и научное исследование, дающее аргументированный ответ на вопрос об исчезновении литературного слова из человеческого обихода так стремительно во времени и не оставляющего даже призрачной надежды хотя бы на частичное восстановление *status quo*.

Поверьте, мой дорогой мифический читатель, это не надоедающее бормотание пономаря кладбищенской церковки «со святыми упокой», но честное самопризнание. Увы, от этого прежде всего мне самому не легче. По чисто «утилитарной» причине: и без того крайне немногим оставшимся читателям, последним романтикам души, в соответствии с психологической установкой человека, крайне неприятно читать правду о сегодняшнем дне бывшей великой русской и русской советской литературы. Словом, хрестоматийное «мысль изречённая есть ложь» понимается как извечное «правда глаза колит».

Редчайшего ныне читателя мы прекрасно понимаем, сочувствуем ему – ведь в одной связке с ним! Хорошо бы и он осознал: если во времена Пушкина, Лермонтова и Гоголя литератор, условно говоря, творил для тысяч, максимум для счётных десятков тысяч своих почитателей; в расцвет великой русской словесности, то есть во вторую половину девятнадцатого века, а с учётом стремительного роста читательской грамоты, в последнюю треть этого века и начала века двадцатого, писатель имел уже аудиторию в сотни тысяч; в советские годы, с экстремумом в 50–70-е, счёт шёл на десятки миллионов, то сейчас – о, горе нам, горе! – современный писатель, отсекая от этого славного имени немногих дельцов-пиарщиков и многочисленных, имя им легион, графоманов, имеет от 1 до ~ 1000 читателей... не миллионов, не сотен или десятков тысяч, а именно от одного до примерно тысячи читателей, конкретных физических лиц, как принято говорить на суконно-цинковом административно-бюрократическом наречии.

Оторопь берёт: родоначальник книгопечатания, ювелир из Майнца Иоганн Генсфляйш Гутенберг, тем более его последователи, печатали тиражи в несколько тысяч экземпляров (а это середина XV века!), каждый из которых, особенно папские индульгенции и библии, имели во времени от сотен до тысяч читателей. А здесь: от одного до тысячи; один – это сам автор, вдыхая волнующий свежий типографический запах...

Не поверят опять же: а как ты подсчитал? а справка есть? (вспомните персонажа Янковского в фильме «Паспорт...»). А вот взял и подсчитал, благо много чему учился – в советских вузах, не в нынешних «онлайновых»: инженерному делу, то есть умению системно мыслить, в Тульском политехе, математике в Ленинградском госуниверситете, содержанию и психологии творчества в

* Алексей Яшин. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы. – М.: «Новые Витражи», 2021. – 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. на сайте www.pz.tula.ru – Прим. авт.

Литературном институте им. А.М. Горького, Союза писателей СССР – именно такова была принадлежность этой славной «школы Горького». Опять же почти двадцатилетний опыт главного редактора журнала.

Фоме Неверующему, а сейчас мало доверчивых осталось, литераторы и вовсе каждый на своём лужке пасётся, что усомнится в обидно малом числе читателей, открою секрет проверки этого антифеномена. Сам избрёл и полтора десятка лет экспериментировал: вторая, научная ипостась исследователя – биофизика приучила только эксперименту доверять.

Итак, сочиняя очередную книгу, стараюсь вставлять в неё, конечно, контекстуально выверено, что-либо касающееся творчества моих коллег по местной писательской организации, как-то: пару стихотворных строчек поэта *Н.* – любимого современного стихотворца восторженно-лирической героини повествования; эпиграф к главе, уже с упоминанием ФИО поэта же *М.*; явный намёк на «нашумевший» роман провинциального писателя *К.*; сюжетная сценка, в которой обыгрывается недавний скандал с местным литератором *О.* ... И так далее, поток фантазии неиссякаем, когда готовишь лёгкую, необидную пакость. Как только книга издана сиротским тиражом (на зарплату профессора и бутылочки приличного коньяка, чтобы обмыть, не купишь!), первым делом радостно дарю её экземпляры литературным собратьям *Н.*, *М.*, *К.*, *О* и так далее по буквам латинского алфавита: так солиднее, чем кириллица. Излучая добрыми лицами – от рта до ушей и залысин на макушках, те долго и прочувственно пожимают тебе руку, взяв её в обе свои, клятвоно заверяют: дома после ужина запрюсь в своей рабочей комнатке и не выйду из нее, пока от корки до корки не прочту. Это если книжка тонкая. Если толстовата, то обещают за три-четыре дня одолеть.

Радостно потирая всё те же руки, с неугасимым авторским тщеславием жду следующей встречи с *Н.*, *М.* И остальными, «помеченными» в своём новом, нетленном творении. Заранее предвкушаю: подходит *Н.*, благодарственно жмёт мою длань (своими двумя): «Вот спасибо, дорогой мой коллега! Вспомнил-таки, что есть на свете поэтишка *Н.*, а твой персонаж строки моего лучшего стихотворения процитировал: «*Прекрасны розы на рассвете, а ты, богиня, ночью горяча*». Признателен!» Затем и *М.*, потом *К.* за ними *О.* выстраиваются в очередь благодарений. Я-то уже знаю, что *О.* восхитится: как замечательно обыгран судебный процесс, который он недавно затеял с ловким плагиатором *Q.* ... и так далее.

Но попал ваш покорный слуга в ситуации романтической девушки Сольвейг: «Весна пролетела и лето прошло...» из драмы Ибсена «Пер Гюнт», музыка Эдварда Грига. Сколько бы раз не встречался после издания книги с *Н.* и его коллегами, обозначенными латиницей, но за *пятнадцать лет ни один из них* не поблагодарил. То есть все изданные за эти года полтора десятка лет книги они даже не раскрывали! Эврика!

...Мне возразят: что ж хочешь? это же писатели, им некогда читать, они перо из руки не выпускают, свои *ПСС* сочиняют! И к случаю вспоминаю анекдот литинститутских времен о приёме чукотского классика в Союз писателей: «...И что вы, уважаемый, в последнее время читали из отечественной и зарубежной художественной литературы?» – «Хе-хе, однако, чукча не читатель, чукча писатель!». Без обиды для наших славных чукчей... Тот случай, когда справедлива трансформированная поговорка: «Сапожник не носит сапоги другого мастера».

...Значит, диапазон читательского интереса смело снизим до 1...500, причём верхние 100...500 отнесём к публикациям в журналах, выходящих «в бумаге» таким же тиражом. Но здесь не обольщайтесь: читать будут намеренно не вас, избранника муз, а весь журнал *in summa*. Опять же человеческая психология: если купил, кровные потратил, то обидно, если всё не прочитаешь! Это как не съесть целиком заказанный в ресторане бифштекс за невероятную цену.

Остается 1...100 читателей произведения, изданного в виде авторской книги. Сто? да это же целиковая рота на марше! Но не радуйся ста читателям, как будто сотенную бумажку с видом Большого театра на дороге нашёл (лучше того же достоинства долларовую банкноту с портретом Франклина). Дело намного хуже.

Сразу исключим из оставшейся сотенки два десятка знакомых коллег-сочинителей (см. описанный выше эксперимент); остаётся в загашнике, в домашней кладовке, восемьдесят экземпляров. Ещё тридцать ближним и дальним родственникам, давним друзьям, коллегам по работе, в главные городские библиотеки (место действия – областной город)... словом, в те руки и на те полки, где книгу никто и никогда не раскроет. Вот и полусотенка осталась. Сакральное число: ни много, чтобы задумываться: куда девать; ни мало, чтобы успокоить себя: а-а-а, на всякий случай пусть полежат, много места не занимают, есть не просят. Опять же пять десятков возможных читателей! Это вам не фунт изюма, пока ещё натурального, не китайского из переработанной пластмассовой тары...

Но печатать книги в твёрдом переплете безумно дорого для безгонорарного писателя, а сброшюрованные в мягких обложках, склеенные по торцам дешевым китайским же клеем, очень скоро для чтения становятся непригодными: рассыпаются при раскрытии страниц. Волей-неволей надо избавляться от них, раздавая случайным людям, а если есть возможность посылать по почте «за счёт заведения», то осчастливливать редакции литературных журналов и правления писательских союзов, которых сейчас в наличии имеется поболее чем пальцев на обеих руках. Уже не надо пояснять: никто и нигде эти «авторские дары» не раскроет, названий и фамилии сочинителя в памяти не отложит.

И как добрый старинный бухгалтер-счетовод, в роговых очках и в надетых на рукава пиджака суконных нарукавниках траурного цвета, пощёлкаем костяшками счётов, подведём итог: из изданных ста книг раскрытыми оказались не более десяти. В основном машинально, из вежливости при получении подарка, раскрытыми. Из них «пролистаны» шесть-семь, а собственно прочитаны не более трёх-четырёх... включая автора (см. выше). И это радует безмерно: не один во Вселенной!

«Бездумный гротеск, фантазия воплощенного пессимизма, следствие выпитой от творческой безысходности полубутылки империалистического виски «Джонни Уокер» или чего попроще из «расейского!» – воскликнет читающий эти строки, то есть один из тех трёх-четырёх реальных читателей.

Увы, мой редкостный и досточтимый, это самая что ни на есть горькая правда. У моих книг также читатели суть: супруга, грамотная, из учительниц, приученная к чтению матерью, педагогической доцентшей; сын, дитя переходного периода отечественной истории, единственный читающий, как он сам говорит, из своих сверстников; пара-тройка постоянных авторов журнала «Приокские зори» и одна профессиональная критик-литературовед из Минска. Исполать им! Всё точно просчитано, экспериментально (см. выше) подтверждено, аналитически взвешено и пр.. Не зря же двойной доктор наук и двойной профессор: не лыком шит и научной методологией владею отменно.

Огорчу и вас, собратья-литераторы, у каждого столько же читателей. Сами можете аналитически и экспериментально проверить...

«Но как же литературные премии (почти все безденежные), награды, звания, которых сейчас превеликое множество и только самый ленивый ими обделён? Это снова Фома Неверующий встрянет. *Шалом леха адонаи* Христов апостол Фома, поприветствуем его из уважения на арамейском, но в части литпремий нынешних разъясим.

Опять же исходим из наиболее достоверного, то есть из личного опыта. Когда полтора десятка лет тому назад учреждали литпремию за лучшие публикации текущего года в «Приокских зорях», сам Бог подсказал здравую мысль: не создавать всякие комитеты, жюри и пр. из видных писателей, а принимать решение самой редакцией – только на основании знакомства с публикуемыми в журнале произведениями. Поэтому небезосновательно полагаем: премия «Левша» имени Н.С. Лескова есть честнейшая из других, подобных ей... безденежных в том числе. Есть с чем сравнить. Недавно друг нашего журнала, входящий в одно премиальное жюри, откровенно рассказал о своём коллеге по этой организации: тот ставит высший оценочный балл своему хорошему знакомому и «на автомате» ставит нулевую оценку всем остальным книгам, участвующим в конкурсе. Естественно, эти книги, включая премиальную «от знаконца», оценщик не раскрывает.

Грустно, девушки, грустно. В пору действительно утешиться рюмахой доброго шотландского «Джонни Уокера». Не потому что к Западу приязнь испытываю, а просто по материнской линии имею дальних предков из шотландских переселенцев в Россию.

Ах, боже, сколько скуки
В искусстве палача,
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча...

– начинает своего знаменитого «Нюрнбергского палача» Фёдор Сологуб, далее описывая начало жизненного пути своего героя:

... И я учился в школе,
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Мучительно горя...

Первую строфу отнесём ко всякому, кто, подобно нам, берётся за описание тягостного положения современной литературы и её тружеников (см. выше). Вторую же к нижеследующим рассуждениям о «качестве», так сказать, этих самых современных тружеников пера.

В русской классической литературе, а тем более в советской, заорганизованной в рамках Союза писателей СССР, писательство было профессией. Даже не столько по присказке «какова пса ловля, такова ему кормля», сколько по профессиональному мастерству, к которому всякий пишущий стремился по мере отпущенного ему природой таланта, ориентируясь на признанные авторитеты. То есть тогда писатель всю жизнь учился, а не просто «выдавливал из себя». Разумеется, и в девятнадцатом веке, и в двадцатом существовала динамическая литературная пирамида. Писателей было достаточно, но в антологию русской литературы входили относительно немногие. Это естественно и неотрицаемо.

...В шестидесятые-восьмидесятые годы, когда прежде сплошь деревянная Тула радением первого секретаря обкома Ивана Харитоновича Юнака, давнего знакомого Брежнева ещё с довоенных днепропетровских времён совместной партработы, на глазах перестраивалась в «пятиэтажный город» (это название романа классика советской латышской литературы Вилиса Лациса...), народ, переселяясь из родовых домишек в новые квартиры, массово избавлялся от всевозможного старья. Поэтому в те годы тульская «Буккнига», располагавшаяся в самом начале проспекта Ленина, почти под стенами кремля, радовала серьёзных книголюбов (не мелких перекупщиков!) изобилием

староизданной литературы девятнадцатого – начала двадцатого веков, в которые собственно и создавалась русская литература. Заходя после работы – благо по пути – в букаг, чего только не отыскивал там! Кое-что и приобретал на скромные инженерные рубли. Наряду с разрозненными томами собраний сочинений отечественных и зарубежных классиков – от дешевых «бесплатных приложений» к журналу «Нива» до фабрично тиснёных томов издательства Товарищества М. О. Вольф и совершенно роскошных изданий А. Ф. Маркса и Товарищества «Просвещение» – и уже полузабытых, а некогда популярных писателей навроде В. Г. Тана, Ольги Шапир, С. В. Максимова, А. А. Потехина, П. М. Невежина, Н. Я. Соловьева и других, часто встречались книги авторов, имена которых не значились ни в каких литературных энциклопедиях, даже в восьмидесяти томном Брокгаузе и Ефроне.

И ведь совсем недурственно написаны, главное, литературно грамотно: семейные помещицы хроники, романы с авантурными завязками и развязками, «дамская» беллетристика, вроде бы хорошо рифмованные стихи, даже пьесы и поэмы. Но при чтении их чувствовалось: автор просто отдыхает в своём сочинительстве от более важных для него дел; да, безусловно, склонен к литературному творчеству... но и только. То есть не имеет стремления стать писателем профессиональным, трезво оценивая потенциальные возможности своего скромного дарования. А потому и не отдаёт всего себя литературному творчеству, главное – не относится к своему сочинительству как учебе длиной в собственную жизнь, о чём уже было упомянуто выше.

В чём-то схожая ситуация и сейчас, но с тем *огорчительным отличием*, что (а) напрочь отсутствует понятие авторитета; (б) по этой причине нет устремления к профессионализму, а ещё более существенная – «нет кормли» от литературы. Из совокупности (а) и (б) следует: современная писательская среда суть непрофессиональная по определению, сплошь любительская и не имеющая даже представления о том, что писательство неотделимо от учения писать!

Всего два десятка лет назад (в девяностые годы ещё сохранялась инерция советских времён, наличествовали литературные кадры того же времени) ситуация (а) и (б), но последняя уже без «кормли», представлялась некоей пессимистической фантазией. Взять ту же тульскую писательскую организацию – типичную для всех остальных в стране областных и республиканских. Весь её состав на исходе советского времени был «обилечен» членством в Союзе писателей СССР. А вступить в Союз тогда, как совершенно справедливо гласила расхожая присказка, было равнозначно достижению степени доктора филологических наук. То есть двадцать-тридцать членов Союза писателей на два-три миллиона жителей области (речь идёт о среднестатистическом по стране), что означает одного писателя на сто тысяч населения? – редкие профессии могут представляться таким масштабированием; разве что генералы, высшие в области партийные и административные чины могут себе такое позволить...

Не случайно, не оговоркой мы употребили выше слово «профессия». Да, состав тех же областных писательских организаций был именно *профессиональным!* Более половины членов тульского отделения Союза писателей окончили Литературный институт или Высшие литературные курсы (двухгодичные) при нём. А это был ещё тогдашний Литинститут! – школа Горького. Другая же часть либо имела высшее филологическое образование*, или же занималась неформально литературным самообразованием. Имелись и творческие самородки, что свойственно обычно поэтам.

Тульские писатели не замыкались на издании своих книг, а достаточно активно участвовали в местной и всесоюзной литературной жизни: от публикаций в областной периодике до авторства в «толстых» столичных журналах. Даже публиковали в них (Александр Харчиков, например) романы с продолжением из номера в номер. А это по тем временам «высший класс»! Уже не говорим о писательских собраниях, семинарах, конференциях всех уровней, литературных чтениях, творческих командировках, выступлениях на предприятиях и в организациях и пр..

В нынешней областной писательской организации Союза писателей России (а других организаций еще под десяток...) членов таковой поболее, но имеющих литературное образование, то есть окончивших Литинститут или Высшие литературные курсы, осталась от прежних времен трое. При этом за прошедшие тридцать с лишком лет из вновь принятых – ни одного! И в перспективе не предвидится. Обычная реакция на подобные слова, что-де «в институтах на писателей не учат!» – малоубедительная фигура речи. Правда, почему-то подобного не услышишь в адрес артистов, музыкантов, художников, журналистов и представителей других творческих профессий. Наоборот, даже оговариваются: артист такой-то *даже не имеет* соответствующего образования – самородок!

Конечно, Литинститут, тем более ВЛК, из литературного *tabula rasa* за время обучения не смогут вырастить «среднестатистического» писателя, особенно поэта, но ведь и в «Школу Горького» (в советское время конкурс туда не уступал театральным и пр. вузам) допускали к сдаче обычных экзаменов (к ним число абитуриентов сводилось как 2:1 – чтобы всем легче было...) после серьёзного творческого отбора: по присланным публикациям и/или рукописям! То есть бесталанные люди туда и не шли, а другие отказ по результатам отбора получали. А обучение давало, наряду с *университетским* курсом филологии, практическую литературную школу – семинарский день в неделю, которые все годы обучения вёл один и тот же писатель или поэт «с именем». Даже не в группы, как обычно в вузах, но в семинары по 10...15 студентов объединяли. Я, например, состоял в

* По правилам поступления в Литинститут советского времени такое образование являлось препятствием для обучения в нем, что, вообще говоря, объективно обусловлено. Но можно было и это обойти. – Прим. авт.

семинаре известного писателя-фронтовика, первого главного редактора возобновлённого «Нашего современника» Бориса Михайловича Зубавина. Что ни семинар, то классик советской литературы его возглавляет... И учебные литературные дисциплины не абы кто у нас вёл. Аза Алибековна Тахо-Годи, автор всех советских учебников по истории Древнего мира и его мифологии, заведующая кафедрой классической филологии МГУ, вела античную литературу, читая (наизусть, конечно) по-древнегречески целиковые главы из «Одиссеи» и «Иллиады». Ерёмин, Артамонов – имен много – по их учебникам же и монографиям во всех гуманитарных вузах страны изучали русскую, зарубежную литературу, творчество литературных эпох России и Европы. Даже зачёты по скромному, семестровому курсу кинематографии («Искусство кино» он назывался) сдавали не кому иному, как Леониду Траубергу, классику советского кино, автору трилогии о Максиме...

Преподававший поэтику русского фольклора, молодой тогда Константин Кедров, ныне известный своей книгой «Поэтический космос», выдающимся философско-поэтическим произведением (М.: Советский писатель, 1989), время от времени публикуется в наших «Приокских зорях». Критик Владимир Гусов за тридцать лет возглавляет Московскую писательскую организацию. Зачёт по своей дисциплине он принимал у нашего курса на пару с будущим министром культуры России – правда, недолго и как-то незаметно он министерствовал... На душе становилось легко, когда встречался в коридорах «Дома Герцена» всегда веселый и улыбочивый армянин Гарольд Эль-Регистан, сын соавтора Сергея Михалкова по словам Гимна Советского Союза. А руководители поэтических семинаров – сплошь самые известные стихотворцы того времени... за исключением, быть может, Евтушенко, не имевшего высшего образования. По-отечески всех нас опекал ректор Владимир Фёдорович Пименов, бывший «сталинский главный по театрам». История и современность в единых лицах сливались на Тверском бульваре, 25...

В роскошном же «сталинском» (опять же) общежитии с видом на близкую останкинскую телебашню, где один из этажей занимала гостиница Союза писателей, за годы учёбы перевидали весь литературный бомонд страны. И на своём этаже кого только не увидишь? – вот Олжас Сулейменов, поэт и член ЦК комсомола Казахстана, автор много шумевшей тогда книги «Аз и Я» (то есть Азия), входит в комнату к своим землякам-студентам. А за стенкой, в соседнем «нумере», весь вечер, до полуночи, гомон, песни и топот лихой пляски: это зашёл к своим «курянам» (если не ошибаюсь с городом?) Николай Тряпкин, поэт в зените своей всесоюзной известности...

Даже могли позволить себе лёгкий снобизм, например, выбирать куда отправиться после занятий: на дневной спектакль с Высоцким в Театр на Таганке на дармавшину или в любимую литинститутскую пивную «Серебряная ладья», что в подвале дома между зданиями Моссовета и Генеральной прокуратуры СССР...

Не сочтите сказанное за нахлынувшие ностальгические воспоминания. Просто сразу поймете, чем являлся Литинститут для своих воспитанников: давал базовое филологическое, литературное образование; на семинарах руку будущего сочинителя романов и поэм, рассказов и сонетов тож, умело направлял известный писатель или поэт; но, пожалуй, самое практически полезное, чего не приобретёшь ни в какой другой обстановке, это «вживание» в литературный мир, его творческую мастерскую, налаживание дружеских связей со своими однокашниками со всего Союза, из других стран... афганцы, эфиопы, гэдээровские немцы – кто только не учился с нами или близко к нам по годам, включая будущего президента Монголии... и будущего же главаря чеченских боевиков Яндарбиева*. Мир он разнолик.

Словом, такое «вживание» даёт понять будущим мастерам пера, что не боги горшки обжигают, но к горшечному делу надо приступать с определёнными навыками мастерства...

Вот уже тридцать лет как всё это кануло в Лету, реку забвенья о некогда великой русской и русской советской литературе и самой читающей стране мира – не в лозунгах, но в самой что ни на есть реальности. И что имеем? А в наличии, как это ни грубовато звучит, дырка от бублика – это о крохотной читательской аудитории; сапожник без сапог – о безлошадных писателях; а в целом о тлеющем литературном процессе сто лет назад проскандировал лихой наш поэт: «Жили-были я и он, подружился с похорон...». Имя намеренно не называем: хоть и не велика литературная тренировка, но все же поройтесь в памяти... или в трижды треклятом интернете.

Кстати, об интернете. Одно время телерадио-официоз, комментируя падение тиражей издаваемых книг, их невостребованность, то есть отсутствие читателей, с восторгом *вопаял* в том смысле, что читатель никуда не исчез, просто переключился с бумажных книг, источника бытовой пыли, к чтению с экранов мониторов, ныне всяких там экранов-дощечек (о том, что интернет есть источник мозговой пыли, дипломатично массмедиа умалчивает). Дудки и шиш с маслом! – снова оговоримся по-фольклорному: неполиткорректно, но вековая народная мудрость важнее. С экранов читают-смотрят что угодно, только не художественные книги. Впрочем, и все иные. Это каждый может проверить: по самому себе, своим родственникам и пр.. Лично я в последние три десятка лет «всеобщей компьютеризации» – при широком круге общения и природной наблюдательности – знал только одного человека, читавшего книги с этакой мобильной штуковины с экраном в формате обычной книги. Читал же он классику потому, что был советского воспитания; читал с экрана по

* Тогдашний чеченский писатель Зелимхан А.М. Яндарбиев окончил Высшие литературные курсы в 1989 году. Один из главарей чеченских террористов, одно время являлся И. О. президента Ичкерии. Побив горшки с Масхадовым, обосновался в Катаре, где организовал финансирование войны на Кавказе. Террорист по спискам ООН. Взорван в 2004 году в автомобиле. – Прим. авт.

чисто «технической» причине: работа его связана с постоянными длительными командировками. Не сумки же с полными собраниями сочинений с собой возить?

Стоп-стоп! Зарапортовался. Ещё один давнишний знакомый читает с экрана свежие номера «Приокских зорь» и других тульских художественных изданий. Он всегда должен быть в курсе, поскольку ведёт на местном радио литературно-просветительские передачи. Если кто в городе и области ещё помнит смысл слов *писатель* и *литература*, то только благодаря ему... Честь и хвала Виктору Васильевичу!

То есть внушаемое с ТВ-экранов мнение о пользе «новых технологий» – слышать этого, прежде уважаемого технического термина, слова не могу! – для целей просвещения и культуры – это «сказки бабушки Телевизоровны». Был такой периферийный эквивалент передачи «Спокойной ночи, малыши» на мурманском телевидении шестидесятых годов – из детских заполярных воспоминаний...

Чтобы перейти к следующему разделу, приведём многозначительную цитату из книги «Беседы Вельзевула с внуком» Георгия Гурджиева, своеобразного философа, эпатажного мистика и... однокашника Иосифа Виссарионовича, тогда Джугашвили, по духовной семинарии: «И поэтому сегодня, мой мальчик, на этой несчастной планете каждый взрослый человек вместо того, чтобы получить подлинные знания, которыми нормальное трицентричное существо должно обладать о событиях, произошедших на его планете в прошлом, изучая все механически и бессознательно, «воспринимает» всем своим существом «информацию» о Египте и занимается различными спекуляциями об этом при помощи своего Разума».

Как тут не поверить в провидчество столь загадочных мистических личностей как Рерих, Блаватская и Георгий Гурджиев! Не зря же в тридцатые годы Сталин часто интересовался: где находится и чем занимается его бывший однокашник... Сам автор цитированной книги выделил закавычиванием слово *информация*, причём совершенно в нынешнем её понимании как *цифрофрения* (термин наш). И ответы – в контексте сегодняшнего умаления литературного слова – на традиционные русские вопросы *Кто виноват?* и *Что делать?* следует искать в этой самой цифрофрении, то есть в стремительном угнетении аналогового, творческого мышления современного человека, замещаемом цифровым, утилитарным, расчеловечивающим мышлением цифровым – что есть мощнейшее оружие глобализации*.

...Весьма многие ныне пишут о гибели русской художественной литературы (на Западе она давно сгинула) в её естественном двуединстве «писатель ⇔ читатель», приводя почти что стандартный набор доводов: возвращение атакизма частнособственничества, равно как и буржуазного «*homo homine lupus est*», ускорение темпа жизни («не до того, Федя, не до того»), технизация и цифрофрения современного мира, «усталость всероссийская» от частой смены ситуации в стране за последние десятилетия, деидеологизация и отсутствие нравственных и вообще любых ориентиров («Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет...») и пр., и пр.

Но мы не политкорректные СМИ, поэтому ответим на хрестоматийные вопросы. «Виновата» вроде как эволюция человечества, которой, по ее никому не ведомым законам, потребовался биосферно-ноосферный переход, условием которого является расчеловечивание «бывших человек» (см. выше), для которого литература нужна как козе баян. Но обвинять эволюцию все одно, что гневать бога упреками в извечном несовершенстве сотворенного им мира, где никак не улягутся рядом волк с овечкой... Примем такой ответ как априорный, где некого судить и сами судимыми не будем.

Но вот по части *что делать?* Порассуждать следует. В самом деле, не скорбеть же молча, набрав в рот воды? Вода ведь не грузинский коньяк «Греми» десятилетней выдержки и не шотландский виски «Балантайн», что тоже семь лет томился в дубовой бочке, много не выпьешь, а выплунуть и воду жалко. Так для какой высокой цели в наше неуютное, оцифрованное и сугубо утилитарное время следует (безгонорарно и безвестно) писать-сочинять многотомные эпопеи, задумчиво-нравоучительные романы, душеразслабляющие повести, занимательные рассказы и новеллы? А поэтическое творчество, которое по определению не мыслится без скандирования рифмованных строк поэтами, воодушевленными, с горящими глазами, в различных людских сборищах: от кухонной компании на троих творческих личностей до зала Политехнического музея, где некогда тот же Маяковский состязался с Игорем Северянином за титул короля поэтов (Маяковский проиграл). Где им теперь собираться, главное – для кого скандировать-то вирши? Тем более в эпоху рукотворных пандемий и гибридных войн по планам глобализаторов-империалистов. Опять же, Федя, не до того...

Вопрос поставим ещё проще: для кого писать-творить? Не уподобляется ли современный литератор пацану Ваньке Жукову, что, обливаясь горячими слезами («ейной (селедкиной) мордой мне по харе!») пишет жалостливое письмо на деревню дедушки, Константину Макаровичу? То есть без адресата – получателя, да ещё в адрес времени: *электронное письмо по e-mail*.

Возможный ответ в наводящих вопросах из разных исторических эпох и в различных сферах творчества. Разве задумывался о возможных адресатах юный математический гений Эварист Галуа,

* Глобализация есть один из начальных этапов биосферно-ноосферного перехода (по В. И. Вернадскому). Наша концепция такого перехода издается в продолжающейся серии авторских монографий (на сегодняшний день издано 20 томов) под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы». Опубликованы в различных издательствах: «Астерион» (СПб), «Московский Парнас», URSS (Москва), «Триада» (Тверь), Изд-во ТулГУ и др. Размещены на различных научных сайтах. – Прим. авт.

когда в ночь накануне гильотинирования в лихорадящей спешке исписывал страницу за страницей формулами, из какой рукописи вышла вся современная алгебраическая математика? А ведь в эти листы бумаги тюремщики запросто могли завернуть свои скудные революционные пайки: варёную луковичу, яйцо и кусок хлеба...

Отскочим на два тысячелетия вглубь истории: думал ли Платон, создавая свои сократические диалоги, что записи его учеников не только переживут их самих и самую Элладу и станут основой всей современной европейской философии? Или, спустя всего лишь несколько веков, апостолы-евангелисты и их последователи, создавая корпус Нового Завета – Христовых заповедей, самое многое думали сохранить это учение в узком кругу обитателей римских катакомб, где собирались на всеобщие бдения тайные христиане. Вряд ли им приходил в головы даже намёк на мимолетную мысль, что скоро, очень скоро по неторопливым тогда историческим временным меркам, христианство начнёт семимильными шагами овладевать телами и душами миллионов, а затем и миллиардов людей по всему земному шару, станет *ведущей* канонической религией, а главное и эпохальное: даст всемирному человечеству высочайшую и единственную в своей неповторимости мораль и этику вселенского добра, побеждающего зло: от Заповедей блаженств Нового Завета – Нагорный проповеди Христа. И вовсе помыслить не могли апостолы-евангелисты, что в немыслимо далёком от них двадцатом веке эти заповеди очеловечатся, овеществятся в пробном, опережающем ходе эволюции созданием мировой же системы советского социализма. Причём этика и мораль которого один-к-одному, как инженеры ставят масштаб на чертежах, будет взята из Христовых заповедей, только под другим названием: «Моральный кодекс строителя коммунизма»...

Вот мы и подошли к ответу на вопрос: что делать? «Поэтом можешь ты не быть...» «Если можешь не писать – не пиши» и так далее – это правильно сказано людьми, знавшими толк в писательском ремесле, для подступа к которому важно оценить свои возможности, то есть сочетание данных природой способностей и уверенности в своей целеустремленности. «*Есть разница*, – пишет в своей эпохальной «Алхимии слова» Ян Парандовский, – *между писателем, которого вдохновила идея, и писателем, призванным самим писательским инстинктом. Первый выбирает перо среди нескольких возможных орудий деятельности и, если оно было для него единственной возможностью, откладывает его, как только выполнит свою миссию. Для второго же творчество чаще всего прекращается вместе с жизнью*».

...Замечу, что уникальную эту книгу должен проштудировать каждый примеряющий на себе виртуальные эполеты писательского мундира, а затем сделать её настольной. Не столько справочным руководством, сколько своего рода контролирующим чтением «на каждый день». Или «На каждый день» – как название сборника афоризмов и изречений у Льва Толстого (тт. 43, 44 ЮБПСС в 90 томах).

Из слов же Яна Парандовского следует: литературное творчество не баловство, не эпатаж (хотя бы Оскар Уайльд и бахвалился, что пишет от скуки жизни...), но исключительно серьёзное занятие: и когда оно является «единственной возможностью» достижения цели, и если оно становится целью и содержанием жизни. Ибо в обоих случаях имеет место *творческое самовыражение*. И это не приевшийся словесный штамп, но терминологически и семантически точное определение. Вся сущность в единстве творчества и самовыражения, а отдельно это совершенно иные понятия. Ведь и творчество может быть вовсе не самовыражением, например, сугубой профессией. А великое братство «датских поэтов»? Так же и самовыражение, как социально-биологический инстинкт, в той или иной степени присущее всем людям, но – без дополняющего его творчества. Примеров и искать особо не надо: женские, извиняемся, многочасовые разговоры, когда собеседницы говорят одновременно, не прислушиваясь к словам визави – типичное самовыражение. Инверсивный спектакль для двоих... можно и для большого числа.

И вот здесь – внимание! Следует верно оценивать акценты, логические ударения в словосочетании *творческое самовыражение*, то есть когда то и другое присутствуют в человеке, вступающем на литературную стезю, но в различной степени соотношения. Вне всякого сомнения, творческое начало, как внешнее отображение литературного таланта, есть неременное условие реноме состоявшегося писателя. А самовыражение – это индивидуальное преломление видения мира, которое писатель запечатлевает, условно говоря, на бумаге, после чего созданное им произведение автономизируется от автора, существует уже своей, виртуальной жизнью. И жизнь эта протекает веками, а то и тысячелетиями, лавируя между преградами забвения и равнинами памяти в общественном мнении. А мнение это капризно и переменчиво, постоянно колеблется между догмами: «мысль изречённая есть ложь» и «рукописи не горят».

Во времена устоявшегося течения литературного процесса, как оно в русской литературе имело место быть в девятнадцатом и двадцатом веках, когда писательство являлось профессией, были авторитеты-ориентиры, а главное, имелась многомиллионная читательская аудитория, доминанта творческого начала при условии самовыражения являлась несомненной. Кристаллизация же, точнее выкристаллизовывание писательской иерархии, создание творческой литературной среды обеспечивалось, создавалось «равновесным» действием следующих факторов.

Непрерывная, длиной во всю творческую жизнь, литературная учеба, о чём уже сказано выше – это единственный путь от неясного еще осознания тяги к художественному творчеству до читательского признания. Отсюда и выработавшиеся «чины» писательской иерархии: начинающий, подающий надежды, способный, талантливый, самобытный, видный, признанный, выдающийся и вершина: гениальный; это о Пушкине и Достоевском; расширительно сюда включают Гоголя,

Лермонтова (нераскрывшийся гений), Льва Толстого. Возможно так и о Бунине с Шолоховым сказать. И вовсе не по причине их «нобелизма»...

Если в девятнадцатом веке эта учеба являлась самообразовательной, то уже на рубеже веков она начинает становиться организованной: от Университета Шаняевского, многочисленных в столицах литературных обществ, далее Института философии, литературы и искусства (ИФЛИ) до создания Литературного института.

Другой же фактор пути к профессионализму и стимулированию своего творчества – это то, что в среде литераторов просто называется «пробиться в печать». В отличии от житейского «выбиться в люди», здесь материальная составляющая практически отсутствует... по крайней мере на всем этапе достижения приемлемой степени литературной известности. Талант талантом, но *имя* завоевывается долго и обильным потом, напряжением воли и терпения. Перечитайте «Мартина Идена» Джека Лондона! Сам вспоминаю многолетнюю переписку с редакциями литературных журналов... понятно, речь идёт о советских временах. Но именно такой нелёгкий путь к печатанию и создавал творческий, профессиональный писательский круг, становясь непреодолимой преградой для бесталанных и ленившихся учиться литературному делу.

Всё рухнуло одновременно вместе с нашей советской страной. Если суровый в своих наиданиях Лев Николаевич как-то сказал, что изобретение Гутенбергом книгопечатания открыло дорогу невежеству, то другой Лев, только Давидович, стало быть Троцкий, великолепный литературный публицист (см. «Литература и революция», 1923), поправил Толстого, что-де невежество – слишком сказано, а вот печатание книг открыло путь дилетантизму – это в точку!

...Здесь особо гадать не требуется: речь идёт о переходе от государственной монополии на печатное слово к «самиздату за наличные». Такая платная печать, хотя бы и крохотными тиражами, вмиг разрушила русскую литературу, а именно: (а) нивелировала её качество до стенгазетного уровня; (б) упразднила само понятие авторитета-ориентира; (в) ликвидировала устремлённость к литературной учёбе; (г) привнесло характер «кружковщины». Перечисление можно продолжить на весь алфавит, что называется, от альфы до омеги. Всё по Льву Давидовичу и даже по Льву Николаевичу... Изящная словесность во многом приблизилась к образцу того незадачливого сочинителя, что выведен персонажем в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского (грешно смеяться, конечно):

«– Владимир!.. – шептала в упоении графиня. Грудь её вздымалась, щёки её багровели, очи горели...

Новый, ужасный брак был свершён! ... Через полчаса старый граф вошёл в будуар жены своей.

– А что, душенька, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке».

Самое угнетающее: даже добротной написанная вещь, литературно грамотно, с классической композицией, или наоборот, новаторски, не закрепится в памяти читающего, что есть крах всех надежд и ожиданий писателя. А почему? – просто нет эффекта повторения – запоминания автора, его индивидуальной творческой манеры, ибо нет уже *всероссийского литературного процесса*, не на чем глазу остановиться в россыпи малотиражных изданий. Всё одно, что разглядеть жемчужину, выброшенную морской волной на галечный пляж.

...Вспоминаются строки из книги литературных очерков известного писателя (вроде как Телешов, хотя фамилия здесь роли не играет) о некогда испытанном им *чувстве узнавания*. Читал он как-то книгу Гарина-Михайловского, «нивского» издания, в переплете из выпусков «бесплатного приложения». Писатель этот – добротный, классик «второго ряда», читать его одно удовольствие (уже от себя вставляю), особенно тёплым летним вечером или зимним в тепло натопленной комнате, под мягким светом торшера, в тишине, а ещё после ужина с «разгонной» стопкой... Словом, автор литературных воспоминаний, ещё только собирающийся посвятить себя служению писательской музе, читал в молодые годы книгу Гарина-Михайловского (помните? о детстве, учёбе в гимназии, начале творческой жизни), как вдруг что-то заставило его вздрогнуть, посерьёзнеть. Что-то новое предстало на страницах, хотя бы сюжет и продолжал развиваться в той же социальной среде, в кругу общения примерно тех же людей. Слова те же, чувства схожие, но что-то иное читал он, заставившее внутренне напрячься, а на душе появился осадок того беспокойства, что посещает человека, когда он читает книгу, равно смотрит спектакль или кинофильм, когда по ходу развития сюжета всё нарастает и нарастает напряжённость, явно не обещающая пресловутого «хэппи энда».

...И только встретив имя Настасьи Филипповны, сообразил: переплётный мастерской по ошибке в блок тетрадей (типографский термин: свернутый в формат страницы печатный лист) книги Гарина-Михайловского вложил тетрадку из «Идиота»! Далее автор воспоминаний замечает, что невозможно хотя бы по отрывочному тексту, даже по абзацу не различить хорошего, талантливого писателя и литературного гения.

Надеемся, что подобной иллюстрацией мы не отклонились от темы очерка.

Тема же эта подводит к нынешнему определению сущности писательства и носителя этого славного в прошлом, а сейчас крайне неопределённого занятия. В двух словах его не дашь, потому позволим себе «попросторнее» изъясниться – в смысле каноническом конечно: словам тесно, а мыслям просторно...

Современный писатель, а де-факто «стучатель по клавишам» (пока речевой ввод в компьютер еще не совершён; с правилами орфографии и синтаксиса не всё так гладко), – это атавизм прошлого,

хотя бы недавнего, почти уже артефакт. Как, например, исчезающие наличные деньги в кармане и в домашней заначке. Их виртуализировали пластиковые карточки. Тем самым банки, распевая в телерекламе сладкие песенки на американо-нижегородском диалекте про мифический кешбэк (... вашу онлайн), выполнили свою *сверхзадачу*: весь денежный социумно-гражданский оборот взяли в свои руки *беспроцентно!* И оруэлловский Старший Брат доволен: вся, самая мелочная, финансовая жизнь его подопечных под полным контролем. Кроме киберворов, разумеется. Им ведь тоже надо жить! На то и щука, чтобы карась не дремал...

Писатель и деньги (наличные и виртуальные) суть понятия ныне несовместимые. Сближают их только категории уходящего, то есть атавизма и артефакта.

Писатель, в устоявшемся доселе понятии, сейчас выключен из активной социумной жизни, не востребуем по самому определению этой жизни, в которой усилиями доминирующего глобализма творческое аналоговое мышление семимильными шагами замещается утилитарным цифровым. Умозамещение и цифрофрения суть содержание процесса расчеловечивания. Писатель же, как носитель творческого начала, рассматривается Великим глобализатором (Старшим Братом в романе «1984» Дж. Оруэлла) если не как прямой враг – слишком велика честь на эту козявку усилия затрачивать! – то как щепка на паркетном полу: излишняя она здесь и антураж портит. Словом, не комильфо.

Так чем же, какой надеждой живёт нынешний художник слова? – без читательской аудитории и отлучённый от СМИ во всех её широких понятиях: от печатного станка типографии (платный тираж в сто экземпляров – кот наплакал!) до так называемого «общественного мнения», в котором само слово «писатель» твёрдо ассоциируется с ушедшими эпохами.

Ладно, литератор прежней закалки, успевший вступить неуверенно, хотя бы одной ногой, на стезю изящной словесности. Всё же он успел разогнаться и остановиться не может: сладкая зараза творческого позыва столь мощно-инерционна, что сравниться может разве что с раскрученным колесом, помещённым в вакуумную среду...

Сложнее понять пишущего в охотку (это как фотоохота – без «вещественной» добычи... то есть без гонорара) из нынешних возрастных генераций. Но – присмотрелся, хотя бы как главред литературного журнала. Опять же современных авторов читаю – и не только по этой (общественной) должности.

Надо исходить из аксиомы: писатель страшно одинок в своём творчестве (Ильф с Петровым, братья Гонкуры и Стругацкие здесь не указ). Одиночество – это не норма социального бытия человека, даже персонаж Дюма в одиночной камере замка Иф нашёл себе собеседника... Поэтому творящий сам-один в своих мыслях писатель восстанавливает свою социумную принадлежность в виртуальном мире: через своё сочинительство он общается с людьми, своими читателями, заочно, опосредовано через печатное слово. Он не знает: сколько их будет, читателей? Останется ли написанное им во времени... хотя бы пока ещё ощущается запах типографской краски при перелистывании страниц свежеепечатанной книги? Понятно, что типографская краска – это лишь образ; высокая печать сейчас используется только для тиражирования на веленовой бумаге – чтобы на века хранения! – особо значимых изданий... А офсет и лазерная печать без запаха.

А если даже знает, сейчас и вовсе уверен, что исчезают последние его читатели (см. выше), то остаётся ... только потребность самовыражения, почти что выработанный социальной эволюцией инстинкт. Побочное явление литературы без читателей и официального статуса – расширение писательской среды, в которой редкие природные таланты полностью затенены любительской массой. Настолько обширной, что намного превышают выработанные социальные (процентные) нормы. Сочувственно относясь к обеим категориям, всё же позволим себе усомниться в их суммарной творческой продуктивности. «Кадры решают всё» и в литературе, но если под кадрами привычно понимать писателей профессиональных с иерархией дарований и наличием авторитетов-ориентиров, то их отсутствие делает массу «безлошадной».

Ладно в художественной прозе. Здесь можно обойтись и без литературной (само)учёбы, если ограничиться писанием коротких рассказов-зарисовок. Можно «вытянуть» и литературную публицистику, где акцент ставится на самодовлеющую цель, которая если и «не оправдывает средства», но сглаживает шероховатость сюжетно-композиционного построения. Но вот драматургии противопоставлено любительство! – строжайшие формальные правила построения пьесы и насыщенная образность представления при их написании (драматург в процессе работы «на равных» совмещает в себе создателя произведения и его зрителя-слушателя!) требуют профессионализма.

Самая невообразимая ситуация в нынешней поэзии. Во-первых и в основных, поэтом можно только родиться; это тоже аксиома – потребно особое (игра природы) индивидуальное строение правого полушария головного мозга; так сказать, особое сплетение аксонов и синапсов – это шутка, но со смыслом! Во-вторых, даже верлибр, белый стих, не говоря уже о сонетных и александрийских формах, подчинены строгим формам стихосложения, так что, «не мог он ямба от хорея, как мы не бились, отличить» – это крепкий замок на двери в страну поэзии. Наконец, образы и тропы поэзии, их совершенствование, выработка индивидуальной манеры – всё это в творческом единении требуют неустанной, изнуряющей работы; опять же длиной в поэтическую жизнь. С сомнением относясь к словам (тогда молодого) Евтушенко «до тридцати поэтом быть почётно, но срам кромешный после тридцати» (сам он сочинял до восьмого десятка...), в то же время осторожно относимся и к тем, у кого поэтическая муза проявляется во второй и более поздней половине возраста. Вообще-то говоря,

о любительстве всё уже сказал Хлестаков: «Я ведь тоже разные водевильчики... И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях».

...А уж если «лёгкости» нет, то и вовсе обидно: трудишься, потеешь, и всё напрасно. А сейчас все вокруг «поэты», видно массово в головах перепуталось; справедливую присказку «в юности все поэты» переиначили на другой лад: «Попашешь, попашешь, попишешь стихи», – но, в отличие от первоисточника, с логическим ударением на слове «попашёшь»... Вроде бы смешно, пусть люди от безысходности унылой и серой оцифрованной жизни хоть малую отраду в стихосложении находят, хотя бы и слабо рифму чувствуют? Всё пристойнее, чем водяру на кухне глушить... Ведь и раньше малоумело рифмовали? Верно, рифмовали, но в лучшем случае цеховой стенгазетой жизнь любительских стихов завершалась. А сейчас? – у меня, дескать, две поэтические книжки изданы, прима, дьявол, в писательскую союзу! И «примают». Итак, высшая степень дилетантизма с членским билетом. Не в обиду будет сказано.

А раз вспомнил про сорокаградусную «злодейку с зелёной наклейкой», то не удержусь привести отрывок из недавно услышанного по радио рассказа для детей современной сочинительницы: «...От вошедшего в помещение <имярек> неопрятно одетого мужчины отвратительно пахло дешёвым *алкоголем*...». Отвлекаясь от сомнительной «детскости» такого повествования, выделим слово *алкоголь*, как иллюстрацию к нынешнему (насильственному) оскудеванию русского языка. Любой, даже записной трезвенник, заметит: доселе чисто «химическое» слово это, ранее употреблявшееся лишь в специальной литературе, сейчас полностью вытеснило – в названиях магазинов, в «казённой» и обыденной речи и вообще везде! – бывшее разнообразие: от арго «кирка», «кирять» и пр. до улично-бытового «выпивка», «червивка» и «чернила», «плодово-выгодное», та же «водяра», и расхожее «поллитровка» с «четвертинкой» (в горбачевщину «раиска» – в бутылочках 0,33 литра из-под пепси-колы), «огнетушитель» – это 0,71. Казённое «спиртное» тож.

Усмехнулся горестно, а в голове объявилось продолжение того сермяжно-детского рассказишки: «...К восторгу детворы, особенно молодых мам, следом в помещение <имярек> легкой походкой вошёл молодой стройный красавец с бородкой а ля Абрамович, в дорогом английском костюме, от которого ласковой волной исходил аромат элитного алкоголя. Молодые мамы инстинктивно завели за спины руки с обручальными кольцами на безымянном пальце».

Поздравил сам себя с титулом современного детского писателя и принял стопку «Джонни Уокера» двенадцатилетней выдержки, пожалев о неимении британского прикида...

Продолжим, как тот присяжный поверенный у Ильфа и Петрова, в подражание которому Остап Бендер, раз уцепившись за знаковое слово, так и тянет его в течении всего судебного процесса. Понятно, у нас это упомянутая выше «кирка». Вспомнилось хрестоматийное, из школьного учебника, как академик Павлов ставил на себе эксперимент: выпил полбутылки рома и стал записывать свои мысли. Наутро пробовал прочитать и... разобрал только первые слова. Попозже школьных лет, уже студизусом, довелось privately беседовать с пожилым отставным военврачом, что в своё время слушал лекции Павлова, в частности, рассказывавшего о знаменитом эксперименте. И здесь я расширил школьные познания. По словам Павлова, выпил он не полубутылку, а полуштоф рома, то есть шестьсот миллилитров. Ай да Иван Петрович, ай да Нобелевский лауреат – нехило для академика! Ещё в школьном учебнике опущены слова экспериментатора, что вслед за последним стаканом в голове явственно зазвучали на контрах две музыки: яростно-весёлый цыганский хор из «Яра» и что-то навроде моцартовского реквиема. Великий физиолог объяснил такое сочетание раздвоением сознания в состоянии опьянения. Ещё он посетовал, что по хроническому безденежью в молодости смог купить только дешёвый ямайский ром, а не высококачественный кубинский, что красовался на витрине елисеевского магазина.

...Вот и у нас к окончанию этого опуса, даже без употребления рома (хотя бы магазин сети «Красное & белое» в торце родного дома разместился), такая рассеянная двоякость мысли в голове образовалась. С одной стороны, радует причастность к сочинительству широких масс, преимущественно пенсионеров и домохозяек: какое-никакое, но ведь элементарное творчество? Ведь тянутся же люди к безденежному занятию – и это в подавляюще-частнобственническое время! Но с другой – обидно присутствовать при закате самого социального института словесного творчества.

Глобализация, расстудить её в качель! – ей творчество ни к чему. «Правду ли говорят, будто ты можешь соединить отрезанную её голову с туловищем?» – спрашивает персонаж древнеегипетского письменного памятника «Сказки сыновей фараона Хуфу». А это самое начало человеческой эпохи цивилизации и культуры! Если в современном *status quo* голову и туловище проассоциировать, соответственно, с художником слова и его читателями, неважно, почитателями или хулителями, а разъединение их признать почти что состоявшимся, то где тот волшебник-жрец, что вновь соединит их в единое целое?

Но жрецы давно ушли в небытие тьмы египетской, а социальная эволюция не повторяет пройденный путь, но допускает определённую цикличность в форме диалектической спирали Гегеля – Энгельса. То есть повторение на совершенно ином качественном уровне. Но последующие ходы эволюции человеку знать не дано.

Привал на поэтической тропе.....

Владимир СПЕКТОР

г. Луганск, ЛНР – Россия

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных премий.

Редактор литературного альманаха «Свой вариант».

«Есть надежда, что мы на пороге весны»...

О книге стихов Ивана Нечипорука «УСЛОВНОСТИ» /104 стр. Горловка, Библиотека журнала «Пять стихий»-2023/

«Когда говорят пушки, музы молчат»... Правоту фразы, приписываемой Цицерону, прошедшие века и подтверждают и опровергают. Грохот оружейных (а позднее и ракетных залпов), казалось бы, должен заглушать звучание литературного слова, подавляя вдохновение и порывы творческой страсти. Но время, в том числе и нынешнее, проявляет неумолкающий поток поэтической речи. В нём слышны самые разные голоса, и по звуку, и по регистру, и по настроению. И по таланту. Поэты – люди неравнодушные по своей природе, и потому их реакция на события окружающей действительности (в большинстве своём искренняя и честная) вполне внятно представляет настроения в обществе. Способствуют этому не только многочисленные антологии, социальные сети, литературные сайты, но и авторские издания, в которых современная поэзия являет своего лица «необщее выраженье».

Один из наиболее известных поэтов Донбасса Иван Нечипорук свою новую книгу стихотворений назвал «УСЛОВНОСТИ», будто намекая, что в своём способе воспроизведения жизни уповает не только на объективные реалии, в которых жестокость войны разрушает все зримые и незримые приметы мира и былого согласия, рождая боль, слёзы и праведный гнев. Он тем самым утверждает, что победу справедливости обеспечивает сила не только оружия, но и любви. Хотя, способна ли она преодолеть морок ненависти, жестокости, мстительного злорадства – большой вопрос. Автор верит в это, несмотря на то, что вплотную столкнулся с самыми страшными реалиями жизни, которой нынче постоянно сопутствует смертельная опасность.

... Фатальность стала главной из примет,
здесь кофе пьют под рокот канонады.
И с раздраженьем никакого сладу,
когда надежд на безмятежность нет...

... Исход пока ещё неведом, у нас одна война, но мы о разных думаем победах.
А смерти что? – Идёт по следу, людей разделявая в жмых.
Побита оспами воронок былая жизнь. И мы вразнос
злословья сводим эскадроны, озверевая неуклонно,
пускаем чувства под откос.

И, всё же, чувства выживают, невзирая ни на что. У Ивана Нечипорука это чувства любви и сострадания, милосердия и сопереживания. А ещё – желание понять, разобраться в истоках ненависти, неприязни, злорадства, нетерпимости к иному мнению... Почему всё произошло именно так, а не иначе? Он вспоминает прошлое, в котором была трудная и опасная работа в шахте, где каждый день может стать последним. Но, при всей непредсказуемости, там не было злости и предательства, наоборот, дружба и взаимопомощь помогали преодолевать трудности и страх. И какая разница, на каком языке говорит твой напарник по угольному штреку. Главное, чтобы это был язык взаимопонимания, дружбы, поддержки.

Мы углублялись в книги, и в шпурсы,
Входили анкерно, и этот мир крепили,
Питаюсь воздухом со взвесью чёрной пыли,
Не зная, что мы часть большой игры.
Но мы не верили в зависимость свою,
И обходили споры стороною.
Пока наш мир не снизошёл на дно и
Мы у судьбы осели на краю...

Талантливый поэт с многолетним опытом опасной подземной работы, точно знающий цену добру и справедливости, дружбе и порядочности. Понимающий, как хрупка человеческая жизнь, как тяжело добывается это самое черное золото, которое потом превращается в свет и тепло, комфорт и бытовые удобства... Таких поэтов в истории литературы – даже не десятки, а единицы. Возможно, потому Иван Нечипорук кроме безупречного литературного вкуса, безошибочно ощущает житейскую фальшь и несправедливость, бережно относится к друзьям и коллегам, уже много лет возглавляя писательскую организацию шахтерской Горловки, редактируя альманахи и журналы, проводя конкурсы и фестивали.

Человечность и порядочность (наряду с талантом) проявляются и в лучших стихах Нечипорука. Это важно и встречаются эти чувства в поэзии, особенно последнее время (не зря его в одной книге назвали «временем черствых душ»), не так часто. А ведь без этих качеств, без пронзительных чувств жертвенности и душевной щедрости, по большому счету, истинная поэзия невозможна. В книге «УСЛОВНОСТИ» она есть, и это достоинство неоспоримо. А ещё полноправным героем его стихотворений выступает любимый город – Горловка, прошедший через страдания и мучения, бомбёжки и обстрелы, обман и несправедливость. Городу посвящён не только отдельный цикл сонетов, но и, практически, вся книга. И тут начинаешь понимать, почему слово «любовь», пусть и в английском написании, вошло в название поэтического сборника. Всё просто – стихотворения проникнуты большой любовью: к городу и горожанам, к родному краю, к жизни, которая, как сказал классик, хороша, «хоть под дождём и без гроша в кармане, хоть в Судный день – с иголкой в гортани». Этот горловский цикл читать спокойно невозможно. Ибо боль всего города прошла сквозь сердце поэта.

... Город, где ртутных карьеров раскаты неслись,
Где вагонетки канатки, взлетевшие ввысь,
Были нам символом крепкой советской эпохи.
Я этот город теперь собираю по крохе,
Горловка – это не песня, а вся моя жизнь.

... Город, где шахтною пылью дышалось легко,
Я, как волчонок, впитавший его с молоком,
В мир прорастал, наполняясь его соучастьем,
В этом великом краю пролетарского счастья.

... Город устал, и фантомность предместий
Чувствует каждую ночь на себе.
Всё на кону! Отвергая бесчестье,
Город живёт ради добрых известий,
Наперекор неподъёмной судьбе.

В краю пролетарского счастья, которое война привычно превратила в несчастье, люди были вынуждены искать лучшую долю, срываясь с насиженных мест. Вместе с покоем и безопасностью исчезала работа. Вот и автор книги временно покинул свой дом в надежде найти применение своим силам и умениям, чтобы избавить семью от нужды и безнадёги. Работу нашёл, но покой потерял. А потом – и свободу. Ибо трудно скрыть то самое «лица необщее выражение», свои взгляды и мысли, искреннее изумление и неприятие столь быстрого и легкого предательства языка, истории, культуры. Да и дружба стала опасной, ведь её трактуют, как повод для обвинений и осуждений. Общение с «бойцами невидимого фронта» поэтичным не было, но в поэзии отразилось. И это только подтверждает, насколько честна, искренна и исповедальна эта книга стихотворений Ивана Нечипорука. В ней нет проходных, равнодушных строк – все они выстраданы сердцем, душой, судьбой. Безусловно, есть более или менее удачные произведения. Но нет безликих и безразличных. В них – напряжение времени и совести, извечное сражения света и тьмы.

... Лукавые бойцы невидимого фронта – Тартюфы искусительных бесед...
... Вам не понять, насколько вы больны. И хочется стереть вас скипидаром,
Как плесень с зацветающей стены...

... Воюют с монументами приматы, пытаются забвению предать
Героев, что для них теперь нон-грата... Откуда эта раса геростратов,
Воинствующих варваров орда? Они умы питают чёрным вздором,
На здравый смысл спуская всех собак. ... Не в силе Бог, а в правде – это факт.

... И тону в крошечном вздоре, вслух от боли простонав:
«Я устал с судьбою спорить, неродная сторона!»

«Неродная сторона», подобно недоброй мачехе, скупа на справедливость, зато щедра на требовательность и суровость. И оправдания всегда одни и те же: «Не мы виновны, время такое...» Но время всегда одно, и утешает оно лишь тем, что «всё проходит». Пройдет и сгустившийся морок злобы и беспамятства. И об этом тоже пишет Нечипорук. Вернее, это следует из всего строя его книги. В ней нет ощущения безысходности. Автор верит и надеется. Не зря же слово «любовь» встроено в название.

Любовь безусловно способна преодолеть любое зло. И уже ради этой мысли стоило писать и нужно читать книгу «УСЛОВНОСТИ». Ведь вера в добро укрепляет надежды и делает мир сильнее.

... Город-мученик, он, опалённый огнём «операций»,
Так устал содрогаться, и чувствовать привкус вины...
Я молю: «Продержись! Мы должны продержаться!
Есть надежда, что мы на пороге весны!»

Игорь ЕГОРОВ

г. Омск

Коренной омич (родился в 1951 г.). Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Работал в научно-исследовательских институтах Омска, на кафедре физики в Омском технологическом институте, был сотрудником издательства. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Лауреат премии губернатора Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства» им. А. Н. Мартынова. Серебряный лауреат XV и лауреат XVI Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси». Дипломант II Всероссийского литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского. Дипломант областного литературного конкурса «Лучший рассказ XXI века». Стихи переводились на английский, болгарский и украинский языки. Член Союза российских писателей. Главный редактор литературно-художественного издания-тандема: журнала «Иртышъ-Омь» и альманаха «Тарские ворота». В марте 2022 года избран членом Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

«Дорого и свято...»

К 90-летию поэта Анатолия Бывалина*

В сентябре этого года исполнилось бы 90 лет прекрасному поэту-лирику Анатолию Бывалину. Прошло ровно 20 лет, как ушёл из жизни этот замечательный, душевный человек. Но стихи его продолжают жить, трогают сердце современного читателя, ибо настоящая поэзия не тускнеет. Одну из своих книг, которую я помог издать талантливому поэту в трудные 90-е годы, автор назвал по имени стихотворения «Дорого и свято». И как это точно сказано о характере его стихов, о его отношении к родному краю:

На жердях блестят сырые сети,
Ребятня резвится у пруда.
Тополя трепещут в первоцвете,
И гудят над степью провода.

Лай собак и знобкий скрип калиток.
У плетней – телеги и стога.
Из леска табун гривастый вытек
И понёлся в росные луга.

Пахнет воздух клевером и мятой,
В поле гуси щиплют мураву.
Это всё мне дорого и свято,
Это всё я Родиной зову!

Тонкая лирическая душа поэта, как та «душа берёзки», которая оттаивает у него весной в другом стихотворении, с высоты своего жизненного опыта жаждала обновления родной страны. Вот как поэт, уже как гражданин, размышляет:

Были беды, большие утраты,
Много светлого стынет в золе.
Не тянулся в златые палаты,
Я умом прибиваюсь к земле,

О которой закон судьбоносный
Вновь не принят, – на веки беда.
Вот поэтому ужин мой постный,
На голодном пайке города.

Бьются мысли о стенки и створки –
Всё же гложет немая тоска –
Прозябаю в хрущёвке-каморке,
А страна широка-широка...

И как дополнение к этим строчкам другие глубинные размышления-строчки растревоженной начавшимися переменами в стране души поэта:

Отвергаю власть я над собою
Алчных, бесхозяйственных людей.
Со своей невзрачною судьбою
Пережил я множество идей.

.....
Соглашусь с задачей любую,
С трудностью продуманных идей.
Не отрину власти над собою
Умных и талантливых людей!

*Анатолий Васильевич Бывалин родился 3 сентября 1933 года в селе Чёрный Мыс Убинского района Новосибирской области в крестьянской семье. Образование среднее. Работал на омских заводах коррективщиком, оператором, станочником. Посещал занятия литературного объединения при Омской писательской организации. Печатался в омских газетах, альманахах «Складчина», «Тарские ворота». Автор книг стихов «Дорого и свято» (Омск, 1994), «На перепутье лет» (Омск, 1998), «Золотая нить» (Омск, 2002), «С верой в человечество» (Омск, 2003).

И как своеобразная переключка с этим стихотворением, казалось бы, о бедной собачке, звучат аллегорией строчки:

Жучка – славная собачонка,
Ребятне – это целый клад.
С ней играют, смеются звонко,
И во всём у них мир и лад.

Кто ей кость принесёт, кто рыбы,
Хлеба жалко ли детворе?
И живёт она на отшибе,
В балаганчике-конуре.

А когда ребяташки в школе,
Иль загнал их в дома мороз,
Нету горше голодной доли,
И нет горше собачьих слёз.

У чужого скулит порога
И в овчинку ей белый свет.
А хозяев у Жучки много,
Настоящего только нет.

Автор отдаёт дань памяти военным годам, им пережитым в детстве:

Порою встанешь на рассвете.
Под лёгкоструйным ветерком
Берёзка в беленьком корсете
Лепечет что-то под окном.

На базе людно. Кто-то гулко
Кнутом из лихости стрельнёт.
И вымчат кони из проулка,
И станут бричкой у ворот.

На бричке бабы молчаливы,
А Марфа, дельная, кричит:
«Ну где ты, Катя? Едем живо!»
И мама тут же к ним спешит.

Она корову подоила,
Успела что-то постирнуть
И на ходу нам говорила:
«Сварите, детки, что-нибудь».

На целый день мы сиротели,
Но, привыкая к той судьбе,
И забывали, и шумели
В своей, соседской ли избе.

И лишь ночами вместе были.
А утром снова мамы нет.
И так вот жили, так и жили
Не год, не два, а много лет.

Отца уж не было на свете –
Война без горяшка не шла.
Берёзка в беленьком корсете
Нам утешением была.

И всё-таки, несмотря на жизненные перипетии многих лет, многих поворотов судьбы страны, поэт с такой любовью, с такой нежностью пронзительно пишет о родной стороне:

Вот пчёлы летят, как по вехам,
За мёдом – над морем хлебов.
Когда-то здесь с песней и смехом
Моя прозвенела любовь.

Склоняю я голову низко...
Плывут надо мной облака.
Тут сердцу всё мило, всё близко...

Мы – «Вместе»

О молодёжном поэтическом объединении (г. Вышний Волочёк, Тверская обл.)

В холодное зимнее время накал вдохновения у поэтов только возрастает...

Зимой 2018 года для учащихся Вышневолоцкого округа я организовала конкурс стихов юных поэтов «Весенний ветер», для выявления и поддержки талантливых детей. В мае 2018 года лучшие стихи были опубликованы в коллективном сборнике «Откровения весны». Во время подготовки книги к изданию и итогового концерта мы вместе с юными дарованиями активно общались и работали над стихами. Большой вклад в создание сборника внесла молодая, но уже с поэтическим опытом Екатерина Большакова. Дружная работа спланировала и вдохновляла...

Проект «Весенний ветер» завершился творческим концертом и вручением победителям памятных подарков, а ребятам хотелось вновь и вновь встречаться, читать стихи, учиться, делиться своим творчеством. Появились свои песни, начались интересные выступления и поездки. Не прекратилась наша деятельность и во время карантина, мы организовали интенсивную работу на просторах интернета, сами открыли много новых проектов.

К нашей дружной команде присоединялись новые поэты и музыканты, и в ноябре 2020 года появилась идея названия нашего литературного объединения – «Вместе», смысл которого заключается в гармоничном развитии и проявлении каждого участника с его неповторимыми индивидуальными способностями и всего коллектива в единстве, чтобы наполнять мир красотой, радостью, любовью, позитивом.

Быстро летит время... Вчерашние школьники выросли, разлетелись учиться в Москву, Санкт-Петербург, Тверь, но наше музыкально-поэтическое творчество продолжается несмотря на трудности и расстояния. Мы постоянно на связи, используем любые возможности для встреч, живого общения, обучения, творчества, выступлений, публикаций.

Литературное объединение «Вместе» - это молодёжная организация, в которую входят как состоявшиеся поэты, так и начинающие авторы. Нам важно не только писать стихи, но и активно учиться, развивать новые способности, взаимодействовать с другими поэтами, делиться своим творчеством.

Наше литературное объединение активно сотрудничает с администрацией Вышневолоцкого округа, библиотеками, ДК, ДШИ, соц. центрами не только Вышнего Волочка, но и Москвы, Твери, Углича, Торжка, Бежецка, Максатихи, Удомли, Зубцова, Лихославля, Западной Двины, Осташкова и др., задействованы (читаем текст) в международном проекте #izistory <https://izi.travel>.

Мы участвуем в интернет проектах и создали ряд своих: «Литературная гостиная», «Памяти ушедших поэтов», «Любовь на войне», «Любимому городу – к 250-летию», «Вечер в усадьбе», «Рабочие моменты» и др.

Наши поэты активно публикуются: вышла книга стихов Екатерины Большаковой «Вдыхая жизнь» (2019), коллективные сборники «Фонарь-2019» (2019), «Про100 любовь» (2019), «В ожидании чудес» (2019), «Любимый Вышний Волочёк» (2019), «Весенняя книга» (2020), «Про100 поэзия» (2021), «Тверские перекрёстки – 1» (2021), «Про100 поэзия» (2022), «Про100 детям» (2022), «Тверские перекрёстки – 2» (2022), «Тверские перекрёстки» – 4» (2022), «СвоихНеБросаем» (2022), «Тверские перекрёстки» – 5» (2023), «Тверские перекрёстки» – 7» (2023). Наши стихи печатаются в газетах «Вышневолоцкая правда», «Новоторжский вестник», «Двинский бережок» и др.

При поддержке администрации Вышневолоцкого округа был издан сборник пародий нашего известного земляка В. Н. Соловьёва «Не ради смеха» (2022).

Все наши поэты являются дипломантами различных поэтических конкурсов.

Алла Елисеева, руководитель объединения «Вместе»

Екатерина БОЛЬШАКОВА

В окрестностях имения И. Т. Сназина...

Твой дух ещё живёт на берегу –
В аллеях парка, в опустевшем доме...
В безвременье, на вековом изломе,
Где тени чьи-то тайны берегут.

Там под ногами хруст сухой листвы,
Обнажены раскидистые ивы,
А яблони изящны и стыдливы –
Пунцовые от ранящей молвы.

Там дышит опалённой грудью лес,
Вдыхая время, выдыхая вечность.

Над озером извилистая млечность
Тумана. В ожидании чудес

Твой дух, как прежде, жив, неутомим.
Он ждёт свой час упрямо, безнадежно,
Что мне порою кажется возможной
И неизбежной наша встреча с ним.

Максим КОЛЮБИН

На крыше

Холодок накрывает до мелких мурашек,
И дыханье всё тише-тише...

Звонким голосом облако – мелкий барашек –
Будто звало присесть на крышу.

Фонари подустали, заснули квартиры,
И заснули невольны птицы...
Я в карманы с небес собираю сапфиры,
Тихо сидя на черепице.

Я безмолвно гляжу в бесконечность созвездий,
Высота подо мной – ничтожна...
На барашке я б целое небо объездил,
Если был бы росинкой божьей.

А пока посмотрю, как мне радостно машет
Позолоченный месяц свыше,
И оставит меня небожитель-барашек
Дождаться зари на крыше.

Людмила ЛЕБЕДЕВА

Неизбывность

Золотым покрывалом детства
Укрываясь, храню тепло...
Нить огней. Замирает сердце.
Сквозь автобусное стекло –

Очертания крыш увижу,
Вдаль бежит крутизна дорог.
Свет становится ярче, ближе,
Оживив родника исток...

Прошепчу – тихо бор ответит,
И в распахнутое окно
Ожиданий ворвётся ветер,
Пусть минувшее отцвело.

Реки-речи слились в рассвете,
Чайки-чувства сорвались в крик...
...Лишь герань в изумрудном лете –
Неизбывности монолит.

Алексей ЧЕРНЯТИН

Перед рассветом

Струится мягкий тёплый свет –
Вот-вот наступит снова утро,
В янтарный горизонт одет,
А небо дышит перламутром...

Такой картиной в тишине
Недолго можно насладиться,
Весь мир с тобой наедине
С твоей душой – свободной птицей.

Молчанье в лунном хрустале,
Ни звука не сорвётся к звёздам,
Мерцает в уходящей мгле
Спустившийся на Землю космос.

Но этот миг – предвестник дня,
Остаток ночи исчезает,
А утро, росами звеня,
Большую лампу зажигает.

Вероника КИСЕЛЁВА

Круг

Тревожность бессонных ночей, силуэт
Рук,
Бессмысленно небезнадёжный теней
Круг.
Не первый за ночь, не последний за день
Сон,
До боли прекрасно звучит в голове
Звон.
И так благосклонно помочь мне любой
Рад,
Но я нахожу в безнадёжности свой
Лад.

Анастасия РУСИНА

Цветок целомудренный, вечно взволнованный,
Сплетённый из нитей божественных снов,
Манящий и тянущий в небо бездонное,
Цветущий под пенью ночных мотыльков.

Луна – молчаливой Вселенной создание,
Пленителен девственный твой силуэт,
Стремимся к тебе, к просветленному знанию,
Привычно стянувшие души в корсет.

Алексей БЛОХИН

На прогулку позвала нас осень,
Под ветвями клёна золотого.
А над нами только неба просинь,
И не нужно ничего иного.

Только ты и я, и мелкий дождик,
Как-никак его пора настала.
Снова позабыли дома зонтик,
Только бы простуда не пристала.

Впрочем, дома плед и чай горячий
С мёдом и вареньем из малины.
Телевизор с новой передачей.
Даже где -то были диафильмы.

Так что смело топаем по лужам,
Без зонта и скинув капюшоны.
Мне нужна она, и я ей нужен!
В общем, мы – осенние пижоны.

Владимир ЕРШОВ

Искорки

Не было зависти,
Не было злости,
Мы зарождались в пути,
И не нарочно вызвались в гости...
Вертится космос, крутит.

Солнце всходило,
Солнце, как гвозди,
Жгло остриями лучей,
И наливались винные грозди,
Лила роса из ночей.

Не жили правильно,
Не жили просто:
Бились-учились и шли,
Знали, наверно:
«Мы только гости,
Искорки звёздной пыли».

Воды гуляли,
Воды топили,
Вместе мы часто... одни.
Было и больно,
Было и мило,
Пламя метало огни...

Старые кости,
Лёгкие трости,
Мудрость в глазах и лице.
Не было зависти,
Не было злости –
Жалость в неожиданном конце...

Алла ЕЛИСЕЕВА

Запах осени

Запах осени повис...
Оборвался жёлтый лист
Наших чувств...

Разгулялись холода,
Как любили мы тогда...
Море буйств...

Разделяет нас стена
Из дождя иль изо льда
Диких муз...

Сердце горечью саднит
Вместе с осенью навзрыд
Жаждет уст...

Через зимы пролетим,
Но останется любим
Свет искусств...

Родное

Запутались капли заката
В ветвях у отцовской берёзы...
Гляжу на родные пенаты,
Где вырос и был несерьёзен.
Тоскует забор обветшалый
По звонкому крику и стуку,
Домишко вздыхает устало,
Припомнив хозяйские руки.
Частичка души заплутала
В некошеной травушке росной,
Когда-то здесь было начало,
В ночное ходили при звёздах,
Здесь пахло землёю и хлебом,
Петух не давал отоспаться,
Иконы и веточки вербы
Хранили покой домочадцев.

Юлия ГОРДЕЕВА

Снег искристый, первозданный
Нежно в щёки целовал.
Согревал закат шафранный,
Встречи Цнинский ждал канал.

Мост поскрипывал Петровский
От созвучия идей.
Храм встречал, да по-отцовски,
Под гуленье голубей.

Стала городу невестой
И, в преддверье светлых дней,
Возрождаюсь с благовестом
В сонме ангельских речей!

Виктор СЕРОВ

След

Это только кажется, что зимы
От любви нас могут охладить,
Но судеб пути неоторимы,
И огонь сердец не погасить

Ни ветрам осенним, не наносам
Снежным, что в сомнениях как твердь –
Чувства наши, знают ли износа,
Если временам их не стереть?..

Ведь порой бесстыжие метели
И времён никчёмный парадокс,
Нам пророчат вешние капли
И объятья под покровом звёзд...

Пусть летит решительно и грозно
На дороги неподкупный снег, –
Даже время знает – коль не поздно,
То вернётся к дому верный след.

К 130-летию со дня рождения крымско-татарского поэта Бекира ЧОБАН-ЗАДЕ

Бекир Ваапович Чобан-заде (1893-1937) — учёный-тюрколог, специалист по тюркским языкам и литературе. Профессор Бакинского государственного университета, член Союза писателей Азербайджана, доктор филологических наук, руководитель тюрко-татарской секции НИИ этнических и национальных культур народов советского Востока.

Осень

Снова осени увядшее лицо
Грусть наводит, от которой сердцу тесно.
И накрыли туманы снова край лесов.
Вновь ветры степные свои затянули песни.

Думает Дунай о будущем своём.
Слышно, как плещут мысли тяжёлые,
Как степь бескрайняя плачет о нём...
Ждём, как скроет зима землю голую.

А ты друзьям своим подари весну,
Которая любовь нам всем приносит.
Зима – врагам: пусть под сугробом уснут.
Во мне же вечно будет длиться осень.

Замёрзну зимой – лишь в мае оттаю.
В небе, став облаком, лето проведу.
Только осенью покой обретаю,
На печи сам с собой беседы веду.

Всему своё время. Для стихов – весна.
Азарт в мою кровь нагнетает лето.
Не умею драться. Зима мне – для сна.
А осень даёт вдохновенье поэту.

Но осень как красавица больная.
Глаза туманятся. Впали щёки.
А всё горит любовь, не угасая,
Свет надежды посылая далёко.

Потому от осени жду я чего-то,
Будто кто-то заставляет меня ждать.
Что-то осень не устала повторять,
Потому от осени я жду чего-то.

Не весны я жду, не лета, не плодов.
Не звёзд я жду, не рассвета, не солнца,
Не гиацинтов, не роз, не букета цветов,
Не девушки, той, что смеётся.

Нужны пара глаз мне, много лет ждавших,
Чтоб в них заглянуть – и забыть все печали,
Губы, которые не целовали,
Душу и сердце, в силки не попавших.

Пока жду – не дам покоя осени.
Буду в ливнях ей воду мутить.
Зиме и лету обижаться не стоит –
Я тревожить буду осень. И любить.

Октябрь, 1919, Будапешт

Печальная свирель

Если б тёк я ручьём, в озеро струясь,
То в степи вода моя бы разлилась.

Если б липой средь скал вырасти рискнул,
Пусть ветра на скалы бы меня швыряли,
Пусть бы горные потоки вниз смывали,
Пусть ломали б молнии руки ростку.

Про всё, надеюсь, ангелы прознают –
Огрехи мои за грехи не признают.

Боюсь просто так умереть, внезапно.
В горах умереть б, на спуске азартном.

Смерть без могилы, надгробного камня
И без рыданий про вечную память...

Хоть руки не погладили б мне лицо,
Не стал бы неприкаянным мертвецом.

Не омоют, но мертвецы ведь чисты
И гладкие, словно бумага листы.

В цветущем краю хоронить пришёл час
Человека, мечтавшего долго жить.
Ни на миг не перестал добру служить,
А Книга судеб – от Рая ключ для нас.

Он жизнь любил, а смерти не боялся,
Просить милостыню не решался,

А карабкался вверх, всё успеть стремясь...
Так устал, что и в Рай вошёл не спросясь.

Душа твоя, Бекир, всегда желала,
Чтоб сказки, как в детстве, мама шептала.

В пруду ты с лягушками вроде б играл,
Но вырос - бегом их легко обогнал,

Увидел, что небо осоки выше,
А тех, кто в тине, не услышал.

Знать бы, что твоё покаянье примут –
Не повелят тебе вечно жить в тине.

Ведь ты мечтал стать воином навеки,
Но жаль – нет скал, и пересохла реки.

В пологом холме вулкан не проснётся,
Молния в крошечный дуб не вопьётся....

То, что в душе сохранить не сумели,
Спасёт только вздох печальной свирели.

Апрель 1922, Симферополь

Перевела Юлдуз (Венера Рябчикова – член Международного сообщества писательских союзов, Литературного сообщества писателей России, Союза писателей Республики Крым).

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Наталия ЯЧЕИСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Рассказы за чашкой чая», «Пути земные и небесные» и др. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из дорожной котомки

Рассказ (из цикла «Монгол Шуудан»)

Как-то летом, когда я приехала в командировку в Монголию, наш посол выделил мне в помощь сотрудника, чтобы сориентироваться в монгольской действительности. Этим сотрудником оказалась Катя Рыбкина – молодая женщина родом из Иркутска. У Кати сибирский характер: твёрдый, настойчивый, открытый и справедливый. С виду она производит впечатление милой, симпатичной девушки – высокая, светловолосая, голубоглазая, хорошо сложенная; но Катина внешность обманчива – это всё равно что, очаровавшись пушистостью рыси, принять её за безобидную киску.

С первых же минут нашего знакомства становится ясно, что мне очень повезло с Катей. Узнав, что я впервые в Монголии, она с готовностью садится за руль своего джипа и тут же начинает вводить меня в «экскурсионную программу». Я слушаю с интересом и полностью полагаюсь на её выбор маршрута. Таким образом, мы решаем ехать сначала в заповедник Тэрэлдж, который является ближайшей к Улан-Батору природно-ландшафтной зоной.

Едва выехав из Улан-Батора, попадаем в совершенно безлюдную местность. Дорога идёт то прямо, то петляет среди холмов, покрытых густыми лесами. Катя лихо ведёт машину – только пыль да мелкие камешки летят из-под колёс. Она сидит за рулём, немного ссутулившись, зорко всматриваясь вдаль, словно всадник на лошади. Машину сильно трясёт на неровной, покрытой мелким гравием дороге, но Катя говорит, что сейчас ещё дорога хорошая, а вот зимой в горах иногда сплошной лёд, едешь и думаешь: «Мама родная, хоть бы живой добраться!». Катя отнюдь не производит впечатления трусихи – видимо, ощущения от зимней езды и впрямь острые.

У Кати рядом с сиденьем стоит дорожная сумка – котомка, из которой она периодически вытаскивает, как фокусник из шляпы, какие-то вещицы: то салфетки, то конфетки, то какие-то бумажки с записями. Поскольку говорит Катя без умолку, мне вскоре начинает казаться, что и свои истории она вытягивает из этой котомки.

Катя работает в посольстве уже три года. Думала вначале, что приедет на год-два, но посол не отпускает: очень уж хорошо у Кати спорится работа – налаживание российско-монгольских региональных связей. Она сопровождает российских предпринимателей в поездках по разным аймакам¹, помогает вести переговоры, все её потом хвалят. Катя отмечает, что устные договорённости надо тут же непременно фиксировать на бумаге, иначе наутро монголы могут всё перевернуть – то ли от хитрости, то ли от беспамятства. Так что Катя все переговоры доводит до логического конца: похоже, что если эта пушистая рысь вцепится кому-нибудь в холку, то не отпустит, пока не получит своего. В Иркутске у Кати остался муж – архитектор, с которым они видятся последние годы не часто, урывками: то она в отпуск домой приедет, то он её в Улан-Баторе навестит. Но так жить молодым, конечно, негоже, рассуждает Катя. Однако работу она тоже не может бросить: понимает, что дел невпроворот, а заменить её пока некем.

– А не страшно тебе одной по заброшенным аймакам ездить? – спрашиваю я.

Хоть и является Катя официальным лицом, но уж больно броской и необычной выглядит её красота на пустынном монгольском фоне.

– Не, – отвечает Катя, – они меня слушаются.

Я этому охотно верю: Катя, помимо своего авторитета, обладает ещё, видимо, недюжинной силой – крепкая, статная, она, кажется, готова одна в лесу на медведя выйти.

Мы продолжаем свой путь. По дороге в Тэрэлж местность вокруг пустынная, лишь изредка попадаются двугорбые верблюды: они либо медленно и важно проплывают мимо, либо лежат на земле, сонные, откинув в сторону свои прямые костлявые ноги в мохнатых бриджах. По сторонам перед холмами периодически громоздятся каменные возвышенности – столь чудные, что диву даёшься: и на природное явление не похожи, но и человек вряд ли мог такое соорудить. Ну вот, мы и

¹ Аймак – административно-территориальный округ, всего в Монголии насчитывается 21 аймак.

добрались до Терэлжа. Он с первого взгляда покоряет, завораживает своей чарующей красотой. Взгляд скользит по мягким линиям покатых склонов и зелёных долин, покрытых дикими цветами. Тишина и покой разлиты над этой местностью; кажется, так было здесь испокон веков и ничто не способно нарушить величия и красоты окружающей природы. Неподальёку протекает река Терэлж, давшая название всему заповеднику; чистая и стремительная, она выглядит единственным непоседливым существом в этом замершем крае. Постепенно дорога уходит всё выше, петляя между лесистых холмов, и наконец, мы останавливаемся в одном довольно глухом месте.

– Погуляем здесь, – предлагает Катя.

Мы выходим из машины и углубляемся не спеша в редкий, пронизанный солнечным светом лесок, раскинувшийся на холмах. Воздух наполнен свежестью, дышится легко. Через пару минут нашему взору открывается неожиданная картина: в тени деревьев неподвижно лежат разомлевшие, упитанные коровы. Как они забрели сюда, где их пастух? Неизвестно. Сюрреалистическая пастораль.

По мере углубления в лес меня начинает охватывать какое-то странное чувство – нечто вроде смутного беспокойства или дурного предчувствия. Видимых причин для этого нет, но чувство тревоги настолько ощутимо, что я делюсь своими впечатлениями с Катей.

– Ничего удивительного, – спокойно отвечает она. – Здесь многие такое чувствуют. – Катя идёт чуть впереди по узкой тропинке, и я не вижу её лица. Но тут она оборачивается и объясняет: «Шаман-страна». В этот момент я отчётливо понимаю, что мир вокруг обычен только с виду, а на самом деле уже утратил реальность; всё здесь проникнуто какой-то незримой субстанцией, которая воздействует на тебя.

– Вон, посмотри, – Катя указывает рукой на противоположный холм, и я с трудом различаю там нечто вроде каменного чума, обвязанного цветными лентами. Рядом на деревьях тоже развеваются цветные ленты.

– Это обо, – поясняет Катя. – Место шаманских ритуалов, их здесь много. Люди приходят сюда, ублажают духов, кропят воздух вокруг водкой и молоком – не бедно, да? Я раньше думала, что шаманы – это обманщики, аферисты, людей дурят. Но священник наш один объяснил, что они на самом деле через свой экстаз с тёмными силами в контакт входят и сигналы от них получают. Так что всё не так уж безобидно.

– А откуда вообще эти шаманы берутся? – спрашиваю я.

– Шаманом становится либо потомок из семьи шаманов, либо человек, в которого ударила молния, – объясняет Катя со знанием дела.

Напряжение не покидает меня, хотя мы гуляем по светлому лесу среди бела дня. Чудится вокруг что-то зловещее. В одном месте дорогу нам преграждает небольшой овражек с водным потоком, мы минувем его по деревянному мостику – и опять возникает чувство, будто кто-то провожает тебя взглядом.

– У них тут духами вся природа населена, – то ли в шутку, то ли всерьёз поясняет Катя. – Каждая долина и гора имеет своего хозяина – сабдыка. Но не стоит искать, где эти хозяева прячутся: хозяевами являются сами горы и долины. Все они живые и входят в общение с людьми.

– Ну, хорошо, – уточняю я. – Допустим, монголы в силу своих древних традиций и особого ментального устройства как-то взаимодействуют с окружающей природой, но русские-то люди, живущие здесь, надеюсь, не испытывают ничего такого?

– Да как сказать, – туманно отвечает Катя. – Да и у нас в Сибири много чего такого. Один Дедушка Байкал чего стоит: рассердится – мало не покажется! А у нас тут несколько лет назад такое случилось!

В ожидании Катиного рассказа у меня начинает сосать под ложечкой. Но она сосредоточенно молчит, глядя перед собой. Потом, окинув взглядом местность и как бы убедившись, что поблизости нет нежелательных слушателей, говорит:

– В общем, страшная и непонятная эта история. И, глубоко вздохнув, словно собираясь нырнуть в ледяную прорубь, начинает свой рассказ.

– Случилось это лет десять назад, ещё до моего приезда. Дело было летом, в июле. Жара летом в Улан-Баторе стоит жуткая, и посольские предпочитают выезжать в выходные за город. Вот и в тот раз собралось довольно много желающих – поехали аж на двух автобусах. Время на природе хорошо провели: кто в лесу, кто на поляне в волейбол играл, а потом шашлыки жарили. Была среди этой компании одна семья из Москвы – муж, посольский работник, его жена и мальчик трёх лет. Ну так вот, возвращаются все после поездки, подъезжают к посольству, выходят из автобусов. А родители те обратно в разных автобусах ехали – начатые разговоры с приятелями договаривали. Ну так вот, выходит женщина, к ней подходит муж и спрашивает удивленно: «А Саша где?». «Как где? – побледнев, переспрашивает мать. – Он разве не с тобой ехал?». Поняли они тут, что ребёнок их в лесу остался, а они, по глупой своей рассеянности, думали каждый, что сын с кем-то из них едет.

Начался переполох, объяснили всё коменданту, сели в тот же автобус и ринулись назад. Ещё двое мужиков с ними на всякий случай поехали. Хоть все, конечно, и волновались, но надеялись на лучшее: дорога до того места не дальняя, всего-то минут двадцать езды, и было ещё не поздно, достаточно светло. Помнили все также, что когда шашлыки ели, мальчик рядом вертелся. И вот приезжают они снова на то место. Туда-сюда – нет нигде Саши. Бегают, зовут – не откликается. А ведь времени с их отъезда совсем немного прошло – угли костра ещё не успели остыть. В общем,

проискали они его до самого утра, но никаких следов не нашли. Водоёмов в том месте поблизости нет – так что утонуть он не мог. Куда пропал – непонятно. «Ну, – думают, – уснул где-нибудь, наверное». Мальчик-то хороший такой был, послушный, и с виду говорят, очень милый – светленький, голубоглазый... На следующий день поиски продолжились. Вызвали военную часть из города, вместе с добровольцами всю местность недели две прочёсывали – метр за метром, но так и не нашли. Мать от горя совсем обезумела. Стала каждый день, как на работу, в лес ездить. Всё ходит, зовёт, ветки поднимает, листья ворошит. Но нет нигде мальчика – как сквозь землю провалился.

Вот уже и зима пришла, а с ней пропали и последние надежды. Весной у отца закончился контракт, и они вернулись в Москву. Уехать-то они уехали, но у матери рана душевная не заживала. Стала она каждый год летом приезжать в отпуск в Улан-Батор и продолжала всё ездить в те места, ходила в лес, познакомилась с жителями ближайших деревень, всё бродила по улочкам, высматривала, не прибился ли к кому её сыночек. Но вокруг бегали лишь чернявые, толстые, чумазные дети. И вот однажды одна местная женщина, видя, как она мается, посоветовала ей сходить к шаманке-ведунье. «Она, – говорит, – всё насквозь видит. Скажет тебе, где твой сын». Не хотелось матери к шаманке идти, но желание отыскать сына оказалась сильнее. Нашла она ту шаманку, рассказала про свою беду. Морщинистая, тёмная старуха в амулетах выслушала её, не перебивая, беззвучно двигая скулами, потом достала миску, налила туда какое-то зелье, пошаманила над ним и говорит: «Иди и не приходи больше. И не ищи: Мать-Земля его забрала».

От этих слов женщину охватил ужас. Вышла она на дорогу, не знает, что делать. Добралась до знакомых своих монголов, рассказала им об услышанном, а они только головами качают да почмокивают: «Ах-ах! Мать-Земля забрала! Нет, она не вернёт, нет: понравился, значит». Сочувствуют вроде, а в глазах – какая-то восторженная зависть, мол, надо же, сама Мать-Земля отметила!

– И что же, так и не нашла она своего сына? – ужаснулась я.

– Нет, сказали же: Мать-Земля забрала. Всё, с концами.

Мне становится жутко от этого рассказа и от того, что Катя – молодая, современная женщина – верит в своенравную Мать-Землю. Но Катя, как бы подмечая моё замешательство, поясняет: «Не знаем мы про них почти ничего. Шаман-страна».

Катя правит уверенно, без всякого напряжения, сосредоточившись на своих воспоминаниях. Сколько мы уже едем – а нам навстречу попало всего лишь несколько машин да один погонщик верблюдов. День будний, большая часть людей трудится в городе. Вокруг лишь подозрительно тихие холмы, с незаметно ворочающимися камнями.

– Или вот ещё, – вспоминает Катя, и я невольно напрягаюсь в ожидании очередной притчи. – Про Мать солдата слышала?

– Нет, – отвечаю я и думаю про себя: час от часу не легче!

– Это гора такая, недалеко от Улан-Батора, в другую сторону если ехать. Гора в одном месте похожа будто мать над солдатом склонилась. Солдат, по преданию, раненый с войны пришёл, и мать его тут встретила. Известно это место тем, что не всем оно открывается, а только тем, у кого доброе сердце.

Сначала я было подумала, что меня ждёт очередной триллер, но теперь поняла, что в данном случае волноваться не о чем: история совсем уж из разряда легенд.

– И вот однажды, – как ни в чём не бывало продолжает Катя, – приехала к нам в посольство небольшая делегация, и советник попросил водителя свозить их в горы, показать Мать солдата. А водитель – грубый человек, огрызнулся: «Буду я ещё всяким байкам верить!». Ну вот, уехали они, а примерно через час звонит водитель и начинает у нас дорогу уточнять, как проехать. Водитель этот, к слову сказать, тут уже три года работал, все дороги прекрасно знал и к Матери солдата не раз ездил. Ну, разъяснили ему, как ехать, хотя и удивились такому вопросу. «Наверное, – думаем, – забыл, давно не ездил». А тот через двадцать минут снова звонит, потом ещё. В общем, рассердилась, видно, на него Мать солдата за то, что он без почтения к ней поехал, – не открылась ему. Зря только делегацию полдня по ухабам промотал – так того места и не нашёл.

– М-да, есть тут над чем задуматься, – соглашаюсь я. – Не страна, а сплошная мистика.

И как бы для того, чтобы убедить меня в обратном, на обочине дороге мы видим группу самых что ни на есть простых монголов, мирно расположившихся у своего старого грузовичка. Идёт торговля привезёнными товарами: на ящиках разложены кульки с орехами и изюмом, стоят бутылки с айраном – кислым молоком, лежат рядами носки из толстой шерсти. Мы останавливаемся, выходим из машины – ноги размять, товар посмотреть.

– Молоко не пей, – предупреждает Катя, – с непривычки проблемы будут.

Монголы обступили нас и так радушно предлагают свой товар, что отказаться невозможно.

Покупаю изюм и какие-то фрукты, но есть ничего нельзя: всё грязное. Кладу кульки на заднее сиденье, выпиваю из припасённой бутылки несколько глотков воды, и мы снова отправляемся в путь.

– Видела, какие у них тут дети чумазные? – спрашивает Катя.

И впрямь, дети – все сплошь неумытые, с грязными руками, но крепкие и подвижные.

– Думаешь, они тут болеют? Ничуть! А ведь часто без присмотра ползают себе целыми днями на лужайке, травки какие-то сосут – и никакие болезни их не берут. А детей здесь, кстати, до трёх лет не моют.

– Как, вообще не моют? – удивляюсь я.

– Ну да, вообще. Мажут их только жиром, чтобы болезни не приставали, – вот они и не пристают.

– Как всё, оказывается, просто, – удивляюсь я. – И не нужны ни «Ригла», ни «Старый аптекарь»!

– А про печать Чингиз-хана слышала? – спрашивает Катя.

Я уже по самую макушку напичкана Катиными историями, а они всё не кончаются.

– Ну, это вообще анрил! Я сама пока своими глазами не увидела – не верила.

– Так что же это за печать? – не терпится мне узнать.

– Все монгольские дети рождаются по сей день с особой приметой: чуть выше попы у них круглое синеватое пятно, покрытое волосами, «печать Чингиз-хана» называется. Так он метит своих потомков, чтобы не ассимилировались. Потом, по прошествии нескольких месяцев, эти пятна исчезают.

– Не может быть, – не верю я. – Что за небылицы!

– Я тоже раньше не верила, так однажды и сказала своей монгольской подружке. А она говорит: «Хочешь, поедем со мной к моей бабушке в деревню – там как раз только что малыш родился. Посмотришь». Ну, мне интересно, конечно, стало – увязалась я с ней. Приехали мы – а деревня совсем не большая оказалась – всего несколько юрт, и вокруг – луга, горы. «Вот, – думаю, – живут же люди!». А как в юрту зашли, стало мне сразу не по себе: будто вместе с дверью привычный мир за мной захлопнулся и я оказалась невесть где. Темно, душно, запахи тяжёлые, непривычные. Внучка с бабушкой облобызались, а я в сторонке стою, жду. Бабка, надо сказать, страшная до ужаса оказалась – сморщенная, беззубая, в какой-то допотопной, лет сто не стиранной одежде, а глаза – живые, подвижные. Я потихоньку осмотрелась: в юрте коврики развешаны, у стены – нечто наподобие лежанки и низкого столика, а рядом – люлька, и в ней, похоже, ребёнок спит. Стою и думаю: «Зачем я сюда приехала? Всё равно ничего не увижу». А старуха вдруг повернулась ко мне и спрашивает: «Ну что, красавица, внучка моего приехала посмотреть?». Я чуть не поперхнулась от неожиданности. А она подошла к люльке, быстро так схватила ребёнка, одним движением задрала ему рубашку и ткнула мне его чуть не под самый нос попой, а там – тёмное волосатое пятно размером с крупную монету. Не знаю, как я тогда только в обморок не рухнула!

После этого рассказа я вообще уже не знаю, что думать. Какое-то время мы едем молча. Впереди простирается бескрайняя даль. Кажется, что так можно ехать несколько суток кряду – и ничего не изменится. Похоже, здесь, в сельской местности, люди живут без перемен, как и сто, и двести лет назад. Всё те же юрты, верблюды на пыльных дорогах, неторопливость бог весть как одетых людей.

– В значительной мере это так, – разделяет Катя мои наблюдения. – Но есть и такие, кто живёт совсем по-другому. В Монголии тоже есть свои олигархи. Такие тут встречаются иногда посёлочки – глаз не оторвёшь! Был случай: однажды приехал ко мне муж в отпуск, и мы решили с ним покататься. Заехали довольно далеко, место – красивейшее: среди цветущих гор – зелёная долина с чистой речкой, а рядом, как на картинке – небольшое поселение: около полусотни аккуратных одинаковых домиков с палисадниками. Все из светлого камня, с красными черепичными крышами. Идём мы с мужем по улочке, а он у меня архитектор и всё на эти дома поглядывает – интересно ему, как тут строят. У одного дома на крыльце женщина стояла – красивая такая, ухоженная. Уточнили мы у неё дорогу, поговорили о том о сём, а она, видимо, заметив, как мой муж её дом разглядывает, спрашивает так горделиво: «Что, хороший у меня дом? Нравится?». А он и говорит: «Дом хороший, но только нет в нём изюминки». Попрощались мы и пошли дальше. Довольно долго мы там гуляли, в долине, у речки, а когда обратно возвращались – смотрим: опять эта женщина у ворот стоит. Как поравнялись мы с ней, она спрашивает сразу – видно, давно ждала нас: «А что это значит – изюминка?». Муж ей и говорит: «Изюминка – это то, что приятно отличается одно от другого, делает его неповторимым и незабываемым. Вот у вас в селе дома хорошие, но все на одно лицо, без индивидуальности». «Ну а как эту индивидуальность придать?» – спрашивает женщина. Муж отвечает ей, что, мол, то надо сделать, это добавить. Поняла она, что перед ней профессионал, обрадовалась: решила, наверное, что сам монгольский бог его к ней послал. Стала она моего мужа просить, чтобы он чертежи ей нужные сделал. Ну а ему что? Интересно даже в отпуске подработать. Подготовили ей чертежи, отвезли... Через год довелось нам с мужем как-то опять через тот посёлок ехать. Смотрим: дом нашей хозяйки совсем по-другому выглядит, будто новое лицо обрёл – всё в точности по чертежам мужа сделано. Потом дальше едем – что такое? – вроде и другие дома тоже изменились. Да, так и есть: соседи, кто как мог, новшества эти у нашей хозяйки переняли – так что «изюминка» опять в общей массе растворилась.

Наше путешествие подходит к концу. Целый день мы катались по горам, по долам, а на Катином лице нет ни тени усталости. У меня же такое чувство, что мы уже неделю в пути, исколесили пол-Монголии. Прощаемся с Катей. Не знаю, как её и благодарить, приглашаю в гости в Москву. Она в ответ смеётся: «Мне бы до дома, до Иркутска добраться!». Она забирает свою опустевшую котомку – надо готовиться к новым поездкам. Много тут дел, много интересного и необъяснимого.

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижаль» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

Шипр

Рассказ

Я смотрю на мутные осколки в туманной лужице молока. Они мне что-то напоминают. Хлопок дверью – должно быть, ветер. Заскулила Лада. Поджала уши, прильнула меховым боком к моей ноге, и стало мокро на ладони от её влажного тёплого языка. Сегодня 2 сентября. В этот день два года назад не стало дедушки: остановилось сердце.

Вспомнилось, как давным-давно, когда мне было четыре, я сидела на стуле посреди комнаты и слушала пластинку «Конёк-Горбунок», болтала ногами и зачем-то откусывала понемногу от пресной картонной коробки из-под пластинки, тщательно разжёвывала и сплёвывала на пол. В комнату вернулся дедушка – со стаканом, в котором чуть колыхалось молоко. Дедушка засмотрелся на разжёванные кусочки на полу, споткнулся о брошенную посреди комнаты игрушку, и стакан выпал из его руки. На деревянном полу растеклось белое облако, похожее на единорога... Такое же, как сейчас.

Теперь мне тридцать, и часто снятся сны, в которых я прихожу в пустую квартиру. Дверь не заперта, а значит, меня ждут. На плите только что сваренный грибной суп, на столе две горбушки, натёртые чесноком, посыпанные крупной солью. Рядом под полотенцем ещё тёплый чайник, в стакане янтарный чай. Я часто разговариваю с дедушкой – мне хочется верить, что он просто живёт в другом измерении, где нет телефона и интернета, куда доходят только мысли.

«Дедуль, на даче в твоей комнате осталось всё так, как было – выбросить вещи не поднялась рука. На столе твои очки, газета с разгаданным кроссвордом, блокнот, мелко исписанный натовченным простым карандашом. На полке книги, а в чемодане старые журналы «Наука и жизнь» и «Знак вопроса». Потихоньку играет радио Джаз. В шкафу твои рубашки, куртка, плёночный фотоаппарат, стеклянный флакон с остатками твоего любимого «Шипра». На полках сделанные тобою заготовки – банки с засахарившимся сливовым вареньем, с солёными огурцами, мешочки с сушёным укропом и мятой. Кажется, ты вышел ненадолго и скоро вернёшься...»

Дедушка часто повторял, что человек жив, пока кто-то помнит о нём. Написать о человеке повесть – значит сделать его бессмертным. Прошрое законсервировано, как огурцы в трёхлитровой банке, которые дедушка, засаливая, ловко утрамбовывал вместе с чесноком и зонтиком укропа. Я часто возвращаюсь в воспоминаниях в детство: вижу голову деда, склонённую над шахматной доской – глубокая морщина на лбу и блики на толстых очках; помню его на даче, с лопатой – наблюдаю, как вздуваются на его руках мышцы. Дедушка говорил, что дачу он построил для меня: «Пусть это будет твоё родовое гнездо».

Чёрно-белая, как старинная фотография, зима. Руки мёрзнут даже в шерстяных варежках. Мы с дедушкой пришли в дачный сарай за ёлкой. Там пахнет сыростью, плесенью, а от дедушки веет теплом дыхания. Я подсвечиваю темноту электрическим фонариком, а дедушка встаёт на стремянку и осторожно вытаскивает старую, пожелтевшую от времени картонную коробку, туго перевязанную крест-накрест верёвкой. Стряхивает с неё пыль, чихает. И вот уже коробка стоит на санках, мы собираемся везти её домой.

Выйдя из сарая на улицу, ослепшая, щурюсь, привыкаю заново к солнечному свету. Долго с наслаждением вдыхаю пахнувший арбузом воздух. Снимаю жаркую варежку и ловлю снежных балеринок. Они падают на ладонь и тут же превращаются в капли.

«Дедуль, теперь, когда тебя больше нет, я многое поняла. Сначала мне была нужна просто твоя теплота, любовь, твоё молчаливое принятие. А теперь... С каким наслаждением я бы сейчас поговорила с тобой о чём-нибудь умном и важном, обсудила бы рассказы Довлатова, стихи Евтушенко, композиции Чета Бейкера... Я только теперь поняла, что с тобой можно было говорить про музыку, книги... А ещё я попросила бы научить меня выращивать яблони и сливы. И мы растопили бы на даче печь, как тогда, помнишь?»

Выходной, Восьмое марта. Мы пришли пешком на дачу – дедушка и я. Мне семь лет, и я впервые участвую в растапливании печи. Печь огромная, русская, сложенная из кирпича. Дедушка сам построил её так же, как и баню, как и летний деревянный домик, а ещё кухню с терраской. В марте баня нужна для того, чтобы согреться и высушить промокшие штаны, носки и ботинки, в которых мы ещё час назад шагали по лесным сугробам. Я стою возле поленицы. Берёзовые дрова, заготовленные ещё летом, пахнут осенним лесом, сушёными грибами. Я беру дрова и по неопытности засовываю их в отверстие для золы. Дедушка смеётся и машет руками: «Ну что ты делаешь, а?». Он вынимает дрова и закладывает их в топку. «Теперь понимаешь, что ты сделала не так?» – спрашивает дедушка, ловко поднося зажигалку к кусочку старой газеты «Богородские вести».

Я молчу, медленно провожу пальцем по шершавому полену, смотрю на огонь. Газета горит в печи ярким пламенем, вот уже взялись и сухие дрова. Из печки уютно пахнет теплом и дымом.

«Это всё равно, что засовывать мандарины не в рот, а себе в попу, – популярно объясняет дед и улыбается кончиками глаз так, как умеет улыбаться только он. Обнимает меня, целует, и его усы щекочат мне щёку. Я успокаиваюсь, чувствую себя под защитой, утыкаюсь носом в дедушкин свитер и вдыхаю аромат дубового мха.

После смерти бабушки дед сильно сдал, подолгу сидел на скамейке и смотрел в одну точку. Потом он внезапно приободрился, стал необычайно активен, затеял ремонт в квартире. Покончив с ремонтом, принялся сажать на даче яблони, сливы, свеклу и морковь. Как-то я зашла к нему в квартиру – забрать отремонтированную трекинговую палку, сломанную в одном из походов. Дед встретил меня на пороге – сгорбленный, покрытый морщинами, как шершавой корой. Бледно-серые выцветшие глаза, с ещё теплящимися угольками зрачков, смотрели, как мне казалось, жалобно, с болью.

«Дедуль, помнишь, в тот день ты рассказывал о книге святителя Луки «Дух, душа и тело»? Да, я знала, что тебе важно поделиться со мной прочитанным. И я была единственным, с кем ты мог поговорить. Но мне не хотелось говорить о книгах, мне было не до того – я мечтала поскорее сбежать в поход, к ровесникам, шутить ниже пояса, пить глинтвейн и обниматься с Антоном в темноте у костра. Сейчас мне стыдно... А тогда я, недослушав, просто забрала из твоих рук отремонтированную трекинговую палку и, не оглядываясь, убежала, перепрыгивая через две ступеньки. Прости меня...»

Вот так, по-английски, я ушла из дедушкиной жизни на несколько лет. По утрам были смёрзшиеся ботинки возле палатки, будто намазанные сметаной вершины гор, морены, каменные реки, гречка с сублимйсом на завтрак и сникерс один на двоих на обед. Были песни под гитару у газовой горелки по вечерам, крепкий чай с чабрецом, собранным по дороге, жилистые руки Антона. А по ночам не давал уснуть жар от соединённых спальников. Такой жизнью я упивалась бы и дальше, но однажды всё изменилось.

Хорошо помню тот день в Северной Осетии: блестящий на солнце ледник, подрагивающие от усталости ноги и слабость во всём теле после долгого ходового дня. С каждым новым шагом рюкзак всё сильнее тянет назад. Теряю равновесие – и срываюсь. Обжигающая боль, вид собственной крови на содранной коже. Тщетные попытки воткнуть ледоруб в непокорную глыбу льда и животный ужас – неужели я умру? Не умерла. Мне повезло – я успела забраться не так высоко и пролетела всего метров восемь. Я попыталась встать, опершись на крупный камень, но от боли выступили слёзы. Вскоре спустились друзья. Антон ощупал мою ногу. Скорее всего, перелом. О продолжении похода не могло быть и речи. Ребята связали носилки из верёвок и пенок, посадили меня на них и спустили в населёнку. Антон был вежлив, ни разу меня не упрекнул. Но он избегал смотреть мне в глаза, и я чувствовала: злится, что я сорвала ему поход.

Пока срасталась переломанная нога, у меня было время подумать и пересмотреть многое в жизни. Ночами я не могла уснуть. Теперь, когда опасность была позади, я впервые всерьёз задумалась о смерти. Становилось жутко при мысли, что так же будет за зимой приходить весна, и лишь меня никогда не будет. Чтобы не сойти с ума, я читала до утра книги святителя Луки. Меня успокаивали слова о том, что смерти нет. Страх приходил всё реже.

Кроме мучительных панических атак, мне не давало покоя кое-что ещё: Антон не поднимал трубку и на эсэмэски не отвечал. Перезвонил всего один раз, из Таганая, куда он почти сразу отправился в очередной поход. Разговор получился короткий – говорить нам было особенно не о чем. А потом он выложил на своей странице в контакте фотографию в обнимку с незнакомой мне девушкой – у неё были необыкновенно блестящие глаза, похожие на только что вылупившиеся из кожурки каштаны.

«...и тогда я пошла за утешением к тебе – всегда любившему меня безусловно, просто так. Помнишь, дедуль? Я стояла на пороге дачного дома, почти убитая – с поникшими плечами, и, должно быть, у меня был очень жалкий вид. Ты взглянул на меня и всё понял. Твои усы горько дрогнули, а рука мягко легла мне на плечо. Ты налил чай в мою детскую кружку с грибочком и пододвинул ко мне банку варёной сгущёнки – когда-то это лакомство успокаивало меня лучше всего. Ты ни о чём не спрашивал, и потому, наверное, мне стало чуть легче».

В отличие от квартиры, до потолка заставленной русской и зарубежной классикой и скучными техническими справочниками, в которой даже пахло, как в библиотеке, пылью и типографской краской, на даче я чувствовала себя рядом с дедушкой комфортно, как в детстве – под защитой всемогущего и всеильного взрослого. Дед был здесь настоящий хозяин, и его уверенность и спокойствие передавались мне.

Последняя наша встреча с дедушкой была в августе. Он уже давно не жил на даче, предпочитая прохладу первого этажа квартиры. Солнце нагрело кожаное сиденье, и оно обжигало сквозь шорты, пока я мчалась на велосипеде к подъезду. Звонила и стучала в дверь, дед долго не открывал. А я так спешила – привезла ему с дачи огромные розовые помидоры «Бычье сердце». Он их очень любил. Наконец, щёлкнула щеколда и неторопливо открылась дверь.

«...осунувшийся, бледнее обычного, ты еле стоял, даже не пригласил меня зайти в комнату. Я заметила, что на твоей щеке появилось бурое пятно – такие бывают у глубоких стариков. Я знала, что тебя мучают сильнейшие аритмии, что болезнь душист тебя ночами, не даёт спать. Я молча положила помидоры на табуретку в коридоре, но всё не уходило. Медлила. Чего-то ждала. Но выражение твоего лица, усталое от бессонных ночей, не менялось. Ты скрестил руки на груди и всё поглядывал на дверь. Я тогда обиделась – мне казалось, ты хотел, чтобы я поскорее ушла. Потом только поняла: из-за физической боли тебе было не до меня. А может, ты не желал, чтобы я видела тебя беспомощным,

слабым? Знаешь, дедуль... А мне так хотелось рассказать тебе про лето, про урожай «Белого налива», про чаек над прудом – про торжество жизни над смертью. Но я не рассказала»...

Садовые деревья, посаженные дедушкой на даче, в этом году усыпаны крупными плодами. Читаю у открытого окна и слышу, как вязко шлёпнулась, стрекотнув сквозь листву, слива. Ночь свернулась калачиком и уснула в чашке с недопитым кофе. Лада дремлет у моих ног, положив голову на лапу.

«Ничто не исчезает, а только видоизменяется», – пишет святитель Лука. Дедушкино дыхание разлито теперь повсюду: в вечернем прохладном воздухе, в этой тягучей смеси запахов смородиновых листьев и августовской календулы. Оно живёт в листьях и плодах сливы, которую дедушка посадил. Закрываю потяжелевшую книгу святителя Луки и чувствую, как комната наполняется знакомым с детства ароматом «Шипра».

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России (в том числе, к примеру, в Якутии и на Дальнем Востоке), Украины, Беларуси, Казахстана, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Испании, Чехии, Германии, Израэля, Эстонии, Ирана, Канады, США.

Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почётный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Отмечен благодарностью альманаха «Истоки». Лауреат портала «Клубочек» в номинации «Проза» (2016). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Поэзия» (2016). Победитель конкурса «Миротворчество» (Болгария, София, 2017). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017). Лауреат журнала «Дети Ра» (2017). Эссеист года по версии журнала «Персона PLUS» (2018). Лауреат Ахматовской премии (София, Болгария, 2019) Лауреат газеты «День литературы» (2019). Победитель международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат премии имени В. Б. Смирнова журнала «Отчий край» (Волгоград, 2020). Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Валентин Дмитриевич

Рассказ

...и пошли с Валентином Дмитриевичем от обширно-палаточного рыболовного стана к Вырке – маленькой, быстро вьющейся речке, впадавшей в Оку...

В отцы ли годился Саше? В деды?

Не думал тогда...

Шли по траве, Ока текла параллельно ходу: так, что движение не ощущалось, но оба знали, каково её сносящее течение...

– Александр Львович, – говорил несколько замедленный, головастый, с утиным носом Валентин Дмитриевич, – немножко на наживку рыбку половим, чтобы посерьёзней улов был, да?

– Да, Валентин Дмитриевич, – отвечал Саша, расслабленный обширной рыбалкой. – Я не рыбак вообще, но люблю обстановку эту, разнообразие ночи, лисий рыжий хвост костра.

Спускались к Вырке, гладко и плоско текущей в Оку – и песчаное дно, испещрённое непонятными письменами, видно.

А берега...

О! какая поэзия трав: пижма покачивает золотыми бубенчика шутовской головы, мощно, слоновьи ушами прорисовываются лопухи, и жёсткие кусты татарника поднимаются резко, словно даря седоватые свои колючки миру.

Удочка только у Валентина, Саша не собирался удить.

Рыбак говорит своеобразно: с ласковой тишиной, закидывая удочку, словно предлагая:

– Ну, рыбка, попробуй-ка, вкусный червячок.

– Не увлётся рыбалкой, самим процессом, – повествует Саша. – А вы... всю жизнь?

– Да, с детства. Калуга же, тут все у нас рыбаки.

Резкий зигзаг – и лупоглазый пескарёк шлёпается на траву...

В маленькое ведёрко переселённый, чертит там, едва ли предчувствуя погибель...

Солнце августа жарит, алхимически пронизывая разнотравье, и хорошо, стрёкот кузнечиков, как на даче...

Возвращались в лагерь с полным ведёрком: многолюдный лагерь, и две крупные собаки мелькают.

Взрослые, дети – всё мешается, и пьют взрослые много, но без перехласта, поддаются все, веселы, словно физически вошли в область счастья.

Валентин Дмитриевич – одноклассник дяди Саши, Геннадия: он же – крёстный, и с Валентином дружила мама, когда жила до 1955 года в Калуге; Саша, силясь представить ту жизнь, деревянную Калугу, одежду тогдашнюю, встаёт в тупик.

Вот бородач, весёлый, крепко сбитый, подбегает: Геннадий.

– Ну как, дядь Саш, не устал ещё?

– Да нет, Геня, – улыбается, жуя травинку.

- Порыбачить не хошь?
- Какой из меня рыбак...
- Тогда – давай по рюмочке.

Шаткий стол, заставленный бутылками, рюмками, мисками, крошки хлеба раскиданы, еды бралось много, и – будет много готовиться ближе к вечеру...

Солнце играет, уходя в странную синеву собственного диска.

Ночь густа: всюду пролитая нефть, и кажется – Оки не видно: но нет, течёт, всё в порядке.

Потрескивают дрова, быстро обугливаются мелкие ветки, оранжевое золото вспыхивает, переливаясь, и языки огня напоминают древние письмена.

– Смотри, Валентин Дмитриевич, – говорит Саша, подгребая веткой рассыпавшееся поленце, – языки огня как природные надписи.

Они остались вдвоём: все легли, спят.

Таинственно, двумя огромными крылами, мерцает густой лес – за метров триста от лагеря.

Валентин Дмитриевич, ловко вытащив из старого рюкзака бутылку лимонной, словно шутя, бросил её Саше, обрадовавшемуся: «О, у нас ещё горючее есть!».

Пьют из пластиковых стаканчиков.

– Надписи, – задумчиво протягивает Валентин Дмитриевич. – А как ты их прочитаешь?

– Мне часто кажется, что природные орнаменты: кора, сплетение веток, языки костра – вот есть варианты языка, непочитанного, неусвоенного.

– Конечно, так мыслить интереснее. Прямое, как оглобля, мышление – как крест человека, на самом деле всё настолько усложнено, орнамент входит в орнамент.

Нечто о социальности: не только же метафизика, и Саша, пьянея и заводясь, вспоминает взаимосвязи Ницше с фашизмом, о котором и не подозревал.

Прерывает себя: «Занятно, предполагал ли Ницше, что столетие спустя два подвыпивших рыбака будут говорить о нём на крутом окском берегу, о котором и не знал ничего».

Валентин Дмитриевич лукаво щурится:

– Думаю, да.

Дома, в Москве, рассказывал маме о знакомстве с Валентином, она, всплёскивая руками, радовалась, приговаривая: «Надо ж, как интересно плетётся орнамент жизни».

Она же и поведала: сын Валентина разбился на мотоцикле, после Валя разошёлся с женой, она – этническая еврейка – уехала к родне в Израиль, Валентин доживал один. «Он сотрудником Музея космонавтики долго был. Статьи ещё писал. С Геной они в ПТУ учились, но потом Валентин получил и высшее...»

Ночной звонок расколол космос квартиры – мама говорила в трубку, нервно, сжато: «Да. Да. Ох... Ой-ёй-ёй, держитесь, мы приедем скоро...».

– Саша! – крикнула, повесив трубку. – Гена умер.

Не спал, разбужен звонком.

Вздёрнулся:

– Как?

Не представлялось: месяц назад были у них, в Москве: дядя и тётя, ничто не предвещало.

Как можно предположить: чуть за 60, вечно подвижный, много на природе проводящий времени, Гена умер?

Ничем не болел.

...в воздухе возникает прореха с обугленными краями.

Февральская ночь густа, и до рассвета уже не заснуть; и надо договариваться – на работах...

Ехали на автобусе: серо-стальные полосы яви неслись мимо; шли потом по заснеженной Калуге, миновали знакомые виды, и у самой двери дома встретили Валентина.

– Валь, ты? – воскликнула мама.

– Он, – со странной интонацией молвил Саша...

Обнялись с мамой.

Завертелась похоронная траурная суета, топтался снег...

За день до похорон были у Валентина Дмитриевича с двоюродным братом, взяли, конечно, бутылку, растерянные все.

– В церкви тяжело будет, – вдруг сказал Саша.

– Что ты, какая церковь?

– А отпевания не будет?

– Нет...

Вспоминали общее, связывавшее, а Валентин Дмитриевич рассказывал об их... петушилице, как называл ПТУ.

На какой-то день после похорон (Саша остался на неделю) Валентин Дмитриевич превратился в Валью: Саша зашёл, тот принял радостно, и сидели на кухне, по традиции, и Валентин сам предложил перейти на ты...

Видел ли в Саше сына?

Отношения сплелись: литература и философия, социальность и просто жизнь: рыбалка, путешествия, работа...

– Валь, меня всегда Циолковский интересовал.
– Саш, я не в доме-музее работал, а в Музее космонавтики – ты понял?
– Да, Валь, – мерцающая, возникает в сознание крупный, купольный музей.
– Но всё равно, да. – Он очень странный был: возможно, сие – следствие дара, таинственного, согласишься.

– Конечно. Он мистик был.
– Саш, я не очень верю в мистику, да и не ощущал ничего подобного. Я рассматривал Циолковского в советском ключе: изобретатель, учёный. Он же без конца всевозможные механизмы ладил: сложнее, проще...
– Слушай, а как он семью кормил?
– Преподавал, но они же бедно жили. Потом – пенсия именная.
... могила Циолковского в парке.
Крупные сети древесных ветвей ловят ворон, грающих тревожно.
... приезжая в старый город, Саша первым делом звонил Валентину.
Ходили, бродили с ним по Калуге: иначе раскрывались переулки под рассказы старшего: вот купецкий дом, а здесь...
Фрагменты истории мерцали, вдруг вспыхивая ярче.
Математик, живший в угловом доме, представлял фанатичным заложником формул, а краевед, столько сделавший для увековечивания истории края, жил замкнуто...
Вон там.
Потом возвращались к Валентину домой, сидели на кухне, хозяин возился с закуской: делая всё основательно, неспешно, как говорил: жарил, например, картошку, пока Саша резал селёдку, колбасу.
– Валь, ты веришь в продолжение жизни?
– Сложно ответить, Саша, я ведь советский человек. Этот дух противоречит подобной вере, но в глубине, в самом центре собственного сердца, есть чувство продолжения. Должно оно быть – а иначе зачем такое нагромождение сложностей? Чтобы всё исчезло...
– Я – похоже отношусь, хотя страшно всё равно. Я церковь не принимаю, особенно современную, но крестился взрослым, знаешь? Гена – крёстным отцом был...
– Знаю, конечно...
Он начинает о сыне, хотя не любит вслух о трагедии, но мелькает всё равно, всплывает иногда в разговоре: узлами, изломами.
В беседах всё смешано – вся прелесть именно в этой орнаментальности русских разговоров под водку: жизнь, былая и настоящая, философия, хоть Фёдорова, хоть Гегеля, стихи, читаемые вслух, сверка опытов, клочки воспоминаний, принадлежащих только тебе.
Пёстрый, завораживающий космос.

Смерти шли густо, но родственников оставалось ещё немало, и Саша, приезжая в Калугу, по-прежнему первым делом шёл к Валентину.
ПАПЫ: шуточно говорили с женою, которая тоже полюбила старика, папы – и подчёркивали Ы, хотя ударение делалось на а...
Жена приносила ему яблоки, мясо, зелень, стеснялся, но принимал: пенсия маленькая...
– Мне хватает на всё, Саш...
– А чай ты пьёшь?
– Конечно. Самый дешёвый. Понимаешь: я получаю стипендию и первым делом за кубатуру плачу, – он словно окидывал руками квартиру. – А потом беру чекушку и, вернувшись, сразу выпиваю... почти стакан, и – мысли, они так интересно плетутся, я записываю, допиваю водку, ложусь подремать... Потом, встав, читаю и рву...
– Думаешь – ничего не вышло?
– Нет, Саш, кому они нужны, мысли мои...
– Ты же печатался, бывало?
– Было, давно довольноно.

Фотографировал великолепно: работая только в чёрно-белом варианте.
Портрет собаки.
Портреты деревьев, сделанные так, будто живые они, одушевлённые, и кора видна каждой складкой – читай их, что книгу.
Виды Калуги: всегда необычные ракурсы.
Некоторые фото наклеены на коробки из-под печенья и так развешены на стенах.
Валентин достаёт альбомы: всё – чёрно-белое.
Прекрасны натюрморты: сигарета дымится, прозрачная чёткость стаканов мерцает таинственно.
Снова – городские виды, люди, словно пойманные сеткой момента, редко – портреты: но такие, что синтаксис лиц читается, как признание души.
– Валь, нужно ж выставку тебе сделать! А? Давай Лёшке позвоню, у него ж связей полно...
Лёша – двоюродный брат, действительно связанный с половиной города.
– Брось ты, Саш, – тихо, смиренно-юмористически говорит Валентин. – К чему это? У меня тоже предостаточно знакомых было, где все теперь.
Ещё рассматривают альбомы.

Портрет Паустовского колоритен, фото, изобразившее маму Гагарину, вызывает щемление груди. Водка сладким ядом мерцает в рюмках.

...я маленький, Валентин, как Аксентий Поприщин...

– Валь, понимаешь, за окнами – банальность сложнорельефного калужского двора, где сыто чмокает на площадке детский мяч, – альтернативная литературная реальность долгие годы была мне важнее первой: из которой черпается зыбкий, ускользающий материал, для гипотетической вечности...

– Ты веришь в оную?

Валентин приготовил замечательную солянку, которой и закусываете.

– Гипотетическую, я же говорю. Конечно, даже о литературе Атлантиды человек не имеет ни малейшего представления, а это было каких-то десять тысяч лет назад, что уж там серьёзнее...

– Более того, Саша, человек не знает, была ли та самая Атлантида. Но, как я люблю говорить, всё зависит от кочки зрения: сначала надо договориться о понятиях: что идёт за чем, что первично...

Портрет собаки вызывал особые чувства.

У Саши тогда был Джек: собачий принц, воспитательная дворняга с улицы – подобрали щенком.

Небольшой, очень пушистый, йодистого окраса, и такой красивый, что на улице, бывало, люди останавливались, интересовались: «Что за порода такая?».

– Рыжик моего звали. Очень, знаешь, интеллигентный пёс был. Один раз за всю жизнь тапку изгрыз, и говорю я: «Рыжик, Рыжик, ну что же нахулиганил...». И он смотрит в пол, будто стыдится...

В другой раз рассказывает Валентин:

– Родительница моя тихо умерла: сидела в кресле, откинулась, и всё...

Тогда мама была относительно молода, и Саше казалось, что жизнь её будет бесконечной.

Теперь, когда мелькнувшее время обожгло своею краткостью, всякое воспоминание о чувствах других, связанных с уходом матери, вдвойне болезненно, но и – объединяет: мол, человечество единый круг.

Как бы отнёсся к этой идее Валентин?

Из бездны детства: «И шли мы с мамой заснеженным полем в город, в Калугу, в смысле. Ехал фриц на телеге. Страшно ли мне стало? Кто его знает, не вспомнить... Но он подвёз нас, просто подвёз. Как мама с ним разговаривала, не помню. Жестами, вероятно...».

Тяжело заснеженное, пухлое поле, тяжёлая телега, и фриц, правящий кривой лошадейкой. Мальчик смотрит испуганно.

Перебираешь камешки жизни, на многих – иероглифы знаков.

Слушали с Валентином советскую эстраду; слушали, опьянев, Герман, Кристалинскую; старые пластинки блестели в свете лампы и закипали изумительным звуком, и мы, переместившись в комнату, покуривая, продолжали говорить.

Калуга наливалась ночной чернотой.

Потом Валентин отказался от общения.

Он старел, уходил в себя, ему требовалось окончательное одиночество.

После шести лет общения Саша воспринял это ударом, хотя и понимал психологические мотивации.

В себе.

К смерти.

Всё стягивается к ней.

Он отказался от общения и с двоюродным братом, не открывал дверь, не отвечал на телефонные звонки.

Раз, когда сидели на даче Алексея, умудрился всё же дозвониться ему, передал трубку Саше:

– Живу, Саш, – говорил Валентин тихо. – Как растения. Как ты считаешь – они мыслят?

– Да...

– Ну, значит, мыслю ещё...

Попрощались.

Солнце роскошным цветком опускало лепестки лучей в недра знакомого дачного участка.

Потом Алексей сказал, что пробивал по своим, – Валентин умер.

Смерти всегда организуют прорехи в воздухе: и чёрное зияние с рваными краями будто норовит засосать и тебя, втянуть поскорее: всё равно ж уходить...

Но звучит в сознание голос Валентина Дмитриевича, спокойный, отчасти стоический, неспешный, словно убеждающий, что и на том свете, к которому становишься всё ближе и ближе, идёт жизнь: да ещё и более многокрасочная, нежели тут, на земле.

Максим ОРЛОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Пессимистическая трагедия

(рассказ*)

Когда жену Татьяну начало знобить, да так, что не согревали два толстых одеяла, Вадим вызвал «скорую», которая приехала через час. Врачи были в антиковидных «скафандрах». Замерили температуру обоим: у жены – тридцать девять и два, у Вадима – тридцать семь. Татьяна жаловалась на учащённое сердцебиение и одышку, а также на странные ощущения – ей казалось, что кожа утончилась до такой степени, что вот-вот порвётся, и каждое движение причиняло ей боль. После обстоятельных расспросов врачи объявили свой вердикт: Татьяну забирают в больницу номер три, где уже второй год размещался ковидный госпиталь, Вадиму же посоветовали пройти ПЦР-тест и его результаты сообщить терапевту по указанному телефону.

Сборы Татьяны проходили сумбурно и не отложились в памяти Вадима. Запомнил лишь некоторое замешательство во время прощания, но, осознав, что сам заражён наверняка, обнял жену. Татьяна, прощаясь, посмотрела на Вадима не характерным для неё извиняющимся взглядом. Вадим проводил её до «скорой».

Утром следующего дня Вадим чувствовал себя скверно. Его знобило, температура поднялась до тридцати восьми, а после обеда, наоборот, упала до тридцати пяти с половиной. Вспомнил шутку по поводу средней температуры по больнице. К вечеру почти одновременно он ощутил боль в разных частях тела: в левой почке, из которой пять лет назад вышел камень, и в левом колене. Припомнил давно забытое: в одной из хоккейных баталий парень из тринадцатой школы долбанул его коньком в колено. Хотя на ногах были самодельные щитки из голенищ валенок, но они не помогли – Вадим не мог ходить дня три. В каком это было классе? В девятом? В деталях вспомнилось и то, как мама шила эти самые щитки... и как он сам делал из многослойной фанеры клюшки для хоккея с шайбой при помощи бинта и столярного клея. Как же давно это было...

А вот почему заболела поджелудочная, Вадим объяснить не мог. Видимо, от лекарств. Отсутствие жены усугубляло его состояние – в голову лезли дурацкие мысли, которые ему были неподвластны.

К вечеру позвонила Татьяна и сообщила, что ей делают какие-то системы и заставляют пить кучу таблеток. Чуть позже позвонил лечащий врач и попросил запомнить его телефон и звонить с четырнадцати до пятнадцати кроме выходных.

Татьяна позвонила и на следующий день. Попросила привезти памперсы и... жареной сёмги.

Вадим к этому времени уже прошёл ПЦР-тест и получил положительный результат. Хотя слабость не проходила, но чувствовал он себя намного лучше. Был уверен, что ему помог арбидол и барсучий жир, который он принимал по двадцать капсул последние два дня. А главное – прошёл жесточайший депрессняк, который был вызван не только своей болезнью и болезнью жены, но и временем года – декабрь для Вадима был тяжёлым месяцем. В Приангарске декабрь всегда был сумрачным, ветреным и холодным.

Сёмга... Вадим не очень представлял себе, как жарить сёмгу – кроме пельменей и глазуньи он ничего другого приготовить не мог. Он позвонил Татьяниной подруге Алевтине, рассказал обо всём и попросил её поджарить несколько кусочков сёмги. Она согласилась, сказав, что сама купит рыбу и назовёт денежную сумму, чтобы затем Вадим закинул ей деньги на карту. На следующий день Юрий, муж Алевтины, подъехал к Вадиму на своей «Ниве», и они направились в больницу.

– Я не боюсь заразиться, успокойся, – сообщил Юрий. – И переболел, и привит.

Передачку в ковидном госпитале оставили на специальном столе, к пакету степлером прикрепил записку с номером палаты и фамилией. О встрече не могло быть и речи.

Когда на следующий день Вадим не смог дозвониться до Татьяны, то ему стало не по себе. Звонок доходил, но Татьяна не брала трубку. Неопределённость всегда его бесила, но на этот раз она была сопряжена с болезнью жены, которая за все тридцать лет их совместной жизни болела только раз – аппендицит.

Телевизор раздражал, особенно ток-шоу ваксеров с антиваксерами...

Приангарск был сравнительно небольшим городом, поэтому о болезни жены и его самого узнали многие. Друзья названивали сочувственно, но это тоже почему-то раздражало. И тревога... Он дозвонился до врача, сообщил, что Татьяна не отвечает. Медик обещал помочь.

Уж лучше бы он работал – шатание по квартире удручало. Вадим перестал работать после того, как кремлёвские патриции перестали индексировать пенсию работающим пенсионерам. До этого он подрабатывал преподавателем-почасовиком в филиале Иркутского строительного техникума – обучал черчению. Приработок был незначительным, сопоставимым с величиной индексации. («Так они борются с безработицей», – заключил Вадим). И бессонница... Эх, жаль, что нельзя принять грамм сто – левая почка поднывала. Как там Татьяна... Почему не отвечает и не звонит?

* Любые совпадения с реальными событиями случайны.

...Они познакомились в семьдесят пятом, в стройотряде. В Саянске. Стройотряд был объединённым, состоял из парней Приангарского индустриального института и девчонок из Иркутского университета. Первые три недели стройотряд штукатурил огромное здание РММ. Ребята сооружали леса, готовили раствор, таскали его ведрами, а девчонки – штукатурили.

Татьяну Вадим выделил сразу – ему всегда нравились девушки с идеальной осанкой. Вольно или невольно, но он стал чаще приносить раствор именно Татьяне. Были как-то и на танцах в Саянске...

Стройотряд располагался в утеплённых временках. Вечерами чаёвничали... А в конце июля, в одно из воскресений, командир стройотряда Громков объявил выходной. Вадим с Татьяной на попутках добрались до озера Верхний Ордай. Говаривали, что там есть источники минеральной воды. Они не стали искать источники, а нашли приличное бревно на берегу озера и просидели на нём часов пять. Купаться не решились – дно оказалось болотистым и пейзаж, прямо скажем, не курортным. Но... они были наедине! Вадим не смог вспомнить, о чём они болтали пять часов кряду. «И чушь прекрасную несли!». Целовались...

Дальнейшему сближению помешал... День строителя. Командир стройотряда решил торжественно отметить этот праздник. В счёт заработанных денег арендовали кафе «Придорожное». Столик на четверых: бутылка шампанского, бутылка водки, две бутылки «Агдама». Стройотрядовцы не рассчитывали на такую щедрость командира, и некоторые, в том числе и Вадим, приняли по стакану портвейна ещё до вечеринки под расхожий тост: «Мы пьянству объявили бой, дак выпьем перед боем!». О концовке вечеринки ему рассказал Женька Хулиганов. Вадим рано окосел и пошёл нестройной походкой к расположению отряда. Навстречу ему по грунтовой дороге неторопливо шёл здоровенный бык. Вадим схватил его за рога и о чём-то с ним беседовал минут пять. Это «рандеву» происходило в непосредственной близости от кафе, и стройотрядовцы с нескрываемым интересом и саркастическими комментариями наблюдали за этой мизансценой. Затем, уже в расположении отряда, Вадима вырвало в чей-то резиновый сапог. Прибывшаяся жучка заинтересовалась содержимым голенища и засунула свою морду по самую шею и оказалась с сапогом на голове. Попытки сбросить сапог были тщетными, и жучка беспорядочно бегала по двору, напоминая самовар, и наталкивалась на чурки, бочки, пока Хулиганов не спас животное... Вадим ничего этого не помнил и не мог поверить, что «беседовал» с быком – он коров-то обходил за три версты. Сапог пришлось отмывать... А про самовар-собачку Вадим не поверил – Женька был выдумщиком и часто оправдывал свою фамилию. Однажды он подвязался, обернулся монтажным поясом и подцепил к нему крюк кранбалки здания РММ. Держа в руках пульт управления, он поднял себя на метра три и с криком «Я Карлсон! Я Карлсон!» летал по цеху.

Казалось бы, ничего серьёзного не произошло, но Татьяна после этого стала избегать Вадима. Много позже он понял причину охлаждения – её отец, Юрий Матвеевич, частенько прикладывался к бутылочке, и Татьяне не хотелось иметь ещё и мужа с такой же слабостью.

При расставании они всё же обменялись адресами.

Решающая встреча произошла в Иркутске уже после того, как Вадим отслужил срочную.

...А у Вадима было ещё два стройотряда, причём после четвертого курса он уже сам был командиром. На этот раз «бойцы» жили дома и работали на строительстве мастерских для механического факультета и лабораторного корпуса родного института.

Работа кипела. Приходилось не только организовывать стройотрядовцев, но и работать вплотную с геодезистами, мастерами, прорабами СМУ-3, к которому они были прикреплены. Следить за поставкой пиломатериалов для опалубки, кирпича, раствора, арматуры, бетона... Тесно работать с ОКСом вуза; следить за дисциплиной новоиспечённых строителей – «Агдам» продавался в любой лавке.

К концу августа «коробки» мастерских и лабораторного корпуса были возведены, частично были выполнены отделочные работы, инженерные коммуникации закончены в полном объёме. На торжественной линейке ректор и секретарь партийной организации института лично поблагодарили Вадима за «профессиональную организацию строительного производства и выполнение календарного плана».

После окончания института (Вадим учился по специальности СДМ – строительные и дорожные машины) молодой специалист решил не ехать по распределению в Красноярский край – повестка была уже на руках.

За месяц до призыва Вадим встретился на автобусной остановке с проректором по строительству и тот предложил ему должность инженера ОКСа с окладом сто пятнадцать рублей.

– Да мы тебя отмажем от армии – сын военкома учится у нас! – уверял проректор.

Но, как говорится, «что-то пошло не так». Через месяц Вадим уже был в Монголии. Попал в стройбат на военный завод ЖБИ в Дархане. Службу «тащил» вместе с однокурсником Юркой Гафоновым, который на гражданке продолжил свою «железобетонную» карьеру – дорос до главного инженера ЖБИ-1.

...А всё-таки почему Татьяна не берёт трубку? Позвонил лечащему врачу, Валерию Игнатьевичу. Тот сообщил, что состояние Татьяны ухудшилось, сегодня подключили к аппарату ИВЛ. Пожаловался, что она отказывается принимать лекарства.

Окончание разговора Вадим не запомнил. Резануло: «она».

Да уж... Вадим чуть ли не впервые в жизни почувствовал абсолютную беспомощность и безысходность. Вечером невидимая и неведомая рука жала его сердце так, что он явственно ощутил, как перекачивается кровь по артериям. А после было состояние, которое он не смог объяснить словами. Вспомнил лишь предсмертные записки Владислава Дворжецкого, которые жена показала дней десять назад... Нашёл искомый журнал «Юность», прочёл: «А самое главное ощущение – это сердце: его всё время чувствуешь, знаешь, что оно есть. Мало того, кажется, что оно из тонкого-тонкого стекла!.. А раньше вообще не обращал на него внимания, так... есть и есть!..».

Когда кто-либо серьёзно заболел или умирал, Вадима обязательно охватывало непреходящее чувство жесточайшего самолинчевания: не то сделал, не то сказал, не довёл до конца...

После окончания службы, чтобы не прервался северный стаж, Вадим устроился опять в ОКС института, но проработал там недолго. Через недели три-четыре его вызвал секретарь парткома Глинских.

– Вадим Сергеевич! Не буду «растекаться по древу». Вы, наверное, слышали, что секретарь комсомольской организации института Делятников свёл счёты с жизнью. Мы посоветовались, и я решил предложить вам перейти на комсомольскую работу. Ректор поддержал. На раздумье – два дня.

На принятие решения влияли различные неравновесные факторы: это и слабая загруженность работой (в тот период институт не вёл никакого строительства), вероятность расформирования ОКСа (проректор по строительству уволился и уехал в Москву), большой оклад аж на тридцать рубликов, а с учётом поясного коэффициента и северных... Не последнюю роль играла и личность Глинских. Герман Илларионович был высоким жилистым мужчиной, немного напоминавшим Гойко Митича. Всё в нём соответствовало представлению Вадима о партийном работнике: грамотность, вежливость и в то же время – твёрдость. Говаривали, что дед его до революции носил фамилию Глинский, но в революционной неразберихе поменял фамилию на Глинских, боясь, что его примут за потомка матери Ивана Васильевича – Великого князя Московского и всея Руси.

Что касается идеологии... Вадим рос в семье, где не обсуждалась ни внешняя, ни внутренняя политика. Отец, Сергей Иванович, был коммунистом с большим стажем, но никогда не рассказывал дома о партийных собраниях, не критиковал ни Хрущёва, ни Солженицына, ни Сахарова... Сама окружающая жизнь не давала повода усомниться в правильности курса: у Вадима на глазах строился Приангарск. Разворачивалась громадная стройка. Первые детские воспоминания: семья переезжает из барака в двухэтажный одноподъездный деревянный дом... Ещё не было отопления и канализации... Но были печка и титан. Во время сильных морозов маленькую комнату закрывали, топили печку докрасна, и всё семейство ютилось в одной большой комнате. Первые кирпичные и панельные дома... Дом культуры «Ударник»... Новые школы... В Приангарске рабочим, прибывшим из деревень, выдавали паспорта – это была основная причина массового притока рабочей силы. А полёт Гагарина! А перекрытие Ангары в Братске!

Сам Вадим не был ортодоксальным комсомольцем. Втайне от родителей частенько слушал «Голос Америки», благо ламповый приёмник «Октава» позволял это делать, несмотря на глушилки. Всё, что было услышано по вражескому радио, он закидывал в некую внутреннюю папку под названием «Принято к сведению», не более того. В студенческие годы Вадим без какого-либо раздражения конспектировал работы классиков марксизма-ленинизма, лекции не пропускал. Это объяснялось высокой квалификацией преподавательского состава кафедры общественных дисциплин.

Конечно, Вадим замечал нестыковки некоторых доктрин. На одном из практических занятий разбирали тему «Практика как критерий истины». Преподаватель Полинский аргументированно пояснял, что трактовка истины зависит от идеологии учёного. Вадим провокационно спросил: «А что, дважды два у капиталистов – пять?». А уж по истории КПСС... Однажды кто-то озадачил доктора наук: «Василий Иванович, а почему бы прямо не сказать: маршала Блюхера жестоко пытали и незаконно расстреляли? Для чего стали применять это нерусское слово «репрессии»?».

Запомнились и рассказы деда (Царствие небесное) о том, как привозили раскулаченных в чистое поле, как они рыли землянки на тридцатиградусном морозе где-то в районе Мариинска.

Вадим как-то взял в местной библиотеке книгу Валентина Пикуля «Моонзунд». Не мог понять, как цензура пропустила этот роман. В нём Пикуль подробно и чересчур натурально описал, как матросы подняли на штыки всё морское офицерство Балтийского флота! Это как-то не вязалось с романтической версией революции. (Позднее Вадим был разочарован бездарной и приглаженной экранизацией этого романа).

Запомнился факультативный курс под названием «Научный атеизм». Лучше бы этого курса вообще не было! До этого Вадим твёрдо знал: Бога нет, Иисус Христос – вымышленный персонаж, суть Троицы необъяснима. А преподаватель (инструктор горкома партии по делам религии, импозантный, одетый с иголки мужчины) на первой же лекции огорошил: существование Иисуса Христа из Назарета исторически доказано! Что-то рассказывал о плащанице...

В конце концов, Вадим принял предложение Германа Илларионовича и проработал освобождённым секретарём комсомольской организации вуза восемь лет.

...Татьяна окончила филологический факультет с отличием, поэтому решила поступать в аспирантуру.

Свадьбу сыграли в Иркутске. Со стороны Вадима были только родители. Всего на свадьбе было человек двадцать пять. Татьяна стала Анохиной – взяла фамилию мужа.

Квартирный вопрос встал ребром – Вадим не смог бы жить с тещей и тестем. Получить жильё в Иркутске было нереально, а Вадиму обещали выделить комнату в общежитии института. Ради независимой от родителей жизни, по настоянию Вадима, Татьяна забрала документы из аспирантуры и устроилась в приангарскую школу номер двадцать учителем русского языка и литературы. Никогда не укоряла мужа в несостоявшейся научной карьере, но Вадиму напоминали об этом увесистые стопки тетрадей, которые жена приносила чуть ли не каждый день.

В восемьдесят третьем родился сын, которого нарекли Игнатом. А ещё через два года профком института выделил молодой семье однокомнатную квартиру.

Когда Вадим вспоминал свою работу в комсомоле, то весь этот период делил на две части. Первые четыре года пролетели как один миг. Работы хватало: организация культурно-массовых мероприятий, военно-патриотическая подготовка призывников, формирование стройотрядов, политинформации и диспуты, художественная самодеятельность, агитбригады, семинары... Начиная с восьмидесяти шестого года, особенно после XIX-й партийной конференции, работать стало сложнее. От мероприятий идеологического направления Вадим вообще отказался, так как студенты принимали в штыки любые идеологемы, спускаемые сверху... Например, когда на политинформациях Вадим проводил беседу о «тлетворном влиянии книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», то почти всегда кто-нибудь задавал вопрос: «А вычитали эту книгу?». Секретарь комсомольской организации не мог сознаться в том, что полностью прослушал книгу по «Голосу Америки» (каждый четверг по вражескому радио в семнадцать часов по местному времени начиналась программа «Литературные чтения»). Приходилось по бумажке зачитывать указ 12-го Пленума Верховного Совета СССР: «Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум постановляет: на основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства и выдворить за пределы СССР Солженицына Александра Исаевича».

«А всё-таки, как вы можете критиковать книгу, не зная её содержания?» – язвительно вопрошали студенты.

Да и самому Вадиму многое претило. Когда Горбачёв принял популистское решение о повышении тарифных ставок и окладов, то было понятно, что заработал печатный станок. Вадим ещё помнил формулу из учебника политэкономии: общее количество денежных средств прямо пропорционально произведению цен на количество выпущенных товаров и обратно пропорционально скорости обращения денежных средств. Так как роста выпуска товаров не наблюдалось, то повышать оклады было нельзя! Стало ясно, что «верхи» не владели азами экономики, да и не являлись настоящим марксистами – формула открыта самим Карлом Марксом. И только в этом Вадим видел причину дальнейшего распада державы – а не во «влиянии личности в истории» и не в предательстве партийных бонз, и не в демократизации общества.

Последней каплей, послужившей принятию решения об увольнении, была фраза, услышанная в столовой. Здание горкома комсомола было заблокировано с гостиницей, и постояльцы могли обедать в столовой горкома. После какого-то совещания комсомольские работники спустились пообедать. Все были в костюмах, при галстуках и с комсомольскими значками. Один из постояльцев гостиницы на весь зал произнёс: «В комсомоле тяжело работать первые десять лет. Потом привыкаешь!». Вечером, придя домой, посмотрел на себя в зеркало. Перед ним стоял лысоватый мужчина лет тридцати с небольшим. Подтягивать живот уже смысла не было – живот выпирал. Ну, не комсомольский вожак! Решение об увольнении принял, не советуясь с женой. Татьяна в минуты разлада подтрунивала над работой мужа, называя его «ум, честь и совесть нашей эпохи», особенно когда он возвращался позднее обычного...

Вадим никогда не искал утех на стороне. Но устоять перед руководителем отдела пропаганды и агитации горкома партии Эльвирой Леонидовной не смог бы никто! И дело было не только в том, что Эльвира была похожа на артистку Маргариту Володину из «Оптимистической трагедии» (даже бородавка, как и у актрисы, на левой щеке), а в её необъяснимой способности быть в центре внимания, не прилагая к этому никаких усилий. Раньше Вадим считал аксиомой, что мужчина должен быть «укротителем строптивых». В данном случае всё было наоборот: укротительницей была женщина! Противостоять этому он не мог и, как выяснилось, не хотел. Да ещё знала английский, да ещё окончила факультет психологии Ленинградского университета! Да ещё... Страсть захватила обоих, невзирая на то что Эльвира была замужем, а Вадим – женат. Понятно, что работа в горкоме партии предполагала жёсткую конспирацию – Эльвира была публичной личностью. В облике Вадима ещё угадывался бывший спортсмен – этим он объяснял увлечённость Эльвиры.

Встречи были редки, это и растянуло их роман на долгих три года. Со временем их уже перестало штормить от страстей, а штиль уже не оправдывал риска разоблачения обоюдного адюльтера. Да и конспирация изрядно поднадоела, стала напоминать детские игры. Они расстались друзьями, хотя не перезванивались. Но, как пел Градский, «ничто на Земле не проходит бесследно». Так уж получилось, что последняя встреча любовников происходила в далёком от города придорожном кафе под неприятным названием «Волна». Как только они сели за стол, Вадим

увидел за дальним столиком группу подростков, распивающих пиво, среди которых был... Игнат. Сказать, что Вадим оторопел – значит, ничего не сказать. Он готов был провалиться сквозь землю! Да лучше бы жена была за тем столиком! Вадим не слышал, о чём ему говорила Эльвира, он что-то отвечал невпопад, голос его подсел до дисконта. Подростки вскоре ушли.

...Теперь, когда Татьяна была в реанимации, Вадим с чувством безразличия к самому себе вспоминал встречи с Эльвирой. Он и раньше подозревал, что Татьяна обо всём знала или, по крайней мере, догадывалась. Необъяснимо, но она называла Вадима «умом, честью и совестью нашей эпохи» только в те дни, когда он встречался с Леонидовной.

Позвонил сыну Игнату, который уже десятый год жил в Хабаровске. Сообщил о болезни матери.

– Пап, если что, звони – прилечу.

Что значит «если что»? Да нет, это невозможно!

Последствия перенесённого ковида ещё сказывались: слабость, бессонница... Заставлял себя больше гулять, нашёл в хозяйственном шкафу шагомер, который ему подарил отец лет пятьдесят назад. Приучал себя ходить по десять тысяч шагов в день.

Включил канал «Культура». Шёл фильм «Каждый вечер в одиннадцать» с Маргаритой Володиной в главной роли. Один эпизод вверх Вадима в настоящий шок – первая встреча Ножкина и Володиной в кафе. Движения рук и плеч героини настолько были схожими с движениями Эльвиры, что Вадим оцепенел и в этом состоянии досмотрел фильм до конца. После фильма нашёл в Яндексе сведения об актрисе. Была женой режиссёра Самсона Самсонова. Как всё-таки режиссёры любят снимать своих жён! Нет, лучше ничего не знать о кумирах. Татьяна неоднократно твердила: «Не изучайте биографии поэтов и писателей, изучайте тексты!». Татьяна терпеть не могла новоявленных белинских, пишущих многостраничные биографии писателей. «Тексты проанализировать не могут – знаний маловато, вот и трясут грязное бельё. Ты расскажи нам о строфике Маяковского! Тямы не хватает, вот и спрягают, и склоняют Лилю Брик – для этого ума много не надо. Да у него и помимо Брик... Стремятся не поднять читателя до уровня мастеров, а мастеров опускают до челяди».

А Володина, оказывается, ещё жива! Живёт в Париже у дочери.

Набрал номер Татьяны. Она не отвечала. Жуть.

Вадим вспомнил новоселье... Они въехали в двухкомнатную кооперативную квартиру. В каком году это было? Да, точно, в девяносто первом. Сколько было радости! Новый дом, построенный по серии, разработанной в каком-то новосибирском КБ специально для Приангарска. Из окна седьмого этажа – вид на Братское море!

Как они любили прогуливаться по местному парку в зимнее время! Особенно когда не было ветра, а деревья покрывались куржаком и скрипел снег, и бодрил холодный воздух. А однажды они всем семейством пошли на длительный лыжный поход. Часов на шесть – с двухлитровым термосом, с бутербродами, с фотоаппаратом...

Татьяна увлекалась фотоделом. Ей не надо было объяснять, что такое диафрагма и глубина резкости – она даже освоила цветную печать! А сколько времени уходило на гляцевание, обрезку... Когда Татьяне исполнилось тридцать, Вадим подарил ей широкоформатный фотоаппарат «Горизонт». Сколько было радости! У Вадима был отцовский фотоаппарат «Ленинград», который имел пружинный механизм, позволяющий сделать десять снимков кряду. Интерес к фотоделу передался и Игнату. Счастливые времена!

Все эти аппараты, экспонометры, фотовспышки, аккумулятор «Молния-1», светофильтры хранились теперь в гараже в оцинкованном бачке. Фотоувеличитель Вадим кому-то отдал. Но все альбомы сохранились.

...Когда Вадим сообщил Герману Илларионовичу о своём решении уволиться, шеф посоветовал не пороть горячку, а вначале найти новую работу.

– Ты подумай о северных! Я тебя не тороплю, но и отговаривать не буду.

Дней через пять в Приангарск приехал однокурсник Володя Печёнкин из Новосибирска и предложил встретиться в ресторане «Кедр». Всего собрались человек пятнадцать однокурсников. Среди них был Юрка Гафонов, работавший главным инженером ЖБИ-1.

Офицеров не очень волновало, что воины были СДМщиками, а не технологами. Задачу осложняло отсутствие дократов и динамометров, в связи с чем был возможен только один способ натяжения арматуры – токами высокой частоты. Благо, в полку был энергетик, выпускник томского ТУСУРа, который методом проб и ошибок определил значение силы тока и время нагрева стержней, который осуществлялся с помощью двух сварочных генераторов.

Когда две плиты были готовы, в цех пришёл командир части. Обращаясь к «зам по тылу», приказал: «Испытать плиты по действующим сериям и доложить мне лично. Срок – два дня».

Организовать испытания поручили Вадиму и Юрке. Благо, были в наличии нивелиры и рейки. Грузами служили силикатные кирпичи.

«Технологи» ликовали: обе плиты прошли испытания с запасом! Командир части сдержал своё слово – уже через три дня дембеля были в Иркутске... Всё это, казалось, давно позабытое, сохранилось в целостности и сохранности в какой-то дальней ячейке памяти.

Измучив себя сомнениями, Вадим перевёлся на завод.

Первые три месяца были очень напряжёнными. И дело не только в том, что пришлось перелопатить уйму технической документации. Непросто в короткое время принять несколько важных технических решений, от которых зависела не только служебная карьера Вадима, но и заработок мастеров и бетонщиков!

Метод изготовления труб приняли, как в Братске, методом центрифугирования. Вадима командировали на комбинат «Братскжелезобетон» для изучения технологии, в том числе и изготовления арматурных сеток кольцевого сечения. Не обошлось и без ... промышленного шпионажа – у оператора БСУ Вадим узнал состав бетона для труб. Когда стенд для изготовления железобетонных труб был готов, а завод получил стальную внешнюю открывающуюся опалубку из РМЗ, то Вадим решил сам бетонировать первую трубу. Посмотреть на это действие сбежалось ползавода.

Вот где пригодились навыки бетонирования, полученные в Дархане! Бетонирование, в общем, прошло удачно. Проблемным оказалось бетонирование самого раструба, но, как показали замеры, толщина стенок трубы оказалась в допуске.

Нет, аплодисментов не было, но после этого эпизода Вадима реже стали называть «комсомольцем».

Позвонил лечащий врач. Просил привезти памперсы. На этот раз Вадим поехал в больницу на такси. Госпиталь для больных ковидом был организован на третьем этаже, на котором до пандемии располагалось кардиологическое отделение. В две тысячи шестом Вадиму «посчастливилось» пролежать здесь дней десять.

В цехе, помимо труб, изготавливали балки моста пролётом двадцать один метр. Вибрирование бетонной смеси осуществлялось с помощью бортовых вибраторов, которые были прикручены болтами непосредственно к опалубке. Ещё в первые дни работы на заводе Вадим ощутил необъяснимый дискомфорт и даже лёгкий страх, когда находился недалеко от опалубки во время вибрирования. Для себя он объяснял это тем, что стальные боковые поверхности опалубки под воздействием боковых вибраторов приобретают колебания, способные породить инфразвук. В девяностые годы заказов на балки почти не было, а тут поступил большой заказ. Завод вынужден был заказать в РМЗ ещё одну опалубку. И вот однажды, находясь рядом с опалубкой моста, Вадим потерял сознание. Вызвали «скорую». Частоту пульса врачи не смогли измерить. В реанимации, после установки датчиков, на мониторе высветилась цифра 180 (ударов в минуту). Сделали какие-то уколы, Вадим отключился. Через какое-то время очнулся. На мониторе – 120.

Рядом лежал при смерти ветеран войны по фамилии Нынь. На следующий день, когда Вадим очнулся после системы, соседа не было...

Ещё через день Вадима перевели в общую палату.

После этого частенько происходили приступы тахикардии, которые он приноровился гасить конкором, кордароном и настойкой боярышника. Продолжал работать, но по достижении пенсионного возраста Вадим уволился – шум цеха, влажность пропарочных камер, вибрация, грохот сварочных автоматов – всё это после кардиологии стало раздражать. Да ещё этот капитализм... Директор Дашкин устроил в управление завода человек пятнадцать родственников. До кардиологии Вадима это совершенно не трогало, но теперь...

На «заслуженный отдых» – «период дожития» – проводили торжественно, в столовой завода.

Позвонила завуч. Попросила привезти тетради, которые Татьяна брала на проверку. Нашёл быстро – в секретере. Открыл несколько тетрадей. Не проверены были сочинения на тему «Моё отношение к Печорину». Вадим открыл несколько тетрадей.

«Действительно, для нашего героя характерно странное раздвоение личности: один живёт нормальной жизнью, другой, ненормальный, судит этого первого и всех окружающих как прокуратор».

«Он искренне хотел сделать Бэлу счастливой, но он просто не может испытывать сверхдлинных чувств. На смену им приходит скука – его извечный враг».

«Так как Печорин – человек лишний, то и писать о нём пространно – лишняя трата времени. Как утверждал Антоша Чехонте: «Краткость – сестра таланта».

«Печорин – одарённый аристократ, пытается действовать, чтобы найти сферу применения своим талантам, но он был не фартовым. Печорин каждую минуту задаёт себе вопрос, для чего он жил, с какой целью уродился».

...Татьяна иногда читала вслух сочинения своих учеников. Больше всего её бесили сочинения, скачанные из интернета. Но... некоторые, особо выдающиеся ученики (или их родители?), после скачивания сознательно упрощали тексты, вкрапляли сленг. По крайней мере, хоть что-то делали самостоятельно! Запомнилась фраза из чьёго-то сочинения: «Раскольников был нормальный пацан».

В секретере лежали также неоплаченные квитанции за коммуналку. Едрит-ангидрид! Вадим никогда их не оплачивал – это было «епархией» Татьяны, причём большинство платежей она выполняла через какие-то автоплатежи. Делать нечего – нужно идти оплачивать.

Хоть бы Игнат позвонил.

Когда сын учился в младших классах, родители не нарадовались: был хорошистом, да ещё окончил музыкальную школу по классу домры. Почему домры? Блажь Игната – Вадим готов был купить хоть пианино. В музыкальное училище не пошёл. После школы заявил: я поеду с Володькой Коганом в Томск поступать в медицинский. Поехали. И оба, на удивление, поступили!

Во время второго семестра Вадим навестил сына. Давно мечтал побывать в Томске, но как-то не доводилось – стоит в стороне от Транссиба. О городе Вадим знал немного. Обрывочные сведения из романа Виля Липатова «Игорь Саввович»... Место ссыльных каторжных... Декабрист Батеньков...

Игнат встретил отца на вокзале. А приятно, чёрт возьми! Сын впервые встречает отца в другом городе! Посмотрел на сына – справный парень! Плечи – от отца, осанка – от матери.

Вадим снял номер в гостинице «Сибирь» на трое суток.

Вечерами гулял по Томску. В целом город, имеющий историю, неповторимую архитектуру, соответствовал ожиданиям Вадима. Конечно, набережная Томи... Особенно впечатлили две улицы: Ленина и Тверская. По просьбе Татьяны нашёл и сфотографировал дом, где перед последним арестом жил поэт Николай Клюев. Дом располагался по странному адресу: улица Красного Пожарника, 12.

Игнат огорошил: в летние месяцы в этом областном центре горячую воду в жилые дома и общежития не подают! Воистину: хорошо там, где нас нет!

...Через два года Вадим, придя с работы, застал жену плачущей навзрыд. Позвонил Игнат, сообщил, что бросил институт, что приедет через неделю.

Семейный совет состоялся по приезде Игната.

– Мам, – обращался сын к матери, как будто Вадима не было на кухне. – Моё решение не связано с плохой успеваемостью, пьянством или с чем-нибудь в этом роде. Дело в том, что месяц назад мы сдавали зачёт по хирургии... Для получения зачёта нужно было сделать резекцию желудка живой собаке. Их вылавливают и готовят к операции лаборанты. Мне попался беспородный пудель. Лохматый такой. Он смотрел на меня слезящимися глазами и дрожал от страха так, что позвоночник его стучал о стол, хотя пёсик был привязан как следует. Не могу об этом вспоминать... Короче, мам, моя собачка после операции умерла, то есть издохла, конечно, а я не получил зачёт. Да дело не в зачёте... Я не спал двое суток после этого. Эти собачьи глаза... А через неделю я ассистировал хирургу. Женщине-диабетику ампутировали ногу выше колена. Мне поручили держать обеими руками ногу пациентки. Когда хирург закончил отсечение, я рухнул на пол вместе с ногой и потерял сознание. Нет, не могу больше...

Месяца через три Игнат получил повестку. Это событие родители решили отметить торжественным ужином. Вадим купил коньяку. Игнат пришёл в девятом часу, слегка подшофе. Увидев накрытый стол, произнёс:

– Тоже мне событие – повестка! – и, обращаясь к отцу, – какой ты отец, если не можешь откосить сына от армии! Конечно! Ты же, как там мама тебя называла? «Ум, честь и совесть нашей эпохи!». Особенно «честь»!

– Опомнись, Игнат, оба твои деда – участники Великой Отечественной...

Игната понесло:

– А что, мам, откосил же Серёженька Есенин сначала в санитарный поезд, затем – вообще из действующей армии. И ничего! Шла война, а он – про берёзовые ситцы! Ну, не получился из него Хемингуэй! Чем я хуже «похабника и скандалиста»?

До призыва оставалась неделя, Игнат не просыхал. Вадим пошёл к военкому с просьбой забрать его раньше, не дожидаясь назначенной в повестке даты. Для Игната придумали легенду: мол, какой-то призывник попал за решётку, вот вместо него... Верилось – ложь во спасение. Утром следующего дня пришёл капитан из военкомата. Игнат был с глубокого похмелья.

Дней через двенадцать родители получили письмо. Игнат попал в Антипиху под Читой. Трое суток их держали в клубе. Периодически наведывались «покупатели» и выкрикивали фамилии. На четвёртые сутки появился молоденький лейтенант с лирами в петлице и закричал: «Кто окончил музыкальную школу или училище по классу балалайки или домры?». Игнат подошёл и представился. Его военная судьба была предрешена: забрали в ансамбль песни и пляски Сибирского военного округа – так в то время назывался бывший ансамбль песни и пляски ЗабВО. В оркестре Игнат числился домристом трёхструнной басовой домры.

Первые два месяца проходили весьма далеко от музыки. Игнат драил полы в казарме и в репетиционном зале, дневал... Большинство срочников-музыкантов окончили училище, а некоторые – «консу». Субординация в оркестре была сложна: на статус влиял не только срок службы, но и музыкальное образование. Только на третий месяц Игната допустили к репетициям, которые шли по четыре академических часа в день. Были технические трудности: басовая домра нотуется в басовом, а не в скрипичном ключе, да и после окончания музыкальной школы прошло лет пять. Мозоли... Без них не бывает домристов! Но о такой службе можно было только мечтать!

...Игнат остался на сверхсрочную и продолжал служить в оркестре, окончив заочно Улан-Удэнский институт культуры. Когда ансамбль в две тысячи одиннадцатом году расформировали, Игнат продолжил службу в Хабаровском ансамбле песни и пляски Восточного военного округа. Помог

ему в этом последний руководитель читинского ансамбля майор Сергей Мирошников, который стал впоследствии руководителем Хабаровского ансамбля.

Позвонила Алевтина:

- Как там Татьяна?
- В реанимации. Телефон не берёт. Вот и все новости.
- Если нужна машина, не стесняйся, звони – Юрий примчится.
- Хорошо, Аля.

Алевтина была коллегой Татьяны, преподавала историю. Частенько заходила в гости. Чаёвничали. Вадим иногда подтрунивал над Алевтиной:

– Каждые пять лет – новые учебники истории! То была Киевская Русь, то – нет. То иго было монголо-татарским, то ордынским, то декабристы – герои, то бесы. Вот уж поистине: Россия – страна с непредсказуемым прошлым.

– Мы люди государевы – что написано в учебнике, то мы и преподаём. Государство за это нам платит жалованье.

– Вот именно – жалованье. Из жалости. Ну не смех ли: одна тысяча рубликов – доплата за классное руководство.

– Да уж! Тут вспомнишь добрым словом Юрия Абрамовича. Губернаторская надбавка выручала в лихие девяностые.

Доставалось от Вадима и Татьяне:

– Как так получилось, что исключили из программы «Повесть о настоящем человеке»? Да и Борис Полевой – не графоман какой-нибудь! Даже я знаю, что он был редактором самой «Юности»! Кто там у вас сидит в министерстве? А учителя проглотили! А где ваша, извините за пафос, гражданская позиция?

– Я тебя умоляю, Вадим, – парировала жена. – Принесёшь домой полсотни тетрадей на проверку – не до гражданской позиции! Причём заметил уловку чиновников: вместо того чтобы повышать ставку, отчитываются о повышении общего заработка! А за счёт чего? Вынуждены набирать часов сверх мыслимых и немыслимых санитарных норм! Где прокурорский надзор! Чем мы хуже водителей-дальнобойщиков? Для них есть ограничения по времени работы в неделю, а у нас – беспредел. А что творится в вузах? Знаешь, для чего придумали бакалавриат? Этим самым сократили часы преподавателям на треть! Стало быть, и заработок!

А сколько споров было по поводу ЕГЭ!

Алевтина была ярим приверженцем ЕГЭ, объясняя это тем, что, по её подсчётам, количество поступающих в московские вузы выпускников двадцатой школы увеличилось в полтора раза по сравнению с «доЕГЭвским» периодом.

Юрий Сидоренков, муж Алевтины, был начальником бетоносмесительного узла того же завода, на котором работал и Вадим. Ему же подчинялся и цемсклад. На свадьбе Юрия и Алевтины Анохины были свидетелями. В молодые годы частенько собирались по поводу и без повода. Обязательно с детворой. У Сидоренковых было двое детей. Сын Александр и дочь Ольга. С возрастом встречаться стали реже – застолья уже были в тягость. Правда, летом обязательно встречались то на даче Сидоренковых, то на даче Анохиных.

Дача... Обзавелись дачей, когда Игнату исполнилось лет пять. Вот где пригодились стройотрядовские навыки! Домик Вадим построил года за два. Не торопясь возвёл теплицу и сложил баньку.

С чем сравнить чувство усталости после «отдыха» на даче? Когда организм вспоминает, что у тебя есть мышцы и связки, а не только голова и... желудок. Когда радуешься прилетевшей сороке, прошмыгнувшей ящерице, испуганному бурундуку. А как носился по даче после зимней спячки их рыжий кот по кличке Чубайс!

А шашлыки! А окунь горячего копчения!

У Игната на даче появились новые друзья. Могли часами носиться на велосипедах, придумывали какие-то свои игры, строили шалаши. Правда, класса после девятого Игната уже трудно было затащить на дачу.

У Татьяниных родителей не было дачи, и Вадим был крайне удивлён тому, с каким усердием жена занималась огородными делами. Года через три соседки приходили к ней за консультациями по выращиванию клубники, крыжовника, патиссонов...

Вадим же любил строить. Строительство у него ассоциировалось со словом «созидание». А это слово было краеугольным в его самопальной системе ценностей.

Мужчин он делил не по национальному признаку, не по принадлежности к какой-либо религиозной конфессии, не по уровню образования или ещё по какому-либо признаку. Вадим делил мужиков на две группы: созидатели и разрушители. Что касается женщин, то все его попытки как-либо классифицировать их упирались в наличие «неконтролируемых параметров». Вадим поймал себя на мысли, что к одним и тем же поступкам различных женщин он относится по-разному. Например, ему бы никогда не пришло в голову осуждать, скажем, Лилию Брик в... тунеядстве. Или Жаклин Кеннеди! А вот соседку из тридцать второй квартиры Зинаиду, живущую на попечении регулярно меняющихся гражданских мужей, он недолюбливал и презирал. Красивым женщинам

Вадим прощал намного больше, чем ординарным... И говорил себе: это не объективно и не справедливо! Но ничего поделать с этим не мог. А шарм! Да что там шарм! Такая малость, как красивая походка, путала все его логические выкладки! Или прямая осанка, как у Татьяны или одноклассницы Карилкиной! Или, как любят говорить режиссёры, манкость! Или...

Однажды Вадим поделился с Татьяной своими мыслями на этот счёт.

– Ты знаешь, Вадим, иногда поэты могут выразить мысль чётче и кратче. У Николая Зиновьева есть такой стих: «Я бьюсь над смыслом бытия, но ты войдёшь с улыбкой влажной, возьмёшь халат свой за края – и ничего уже не важно!».

Через минуту добавила:

– Да вы сами, мужики, творители хаоса! Когда Михаила Светлова спросили, каких женщин он предпочитает, поэт ответил: «Близлежащих». Тут всё понятно! А вот что пишет тот же Николай Зиновьев: «Одна молчалива, как птица. Другая пылает, как зорька. А есть та, которая снится. Которая снится. И только». Что, и у тебя, небось, была та, «которая только снится»? Которую не решался взять за локоток? И боялся на танец пригласить? А?

– Да, Тань, такое бывает. Ты только запутала меня окончательно!

На следующий день Вадим пошёл в гараж. Дней десять назад стукнул движок его «семёрки». Сразу в мастерскую не погнал – ждал пенсии. Убедился, что трос на месте, подкачал колёса. Завтра должна «упасть» пенсия. Позвонил в мастерскую, договорился на десять утра следующего дня. Юрий обещал притащить машину на своей «Ниве».

При выходе из гаражного кооператива его догнала местная сторожиха – бездомная лайка. Вадим никогда не подкармливал бродячих собак, но сегодня... Лайка прихрамывала на переднюю лапу. Ругая нещадно себя за необъяснимую сентиментальность, Вадим пошёл в близлежащий магазин, купил три сосиски и два плавленых сырка. Сосиски лайка съела сама. Затем рванула к соседним боксам и вернулась не одна – с облезлым беспородным псом, который вмиг проглотил сырки. Собаки проводили его до дороги – дальше не пошли.

Вспомнил рассказ Юрия об одной бродячей сучке, которая спасала щенков от лютого мороза тем, что зубами выгрызала шерсть со своих боков и укрывала ею щенят.

После обеда раздался звонок.

– Это Вадим Сергеевич? Вам звонит Валерий Игнатьевич. С прискорбием сообщаю, что ваша супруга, Татьяна Юрьевна Анохина, скончалась час назад. Примите искренние соболезнования от коллектива ковидного госпиталя. Прошу завтра приехать к нам в кабинет номер два с девяти до двенадцати.

Доктор ещё что-то говорил, но Вадим его не слышал. Опять, как и пять дней назад, чья-то невидимая рука сжала сердце, и Вадиму показалось, что он слышит шум протекающей через аорту крови. Затем кровь ударила в лицо. Прилёт, но от покоя стало ещё хуже. Позвонил Игнату.

– Отец, – потерянным и прерывающимся голосом ответил сын, – вылетаю первым рейсом.

Затем Вадим позвонил в Иркутск старшему брату Татьяны – Николаю.

– Вадим, как только будет определённость с ритуалом, звони – тут же приеду, – после долгой паузы ответил Николай.

Юрию и Алевтине Вадим написал сообщение по ватсапу: «Сообщаю, что сегодня, в тринадцать часов, моя жена Татьяна умерла от ковида». Звонить не было сил.

Юрий позвонил:

– Вадим, прими искренние соболезнования от меня и от всего нашего семейства. Алевтина ревёт... Если нужна помощь – звони.

– Юрий, спасибо за участие. Сможем завтра сгонять в больницу часов в девять?

– В девять буду у твоего подъезда. А твою машину потащим в мастерскую?

– В другой раз, Юра.

Вадим не находил себе места. У него уже был опыт организации похорон, когда умер отец. Но всё так изменилось с тех пор... Появились залы прощания, ритуальные службы...

Да, нужно выбрать фотографию. Вытащил все альбомы. На одной из фотографий – вся семья на фоне Казанского собора. В каком это было году? В девяносто пятом? Дней восемь гуляли по Питеру и его окрестностям. А вот фото у фасада музея-дачи Пушкина в Царском Селе. Слово «дача» было неуместно в названии музея: дом представлял собой настоящий особняк, который поэт снимал несколько месяцев. «Не таким уж и бедным было «наше всё», – подумалось Вадиму.

Экскурсию по этому музею проводила молодая женщина в чуть ли не домашнем халате.

– Здесь Пушкин вернулся к роману «Евгений Онегин», написав «Письмо Онегина к Татьяне».

Накануне своего дня рождения Пушкин с женой приехал в Царское Село, где провёл шесть счастливых лицейских лет. И теперь он возвращался в мир светлых воспоминаний. По утрам поэт работал в кабинете, расположенном в мезонине дома, вечерами отправлялись с Натальей Николаевной гулять в парк... Во время Великой Отечественной войны в этом особняке некоторое время располагался штаб немецкой пехотной дивизии...

Голос у экскурсовода оказался завораживающим, она быстро и чётко отвечала на непростые вопросы Татьяны – какой словесник откажется блеснуть своими знаниями? А когда вошли в мезонин, в котором Александр Сергеевич работал над «Евгением Онегиным», и особенно когда спускались на

первый этаж, Вадим ощутил странное чувство: ему показалось, что вслед за ними следует Пушкин. Вадим даже оглянулся.

И, конечно, лицей... Для Татьяны это был настоящий праздник.

Вот фотографии окрестностей Константинова – на родину Есенина жена ездила одна. Какие пейзажи! Почему-то раньше Вадим не обращал внимания на эти фотографии? Между страницами альбома лежала ксерокопия отрывка из поэмы «Гуляй-поле». Вадим прочёл несколько строф, посвящённых Ленину:

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из медно лающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
Ленин умер.
Их смерть к тоске не привела.
Ещё суровой и угрюмой
Они творят его дела...

«Да уж! Почему раньше не попадались эти строки? За «Ещё суровой и угрюмой Они творят его дела...», конечно же, его и убили! «Творят» – лучше и не скажешь!».

Попалось письмо без конверта:

«Здравствуйте, дорогая Татьяна Юрьевна!

Пишет Вам Таня Кабейкина, выпускница 93-го года. Надеюсь, Вы меня вспомните, ведь я играла в вашем самодеятельном театре.

Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за тот труд, заботу и внимание, которое было вложено в нас за все эти годы. Вы были для нас не только учителем русского языка и литературы, но и старшим другом – не хочу называть Вас казённо – «классным руководителем». Мы не всегда Вас понимали, только со временем мы можем признаться в первую очередь себе, что часто были не правы. И только сейчас смогли оценить весь ваш труд и вклад в каждого из нас.

Вы смогли привить мне любовь к настоящей литературе. Вы научили не просто читать книги, а проживать жизни героев, сопереживая им или осуждая их. Литературой и своим талантом учителя Вы в первую очередь воспитали в нас доброту и честность.

Так получилось, что я со своим мужем и двумя дочерьми живу в Чернигове. Русский язык стал притесняемым, но никогда я не отреклась от моего родного языка!

Крепкого здоровья Вам и педагогического долголетия! Спасибо Вам за всё!

С уважением, ваша ученица Татьяна.

P.S. Пытаемся вернуться в Россию. Бюрократия – не то слово!».

За просмотром альбомов прошло часа два. Попался конверт, в котором лежала открытка «С праздником Победы!». На обратной стороне красным карандашом было написано: «С Днём Рождения, Вадимочка!». Ниже синими чернилами приведён текст стихотворения:

Ах какое это счастье –
На планете этой жить,
Быть её живою частью,
Вместе с ней в лучах кружить!
И любясь всем на свете,
Жизнь от горя защищать,
И с волнением на рассвете
Ветром Родины дышать!
Счастья большего не надо,
Расправляй, как парус, грудь.
Жизнь считай своей наградой
И её достоин будь!

И подпись: «Целую крепко. Бабуся».
Господи! Прошло полвека!

Среди нескольких фотографий Татьяны выбрал наиболее достойную – с «первосентябрьским» шикарным букетом цветов на фоне крыльца школы. Завтра нужно сходить в «Фотопринт», увеличить.

Уснуть Вадим не мог. Обычная обстановка квартиры становилась неродной. Хотя предметы располагались на тех же местах, как и обычно, но принадлежавшие Татьяне вещи стали вмиг

обезличенными. Заглянул в «святая святых» – в шкатулку с кольцами, серьгами, брелоками... Рядом лежали часы, которые Татьяне подарил её отец. Кварцевые. Сколько они ещё пройдут без хозяйки? Вадим впервые дал слезам полную свободу, но они не принесли облегчения.

Включил телик. Соловьёв с Шахназаровым спорили с каким-то «доктором политических наук». Вадим пытался понять суть спора, но не мог сосредоточиться. Убрал громкость. Много лет назад Эльвира научила его этому приёму: когда звук выключен, то сразу заметно, кто из ораторов лукавит. «А интересно, неужели так просто руководить «Мосфильмом»? Когда уважаемый режиссёр успевает директорствовать? А этот «доктор политических наук»! Умереть не встать! Да нет таких наук!».

Три часа ночи. Вадим достал початую бутылку грузинского коньяка, выпил полстакана. Будильник поставил на семь часов.

В девять Юрий уже поджидал у подъезда. Выразил соболезнование.

– Вадим, прими от нас, – и передал десять тысяч.

Подъехали к больнице. Вадима не было минут тридцать. Он вернулся с большим пакетом, в котором были вещи Татьяны.

Юрий обомлел – как бы не подхватить «корону» от этих вещей! – затем подъехали к моргу.

– Вскрытие будет только двадцать второго декабря. А это уже десятый день. Юрий, давай ещё в ритуалку заскочим.

Вадим сокрушался:

– Озадачили ритуальщики – прощание с умершими от ковида в Приангарске запрещено. Из морга – сразу на кладбище в закрытом гробу. Такие дела...

Когда Юрий высадил Вадима, то вскоре остановился на обочине и открыл все двери – проветрить. Конечно, нужно было взять ещё один полиэтиленовый мешок для вещей из больницы.

Алевтина осознала в полной мере, что Татьяна умерла, только на следующий день, когда завуч и коллеги начали расспрашивать что да как. Всех интересовали дата и место прощания.

Вечером, после работы, вспомнила подробности последнего разговора. Совсем недавно, в сентябре, Татьяна ездила к сыну в Хабаровск.

Игнат к этому времени ходил в примаках – жил на квартире гражданской жены Антонины, которая была на пять лет старше его. Солистка того же ансамбля. Материнское сердце не принимало её – шансы появления внука близки к нулю – «невестке» уже сорок пять. Обаятельность, женская привлекательность, бархатное контральто Антонины только раздражали: трудно будет сыну бросить такую женщину. Татьяна даже отказалась остановиться у «детей» – сняла номер в гостинице «Амур».

Игнату пыталась внушить:

– Сынок, пройдёт ещё лет пять, и дети тебе будут в тягость, так и будешь жить неизвестно ради чего. А я, да и Вадим, ещё хотим понянить внуков! А лет через десять всё равно её бросишь или превратишься в ходока – поверь матери. Ты ещё будешь в силе, а Тоня... А квартира... Ну, на однокомнатную наскребём по сусекам. Ипотека, в конце концов.

Алевтина не могла утешить Татьяну. А что тут посоветуешь? Оставалось надеяться, что всё как-то само собой устаканится. Было заметно, что Татьяна потеряла присущую ей бодрость, на вопросы отвечала с некоторой задержкой, как будто думала совсем о другом. Да и осанка её была уже не осанкой Нани Брегвадзе, а скорее – Ваенги.

«Приедет Игнат, я ему всё выскажу! Хорошо он устроился! Мужичу почти сорок, пора бы...»

...Попрощавшись с Игнатом, улетающим в Приангарск, Антонина позавтракала, начала собираться на репетицию. Посмотрелась вначале в зеркало, потом взглянула на афишу своего сольного выступления в Доме офицеров пятилетней давности. Да уж, пройдёт ещё года три, и что останется от былой «роковой женщины» – так ещё совсем недавно называл её поэт Иван Шепета. Слезы потекли сами собой. «Отпустить, что ли, Игната на все четыре стороны! Он жалеет меня, я жалею его. Толкуто... Жаль, что не смогла подружиться с Татьяной Юрьевной. Ох, если б не ранний аборт... Дура я, дура!».

Вадим не мог принять решения: что делать на девятый день? Люди звонят, интересуются... Тело ещё не будет предано земле. Пытался отыскать ответ в Яндексe, но чёткого ответа не нашёл. Пошёл в церковь.

По дороге Вадим вспомнил, как его пропесочивали в горьком комсомола, когда в индустриальном институте были выявлены две баптистки-первокурсницы. Первый секретарь Чугунов распался:

– Вадим Сергеевич! Вадим... Как же это случилось? На вверенном вам участке, в советском вузе, обнаружен рассадник сектантства! «Opiumdes Volkes» – так в оригинале звучит фраза Карла Маркса. Опиум для народа! Советую вам перечитать «К критике гегелевской философии права».

Вадим молчал. Он видел этих «сектантов» – девчонки-простушки из посёлка Видим. Секретарь продолжал:

– А вы следите за визитом Генерального секретаря в Ташкент? Выступая перед активом, Михаил Сергеевич призвал усилить работу с религиозностью среди молодёжи! У-си-лить!

Девчонок исключили из института.

Перед алтарём заканчивалось отпевание мужчины. Один из присутствующих передал Вадиму горящую свечку.

«...Со души праведных скончавшихся души раб Твоих, Спасе, упокой, сохраняя их во блаженной жизни, яже у Тебе, Человеколюбче.

В покоищи Твоём, Господи, идеже вси святии Твои упокоеваются, упокой и души раб Твоих, яко Един еси Человеколюбче.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Ты еси Бог, сошедый во ад и узы окованных разрешивый, Сам и души раб Твоих упокой.

И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Единая Чистая и Непорочная Дево, Бога без семени рождающая, моли спастись душам их.

Помилуй нас, Боже...

Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему Николаю и сотвори ему вечную память...».

Вадим обратил внимание, что новопреставленный находился в закрытом гробу. Вернулся в притвор, спросил у бабушки, продающей свечи:

– Как зовут настоятеля?

– Иерей Николай. Николай Сергеевич.

– А не знаете, почему отпевают в закрытом гробу?

– Ковидный.

После отпевания Вадим подошёл к иерею, рассказал о проблеме.

– Да, сейчас с этим многие обращаются. Знайте: на девятый день душа предстаёт перед Богом. На девятый день для души человека наступает время очищения. Пребывать без поддержки близких в этот день душе может быть очень и очень тяжело. Посмертная память у человека сохраняется, его душа знает и помнит, что в земной жизни остались люди, которые могут о нём помолиться. Конечно, можно молиться о душе человека и келейно. Мы не знаем, как именно действует наша молитва, но именно она в эти дни облегчает участь усопшего и дарует утешение родственникам и близким человека, который отошёл в жизнь вечную. Молитва об упокоении души усопшего нужна ему всегда, особенно в первые сорок дней после кончины. Советую попросить священника отслужить в храме панихиду на девятый день, если ваша жена крещёная. Если не крещёная – вы можете совершить личную молитву.

Вадим окончательно запутался, Татьяна была некрещёной. По поводу веры цитировала либо Маркеса: «Я в Бога не верю, но очень его боюсь!», либо Николая Зиновьева: «Вот сменила эпоху эпоха, что же в этом печальней всего? Раньше тайно мы верили в Бога, нынче тайно не верим в Него».

Носильные вещи Татьяны Вадим сдал в химчистку. Решил передать их в дом престарелых – знакомые наотрез отказались что-либо взять. Открыл смартфон Татьяны. Номера телефонов подруг пригодятся для организации окончательных поминок. Заглянул в «галерею» смартфона: семейные и школьные фото... «Господи! Почему так рано? Шестидесят шесть – не возраст! Жить бы ещё и жить!».

Зинаида, соседка из тридцать второй квартиры, предложила помощь в разборке вещей жены и «вообще, может полы помыть, или ещё что-то...». Вадим отказался от помощи, но был весьма удивлён предложением – за многие годы жизни они никогда ни о чём не разговаривали, лишь здоровались. Чуть ли не впервые Вадим посмотрел на соседку как на женщину и тут же приказал сам себе: «Окстись, вдовец...».

Прилетел из Хабаровска Игнат.

– Прости сынок, не уберёг...

– Виноват я перед матерью, отец. Плохо расстались в последний раз. Хотел же приехать на новогодние праздники, даже подарок купил маме. Не успел...

За ужином Вадим вкратце рассказал о последних днях.

Судили, рядили и решили организовать всё-таки поминальный ужин на девять дней. Вадим позвонил Алевтине, сообщил, что двадцать первого декабря она и Юрий приглашаются на вечер памяти. Просил также пригласить директрису школы, завуча и Елену Сергеевну – словесника. Позвонил Николаю, тот обещал прилететь двадцатого.

Вадим и Татьяна не были застрахованы на случай погребения. Вадим решил продать один гараж – у него их было два. Строительство гаражей позволило Анохиным худо-бедно пережить девяностые. В какой-то момент у Вадима было аж четыре гаража.

Рассказав председателю гаражного кооператива о ситуации, попросил совета: как побыстрее продать гараж. Оказалось, что были желающие – майнинговые фермеры. Продал в этот же день за сто восемьдесят тысяч. Пятьдесят тысяч привёз Игнат. Должно хватить. И на ремонт «семёрки» останется. Или вообще движок новый поставить?

Приехал на своём «УАЗ Патриоте» Николай.

Сокрушался, что редко навещал сестру. Последний раз он приезжал в Приангарск лет семь назад.

Спросил напрямую:

– Вадим, скажи честно – ты уедешь в Хабаровск к сыну? Или останешься доживать в Приангарске?

– Пока не знаю, всё так быстро произошло.

– Я к чему спрашиваю – если ты уедешь, может быть, похороним сестрёнку в Иркутске на Глазковском кладбище? В одной оградке с матерью и отцом. Я хоть буду приглядывать, а так... ты уедешь... и некому...

– Нужно подумать. Дай пару дней.

«Уехать! Легко сказать! Вся жизнь здесь прожита. Идёшь по городу – и каждый дом о чём-то напоминает: там жила одноклассница Мелоховская, там – напился в первый раз... А в этом колодце подростками прятались и курили «Шипку»... А набережная! А школьный стадион! А сквер у администрации...

С другой стороны – что меня держит здесь? Погосты... Друзья – кто уехал, кто в мире лучших. Одноклассники поразъезжались да поумирали, однокурсники – по норам. Остались только Юрий да Алевтина. И в Хабаровске – ни кола, ни двора. Были бы внуки...».

Вечером, за ужином, Николай озадачил ещё раз:

– Вадим, днём заехал в вашу местную ритуалку «Скорь». У них появилась услуга: кремация в Новосибире. Доставка тела и урны с прахом – силами ритуалки. Срок – трое суток. Стоимость – восемьдесят тысяч. Похороны обойдутся не дешевле. Подумай. На мой взгляд, нужно пойти на этот шаг – с телом всё равно нельзя будет проститься. А урну можно будет захоронить после того, как земля оттаёт. В Иркутске есть колумбарий, но там арендная плата... Забываю спросить, Татьяна не оставляла завещания?

– Да нет.

Девять дней организовали в столовой ЖБИ-1. Водку разрешили принести с собой. Вадим с Николаем заехали в самый крупный универсам (не дай Бог – «палёнка») и купили сразу бутылок пятнадцать водки «Брацкая», бутылок восемь сухого вина – в расчёте на ещё одни, окончательные поминки, полгода, годовщину...

Повара попались классные – всё было организовано хорошо.

Приглашённых было немного: директор и завуч школы, Алевтина с мужем, Елена Сергеевна и бывшая ученица Татьяны – Лариса, которая иногда заходила в гости к Анохиным. Вадим пригласил и Германа Илларионовича (ему было уже за девяносто), но тот отказался прийти, сославшись на хворобу.

Поминки открыл Вадим:

– Уважаемые друзья. Несмотря на то что тело моей жены ещё не предано земле, мы решили собраться на девять дней. Я консультировался с настоятелем нашей церкви, который объяснил, что девять и сорок дней имеют отношение к душе, а не к телу. Понимаю также директрису школы, которая не пришла сегодня, не согласившись с этим доводом. Дело не в этом. Дело в том, – голос Вадима дрогнул, – что наша семья потеряла жену, мать, сестру... Это действительно невосполнимая потеря для нас. Благодарю всех вас за то, что вы нашли время разделить постигшее нас горе. Повторю: невосполнимая! Прошу наполнить бокалы... Светлая память нашей Татьяне Юрьевне.

Затем Игнат взял слово.

– Понимаете, я собирался в январе приехать. Не успел, к сожалению.

Слёзы потекли по его щекам. Голос приобрёл неестественную хрипоту.

– Я так хотел посоветоваться с мамой о будущей жизни. И ещё я хотел извиниться – в сентябре мы с Антониной, моей женой, холодно простились с мамой в Хабаровске. Виноват... Не могу больше говорить...

...Через час все разошлись.

Когда пришли домой, Вадим согласился с Николаем:

– Пожалуй, ты прав: завтра едем в «Скорь», договариваемся о кремации.

Ритуальщики пообещали привезти урну с прахом через четыре дня.

Николай уехал домой, засобиравшись и Игнат – через неделю ансамбль уезжал на гастроли во Вьетнам. Прощание было тяжёлым.

...После выхода на пенсию Вадим нередко бывал один в квартире – Татьяна дневала и ночевала в школе. Но теперь это одиночество было совсем другим. Не находилось дельного занятия; отремонтировал, правда, прикроватную лампу – месяц назад обещал Татьяне. Прогулки по городу не спасали – знакомые, соболезнуя, напоминали об утрате.

Съездил на кладбище, на могилу родителей. На огороженной территории было ещё свободное место. «Прикопаю весной урну с прахом между родителями и закажу новую долеритовую плиту сразу на троих по всей ширине могилы. Скажу Игнату, чтобы меня тоже кремировал...».

Через четыре дня Вадим забрал урну с прахом. Добрался до дома на такси. При выходе из лифта он почувствовал, как сердце его опять сжала неведомая рука, горячая волна ударила в голову, и сердце стало биться с переборами и всё реже, реже...

Когда Зинаида выносила ведро с мусором, то чуть не наступила на лежащего Вадима. Вызвала «скорую». И, подумав, позвонила участковому.

Георгий КАЮРОВ

г. Москва

Секретарь Высшего творческого совета Союза писателей России, член Славянской литературно-художественной академии (Болгария). С 2009 по 2016 главный редактор литературно-художественного журнала «Наше поколение» (Кишинёв).

Папа обязательно приедет!

Рассказ

Густой, тяжёлый туман, наполнивший на село Н-ское, завис в эту осень надолго. Небо обратилось в холодный, сырой покров, окутавший поля, дороги, околицу и скрывший крыши и без того невысоких домов. Всё равно на залитой грязью центральной улице виднелись тёмные силуэты селян, спешащих на ферму, на ток, проезжающие трактора и грузовые машины, разбрасывающие из-под колёс грязные брызги – всё это в логическом порядке сельской жизни просыпалось и оживало после ночи.

Неожиданно в тумане выделился тяжёлой поступью, пробирающийся уверенной походкой по осенней слякоти, военный с бледными щеками, оголёнными от долго носимой бороды свежим бритьём. Туман не мешал ему найти ворота родного дома. Он по-хозяйски закинул руку поверх калитки и отодвинул засов. Уже из дома раздался радостный вопль разрыдавшихся матери и жены.

В доме через несколько дворов Ольга, не отрывая взгляда от экрана телевизора, на котором отвечал на вопросы её муж Андрей, торопливо сняла фартук, скинула домашний халат, выхватила с вешалки первое попавшееся платье и надела. Быстро перевязала волосы и прижала их заколкой.

– Ма, – улыбнулась дочь Соня, тринадцатилетний подросток, наблюдая, как мать прихорашивается, – он же в телевизоре. Всё равно не увидит.

– Вон какой бравый! – Ольга едва перевела взволнованное дыхание. – Смотри, какие лица. Холодно, грязь по колено, а они себе поют, как ни в чём не бывало. Весёлые ребята! Надёжные, как и наш папка.

– Вот смотри! – неожиданно дочь соскочила с дивана и ткнула пальцем в экран. – На отца одноклассника похож!

– Это наш папка, сынок, – подозвала Ольга вошедшего с улицы сына Илью и обняла того, ткнувшись губами в макушку!

– Ма! Смотри! Смотри! – снова закричала от восторга дочь. – Подарки получили. Может, и наши там есть?

– Так, всё! Быстро вставай, – одёрнула мать дочь. – Умываться, завтракать и в школу. Проследи, чтобы Илюша до класса дошёл. Учительница ругалась – первоклассник, а опаздывает часто, – сама же глаз оторвать от экрана не могла, наблюдая, как муж достаёт из коробок подарки и раздаёт сослуживцам. Подарки переходят из рук в руки. Солдаты прижимают их к груди, разворачивают листки с детскими письмами и рисунками, благодарят, и скупые слёзы текут по их щекам, и слова дрожат от раздражающего душу волнения, и не смущает их направленный объектив камеры.

В минувшую ночь бабке Ульянке, Ольгиной свекрови, приснился странный сон: она видела сына Андрея в белых одеждах, с трудом пробирающегося сквозь туман, а когда присмотрелась, то туман оказался потоком нацистских полчищ. Сын силой продирается сквозь эти чудовища, обдирая себя белые одежды, и вот уже тело сына покрылось сплошными кровавыми царапинами.

«Святая Богородица! Какие ужасы!» – во сне проговорила бабка Ульянка и продолжала взирать застывшим взглядом.

Туман волнуется, небо сверкает от громовых молний, земля трясётся – такая шла битва! И вдруг сын исчез в тумане, потерялся, его не видно более...

Старая мать проснулась и окинула взглядом комнату. В доме темно. За окном редкие капли ударяли о жестяной подоконник.

«Так вот какая бывает битва! – едва переведя дыхание, проговорила бабка Ульянка и с этими словами трижды перекрестилась. – Господи, Иисусе Христе, помилуй нас! Святая Богородица, защити и спаси сына! Не оставь деток сиротами!».

Она больше не заснула до самого утра, изводя себя тяжёлыми мыслями. Едва стрелка часов застыла на восьмёрке, набрала номер телефона соседки.

– Михална, спишь? – нетерпеливо проговорила бабка Ульянка. – Что значит видеть во сне облако?

– Два есть облака, подруга, – сильным спросонья голосом проговорила соседка, привыкшая к столь ранним звонкам. – Одно – к дождю, другое – к погоде. Ты какое видела?

Бабка Ульянка подробно, стараясь не пропустить мелочей, пересказала сон. В трубке наступило молчание. Соседку озадачил сюжет. Она никак не могла припомнить, чтобы в соннике говорилось о таком облаке, какое привиделось подруге. Догадавшись о тревогах старой матери, терпеливо ожидавшей её ответ, она ровным, ободряющим тоном проговорила:

– Не беспокойся, сон хороший. Твоё облако – к добру. Получишь письмо или какое другое известие от близкого человека или родственника, – соседка умышленно не стала называть имя сына подруги.

– Ладно, спи дальше, – лицо бабки Ульянки просветлело, и она с облегчением выдохнула.

Через шесть дней действительно передали ей письмо от сына Андрея. Завёз его сослуживец из соседней роты, который проходил лечение в госпитале и проезжал через их село обратно на фронт. Бабка Ульянка побежала к сельской гадалке сначала поворожить, что там в письме, а затем сели вместе читать.

«Пишу тебе, мама, это письмо, что я жив и здоров и что мы побили бандеровских нацистов. Воюем со всем Западом! Но ты не сомневайся, Россия победит. Я здоров, и моё отделение всё здорово, и даже нет раненых. Ребята узнали, что я пишу тебе письмо, и говорят: посылай поклон своей матери и от нас. Нацисты зверствуют. Бьют далеко, но не точно. Стреляют залпами, как попало, много гибнет мирных людей, но страх как боятся нас. Зайди к соседу Сашке и заведи мою дрель. Когда вернусь, надо будет стул отремонтировать, а без дрели не справиться. Там обломался винт – и теперь так не вытащить, надо высверливать. Я бы сразу сделал, но дрель забрал Сашка. Ему что-то там надо было просверлить. Моя зарплатная карточка у Ольги. Зайди к ней, она даст тебе немного денег. Трать без сожаления. Мне тут не на что тратить.

Будь здорова, мама, и не ссорьтесь с Ольгой. Ей я написал письмо отдельно. Кланяюсь тебе низко. Твой покорный и любящий тебя сын Андрей».

– Сыночек мой, сыночек! – застонала старуха-мать. – Спаси тебя Бог, сыночек, – и мать перекрестила дорогие сердцу сыновьи строчки.

Обрадовалось старое материно сердце, и она побежала поделиться добрыми вестями к соседке, которая накануне и наговорила ей добрую весть.

Едва вышла бабка Ульянка на улицу, как на глаза ей попала небольшая группа военных, проходившая контрольно-пропускной пункт и за которыми солдат опустил шлагбаум. В первый момент ей даже показалось, её сын Андрей пошёл: так похож был один из них. Но нет, это был не он.

Она подошла ближе, думая расспросить о сыне, но её внимание привлёк строй пленных за решётчатыми воротами. Так же стояли пленные немцы в минувшую войну. Она была ребёнком, но хорошо запомнила на всю жизнь их измождённые, грязные лица, с растерянно блуждающими по сторонам глазами. Перед строем наш советский офицер проводил перекличку, считывая немецкие фамилии с листка. Сейчас так же стоял офицер и, как тогда, проводил перекличку, а вот фамилии всё звучали наши, русские.

– Господи Боже, – проговорила она, рассматривая их повнимательнее. – Разве такие нацисты? – в её детской памяти застыли лица тех, настоящих нацистов. То были звери. Она никак не могла соединить их с этими: – Люди, как есть русские люди! Ведь и у них есть матери... Что они думают теперь? Может, ошибка какая? Погодите, ребяташки, погодите малость! – одними губами проговорила, словно сама себе отдала приказание, бабка Ульянка и бросилась обратно к себе в дом, вынесла оттуда бутылку водки, большой круглый хлеб, совсем недавно ею испечённый, и поспешила к пленным, намереваясь угостить их.

Караульный усмехнулся и скомандовал:

– Не положено! – и уже добродушнее добавил: – Это пленные нацисты. Эти бандеровцы наших убивали.

– Они же русские, – пролепетала бабка Ульянка, недоверчивым взглядом уставившись на солдата караульного. – Ведь совсем молодой, откуда тебе ещё разобраться кто есть кто?

– Не положено! – уже строже отчеканил тот, заметив приближающегося к ним офицера.

– Что тут происходит? – офицер внимательно осмотрел женщину с бутылкой водки и хлебом и перевёл вопрошающий взгляд на солдата.

– Вот женщина пришла... местная жительница... Я её знаю, она вон из того дома... – солдат замешкался и быстро отчеканил: – Ошиблась, думала наши, но я ей пояснил, что это пленные нацисты.

Офицер медлил, пристальнее рассматривая стоящую перед ним женщину, и по его глазам было видно: он размышляет над неожиданно возникшей идеей.

– Идём, мать, – офицер посторонился, пропуская бабушку Ульяну вперёд.

Они миновали пропускник и подошли к строю пленных. Офицер остановился, не проронив ни слова, а бабка Ульянка совсем забылась, кто перед нею, протянула бутылку водки, и, пока солдаты передавали друг другу, отламывала куски от хлеба, для этого ей приходилось пальцем в нескольких местах пробивать запечённую корочку, чтобы легче ломалась, и клала по краюхе в протянутые руки.

– Спасибо, спасибо, – признательно говорили ей усталые пленные, с наслаждением пропуская в себя по глотку благодатной влаги и занюхивая ароматным домашним хлебом.

– И на мою долю оставь глотнуть, – повеселел кто-то из пленных. – Спасибо, бабушка. За твоё здоровье, – прибавил он, опоражнивая бутылку.

– Такие же христиане, православные, как и мы... – удивлялась бабка Ульянка, заглядывая каждому пленному в глаза. – И из-за чего дерётесь сыны?

– Так вот, мать... – только и нашёлся ответить стоящий рядом пленный, с понуро опущенной головой.

– Откуда будете? – бабка Ульянка бережно провела по его руке. – Из наших ли краёв?

– Я из Коломыи, – пленный старался угадать, знает ли стоящая перед ним старуха о его городе. – Это западная Украина.

– Красиво у вас там, – лицо старухи-матери даже прояснилось. – Горы, леса – всё чистенько, ухожено, люди приветливые, добрые... – Что ж, и мы восстановим всё. Тоже будет, как прежде, красиво, мирно. Ох, натворили... Отстроим после... – она хотела сказать «после того, что вы наделали...», но осеклась, словно пристыдив себя, ведь им и так несладко, и только смогла сказать: – Ох уж эти бомбы!
– Всё, мать! Уходи, – строго отчеканил наблюдавший со стороны офицер.
Уже немного отойдя от пропускника, бабка Ульянка обнаружила у себя в руках последний кусок хлеба.
– Ух-х! – в сердцах воскликнула она и едва не повернула обратно, печальным взглядом уставившись на шеренги военнопленных: – Остался кусочек. Не успела отдать.

С другого конца села, по центру разбитой от грязи улицы, приближалась группа военных. Старуха-мать долго всматривалась, стараясь разглядеть воинов и увидеть её Андрея. Из разных дворов стали выходить люди и на ходу передавать солдатам кто чем мог поделиться. Те обнимали старух, пожимали сухие руки стариков. Из какого-то двора выбежала девушка с небольшим букетом высушенных цветов. Когда увидела пыльных, с измождёнными лицами, но улыбающихся солдат всплеснула руками, закрыла лицо передником и заплакала.
– Чего ревёшь дочка! – добродушно улыбнулся пожилой солдат. – Нам цветы?
От горьких рыданий, что она, вот такая бестолковая, вышла с цветами, а не с чем-то нужным, полезным, девушка только закивала.
– Спасибо тебе! – и солдат, принимая из её рук букет, поклонился ей.
Солдаты стали передавать букет из рук в руки, и каждый кто проходил мимо девушки, говорил:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! – а букет переходил из рук в руки, и лица солдат словно просветлялись от этого простенького букета высушенных полевых цветов.
Черноглазый, плотный, здоровый молодец выскочил из строя, наскоро поцеловал материнскую руку бабки Ульянки, чмокнул в лоб девушку, прикрепил к груди Георгиевскую ленту, которую подала ему другая, теряющаяся в толпе девушка, и бросился вдогонку за ушедшими вперёд товарищами.
– Возвращайтесь!.. – только и смогла тихо проговорить одними губами вслед уходящим солдатам заплаканная девушка.

Старуха-мать долго ещё смотрела на раскачивающиеся от тяжёлой походки спины солдат, а немного погодя и весь отряд скрылся за поворотом.
Когда бабка Ульянка вернулась домой, отворила свой старый заслуженный сундук, сняла сверху рубахи и разные платья, вынула с самого дна заветные венчальные свечи, которые держала в неприкосновенности долгие годы, прилепила одну перед образом и начала читать молитву.
В это самое время где-то далеко под Кременной раздавались раскаты пушечных выстрелов. Артиллерия расчищала от нацистов укрепления, чтобы её сын с другими штурмовиками мог разгромить врага.

Шёл ноябрь две тысячи двадцать второго года.

Время словно застыло. Власть объявила о временном прекращении боевых действий. Приближалось Рождество. Подоспел указ президента об отпусках, и солдаты потянулись домой в двухнедельный отпуск. В домах готовились застолья, чтобы хоть и тихо, но торжественно отметить короткую побывку своего защитника.

Прибывали и соседские мужики. Только Андрея, сына бабки Ульянки, не было; и самого его не было; и никто ничего о нём не знал. Задумалась старуха-мать, забеспокоилась, дурные предчувствия ночами всё чаще и настойчивее осаждали её. Дни проходили за днями, при малейшем стуке она озиралась на дверь, гадая, не он ли?

Уже во многих дворах встретили своих сыновей и мужей, только они с Ольгой никак не могли дожидаться своего Андрея – их единственной опоры: сына, мужа и отца Сони и Ильюши, её любимых внуков.

– Ба, пришёл дядя Коля! – вбегая в дом, выкрикнула внучка. – Пошли, мамка уже там, может, что расскажет о папке?

– Николай пришёл! – тяжело вздохнула бабка Ульянка. – Может, и ваш папка скоро придёт. Вроде вместе уходили.

– Нас по разным отделениям распределили, – объяснял Николай, когда Ольга с дочерью и свекровью сидели у них дома. – Андрюху сразу в разведку, в штурмовики, а меня в артиллерию. Больше мы не виделись. Мы же в тылу, а они на передке. Ты, Ольга, не переживай так. Приедет. Жарко у них там сейчас. Вот остудят горячие головы нацистов, пообрубают их жала, и сразу приедет, – бормочет, путаясь и смущаясь Николай, жалеючи старуху-мать и Ольгу.

– Господи, Господи! – тяжковздохнула бабка Ульянка. – Где же пропало моё дитя? Может быть, он уже едет? – искала успокоение она. – Может быть, онхочетприйтидомой, какразкочельнику? Что жтакое, что ещё не пришёл? Вот и другие солдаты приезжают по одиночке. Впереди много времени, придёт ещё. Он знает, как ждут его здесь!

Так утешала себя и невестку бедная старуха-мать.

Выслушав боевого товарища сына, бабка Ульянка поспешила домой, смутно надеясь, а вдруг пока ходила по соседям, Андрей уж дома сидит дожидается. По дороге повстречалась глазами с другой соседкой. Той нечем утешить старуху-мать, у самой глаза полны слёз. Мельком зыркнула красными от слёз глазами и отвернулась. На что бабка Ульянка только понимающе покачала головой и тихо оправдала неприветливость соседки:

– Её сын больше не вернётся в отчий дом.

В надеждах и ожиданиях всех жителей села Н-ского, год хоть и тяжело тянулся, но подошёл к завершению. Рано утром накануне сочельника бабка Ульянка пошла в церковь. У входа её уже поджидали Ольга с внуками. Накупила восковых свечей и поставила их перед всеми иконами у алтаря.

– Есть ещё время, – повторяла она про себя, стоя у Богородицы. – Завтра сочельник! Святая Богородица, верни мне моего ангела. Иисусе Христе, смилуйся надо мною. Не дай умереть, не попросив прощения у сына.

Сделав всё это, она вернулась домой, успокоенная, с прояснившимся лицом.

Ольга с детьми остались до конца службы. В церкви было много народу. Повсюду стояли военные, прибывшие в отпуск.

Илья, заметив, что мать с сестрой заняты службой, потихоньку, сначала зашёл за одного посетителя, а затем и вовсе осмелев отправился искать нужных ему людей.

– Дядя, вы моего папу не видели на войне? – обратился он к военному с перебинтованной рукой.

– Нет, не видел, – словно извиняясь ответил тот. – Ты чей будешь?

– Мой папа Андрей, – с гордостью в голосе сообщил Илюша и добавил: – Я уже первоклассник. Скоро вырасту и поеду папе помогать.

– Молодец! – похвалил солдат мальчишку. – Твоему папе сейчас очень нужно, чтобы ты хорошо учился.

– Дядя, авымог папу не видели? – к другому военному, подошёл Илюша.

– Кто твой папа? – поинтересовался военный.

– Мой папа разведчик, штурмовик! – с гордостью сообщил мальчишка. – Так дядя Коля сказал.

– Нет, не видел? – тихо ответил солдат и, уверенным тоном добавил: – Твой папа вернётся обязательно. Ты главное верь и жди. Ему это очень важно, чтобы его ждали.

– Дядя, а вы моего папу не видели? – Илья переходил от одного военного к другому и каждый в ответ молчаливо качал головой.

– Что ты тут делаешь? – схватила брата за руку сестра. – Мама обыскалась. Думала ты потерялся.

– Оставь меня! – выпалил брат. – Я папу ищу.

– Нет здесь папы, – прошептала сестра, крепко удерживая руку брата.

– Бабушка сказала, если у Бога попросить, то он всё исполнит, – брат пытался вырвать руку. – Я несколько раз попросил. Он должен исполнить. Какой знак подать.

– Пошли домой, – настаивала сестра. – Все уже ушли: и мама и бабушка.

– А ещё бабушка сказала, – сколько сил хватало сопротивлялся Илья, но сестра вела его к выходу, – Бог исполняет все желания детей.

– Сонька! – уже на улице Илья резко рванул руку, освобождаясь от цепкой хватки сестры. –

Давай сходим на край села и только посмотрим. Вдруг он идёт?

– Чего бы ему пешком идти? – возразила сестра. – Вон, всех привозят.

– Мы только одним глазком...

– Мамка заругает, – настаивала сестра. – И так вся извелась.

– Ну, Сонь, одним глазком...

– Ладно, – согласилась та, зная, младший брат так просто не отступит, а ещё чего доброго сбежит по дороге, как уследишь при такой погоде. – Только туда и обратно. Холодно сильно. Вон смотри, ветер усиливается. И снег начинается.

Взявшись за руки, брат с сестрой направились по покрывающейся снегом улице к выезду из деревни, к дороге, ведущей прямо к шоссе.

Холодный ветер усиливался и, казалось, продувал во все щели. Вмиг все склоны, вся равнина – всё побелело от снега. Небо низко нависло над землёй. Чёрные вороны, ещё пару часов назад летающие над дорогой, сейчас сидели на голых вершинах деревьев. Соня и Илья, подставляя спины ветру, продвигались к краю села.

– Представляешь, – Илья старался перекричать ветер, – мы раньше всех увидим нашего папу.

– Что?! – сестра не расслышала слова брата.

– Я сразу узнаю его, – и в этот момент густые хлопья падающего снега облепили его лицо, застелив глаза!

Пустая дорога вела в гору и терялась за подъёмом. Впереди уже ничего не было видно. Соня и Илья поднялись до самого верха, где ветер стал ещё сильнее и холоднее. Он с ног до головы облепил их снегом и с каждым новым порывом словно норовил сбить с ног. Казалось, всё смешалось в одно снежное месиво. И только очень зоркий путник мог рассмотреть в этой снежной кутерьме двух подростков, вышедших в столь лютую погоду встречать папу. Степной, морозный ветер крепчал, обжигал им лица. Снег засыпал их, но они оставались на своём посту. Дети продолжали смотреть вдаль, каждую минуту ожидая, что вот-вот из-за поворота на дороге появится их папа. Соня уже не торопилась, стойко перенося холод и крепко обнимая младшего брата. Илья промёрз и начал дрожать всем телом, но они не спешили уходить. Не сговариваясь, брат и сестра приняли решение: они должны дождаться папы. Иначе мама будет сердиться или плакать, если они вернутся домой без него.

– Сонь! – дрожащими губами проговорил Илюша. – Ведь папа обязательно придет? Правда?

Снежный ветер всё крепчал и крепчал, унося слова мальчишки куда-то далеко. Он шёл с запада, с поля битвы, где в Кременном лесу, возле огромной воронки, лежал засыпанный снегом их папа.

Игорь БЕЗРУК

г. Иваново

Безрук Игорь Анатольевич. Родился 30 мая 1964 г. в Первомайске Луганской области. Окончил Харьковский авиационный институт. Автор 10 книг прозы. Лауреат премии «Дебют» журнала «Наука-фантастика» (Киев, 1995), Международного литературного конкурса им. Я. Корчака (Иерусалим, Израиль, 2005), городской литературной премии им. В. С. Жукова (Иваново). Публикуется в ряде российских и зарубежных литературных журналов. Член Союза писателей России.

Тёмная сторона луны

Рассказ

Из командировки домой я возвращался через Москву. Билет из Москвы у меня был, а три часа между прибытием моего поезда и отправлением московского я мог бы заполнить прогулкой по ближайшим к вокзалу улицам – на музеи и картинные галереи времени у меня вряд ли хватило. Но ещё по дороге к Москве я позвонил дочке, которая гостила у своей тётки в столице, и та, не принимая никаких возражений, пожелала вернуться домой вместе со мной; ей, видите ли, у любимой тётушки, у которой всегда было «лучше лучшего», вдруг стало скучно, и пышный пирог её с алычой разонравился, и осень с её «бабьим летом» больше не радовала.

Я понимал: дочка повзрослела, и то, что очаровывало её в детстве, теперь не привлекает. Но её решение было несколько неожиданным. А если бы я не ехал через Москву? Или возвращался домой в другое время? Ох уж эта молодёжь, – всё у неё непредсказуемо...

– Ладно, – сказал я, – давай пересечёмся на вокзале и попробуем взять тебе билет на этот же поезд. Думаю, места ещё останутся. Только тётушку предупреди, а то обнаружит, что тебя нет, инфаркт хватит.

Ехать мне к ним через всю Москву не было ни времени, ни желания: со старшей сестрой жены видеться я не хотел – уж слишком она меня подавляла. Когда бывала у нас в гостях, я редко долго её терпел...

Нам повезло: мы с Машей взяли плацкарту в мой же вагон, места только в разных концах, но я был уверен, что без проблем договорюсь с проводником и соседями по купе обменяться местами, и дальше поеду с дочкой до самого конца.

Вагон даже наполовину не был заполнен. Скорее всего, народ в основном пойдёт после Тулы. В моём купе совсем никого. Когда-то в такую пору поезда набивались битком; теперь ездят мало, слишком стало дорого. Всё теперь дорого...

Я сказал Маше, чтобы оставалась пока на своём месте. Как тронемся и соберут билеты, пойду договариваться. Кинул свои вещи на верхнюю полку, подошёл к окну. До отправления ещё пятнадцать минут, но раздеваться пока не хотелось; на улице, казалось, было теплее, чем в вагоне. Из своей ниши выглянул в проход. Маша сидела в своём купе и, в ожидании отправления, смотрела на перрон.

Мимо меня прошла круглощёкая торгашка с баулом, потом проскочил долговязый ухарь в пухлой чёрной куртке и спортивной шапочке, надвинутой на самые глаза. Я вернулся к своему окну. Не больно рвутся в наш вагон. Но, по мне, это даже к лучшему: проводник, может, легче пойдёт на уступки.

Мои размышления неожиданно прервал тот самый, проскользнувший мимо долговязый, только уже без шапочки, убранный, видно, в карман куртки.

– А вы далеко едете? – спросил он, ощупывая меня своими близко посаженными глазами. «Как у крысы», – мелькнуло у меня. Он раскинул обе руки на верхние полки, закрыв собой проход, быстро скользнул взглядом вправо, влево, потом вернулся ко мне.

– Вы никого подозрительного не видели? Молодого человека лет двадцати-двадцати пяти. Я из полиции. Мы подозреваем, он проскользнул через ваш вагон.

Я пожал плечами.

– А сами куда едете? Покажите ваш билет.

«Странно, – подумал я. – Зачем вдруг полиции понадобилось выяснять, куда я еду?» Тем не менее, я ответил:

– В Белгород. До конца.

– Покажите.

Я протянул долговязому билет. Он пробежал его глазами. Ещё один парень с потёртой физиономией просунул позади него. Долговязый обернулся и, как показалось мне, слегка ему кивнул. «Он тут не один, что ли?» – мелькнуло у меня. Долговязый опять повернулся ко мне.

– Паспорт.

Я с недоумением протянул и паспорт: с чего вдруг полиция мной заинтересовалась? Но, может, теперь это обычная процедура: линейная полиция и раньше нередко проводила подобные проверки. А сегодня, может, у них какое-то чепэ случилось или назначен плановый обход...

Глаза долговязого забегали по моему паспорту.

– Вы один едете или с кем-то?

Тут я совсем растерялся. Со стороны – в купе я один. Может, правда, кто-то, кто был со мной, отлучился? Полицейский хочет выяснить точно. Но что мне сказать? Что я один? А если они уже

знают, что в этом же вагоне моя дочь? Фамилия-то одна! Да и в паспорт мой вписана. Выходит, я соврал. Зачем? С какой целью? Что ему ответить?

– Да ладно, мужик, расслабься, – неожиданно произнёс долговязый и осклабился, блеснув золотой фиксой. – Я же вижу, что один. А насчёт легавого, это я шутканул. Ну, глянь на меня сам: какой я, на хрен, мент? – снова ухмыльнулся он, сцепил между собой длинные, тонкие пальцы и хрустнул ими, прогнув кисти.

Я посмотрел на его руки. И, правда, на двух пальцах были наколоты перстни. Как я сразу их не разглядел? О чём думал?

Холодок пробежал по моей спине. «Маша!» – бомбой взорвалось в голове. А вдруг они узнали о Маше? Если долговязый из блатных, вряд ли по вагону он шастает один, наверняка с подельником или парой братков. Не удивлюсь, если и вокзальная полиция, и проводники ими подкормлены и с ними связаны. Один впустил его в вагон, другой не обратил на него внимания, хотя у того всё на физиономии написано. Теперь – зови не зови, только себе хуже сделаешь. И ладно бы я ехал один – на себя наплевать, но в вагоне дочка. Как её уберечь?

Я, как сомнамбула, поднял на него глаза. Бледное лицо моё, видно, даже циничного долговязого немножко испугало.

– Да ладно, мужик, чего так расстроился? – забормотал он без остановки. – Расслабься, ничего мы тебе не сделаем, не паникуй. Скажи лучше: у тебя бабки есть? Не пустой же едешь? Не всё в столице растратил? Вещей нет, сумок тоже не вижу. В гостях был, что ли? Или командировочный?

Я всё ещё находился в прострации, кивнул.

– Ну вот. Сколько у тебя?

– Что? – я никак не мог прийти в себя. Мне стало казаться, что я заговорён аферистом. Они хотят денег? Только и всего? Хотят денег? Я готов дать, лишь бы не тронули Машу, она ведь совсем девчонка: шестнадцати нет.

При мысли о том, что они могут сделать с дочкой, я совсем расклеился. Долговязый нёс какую-то чепуху, а я ничего даже не воспринимал на слух. Мне хотелось единственного: выглянуть в проход, посмотреть, на месте ли моя дочь, может, её там изводит такой же доброхот? Как ты там, Маша? Всё ли у тебя в порядке?

Невозможно было признаться себе, что в настоящую минуту я ничего не могу сделать, чтобы защитить дочь, не могу исполнить свой долг перед родным существом, человеком, которого люблю. Одно только сознание своей отцовской несостоятельности лишало сил. Не было мне за это прощения.

Страх за дочь настолько сильно овладел мной, что я сам, как заведённый, стал лепетать какую-то чепуху про то, какой я вообще хороший человек, какой толковый инженер-конструктор; стал рассказывать про наш экспериментальный завод, который разрабатывает перспективные энергосберегающие установки, что в будущем поможет людям не только экономить энергию, но и сохранять тепло; про замечательных специалистов, которые осуществляют все это, – чего только я не нёс скороговоркой, боясь, что долговязому станет неинтересно, он перестанет меня слушать и уловит главное – что здесь, в поезде, где-то поблизости, находится что-то такое или кто-то такой, от которого я своей белибердой пытаюсь его отвлечь.

Я пребывал как в зашоре, словно в туннеле, отсекающем меня от остального мира, в конце которого слабым ореолом виделась мне испуганная дочка. Я не хотел, чтобы мы приблизились к ней, только об этом и думал, и ничего, кроме этого бледного пятна перед собой, не видел. Но неожиданно стены туннеля разрушил посторонний голос:

– Мужик, эй, мужик, – донеслось откуда-то извне. – Ты меня слышишь? Я с кем говорю? – долговязый защёлкал пальцами перед моим лицом.

– Что? – я всё никак не мог вернуться в вагон.

– Я говорю: ты меня слышишь?

– Да, кажется, слышу.

Я вдруг обрёл сознание.

– Глади на меня. Видишь?

Я посмотрел прямо в глаза долговязого, но ничего, кроме пустоты, не увидел. Бывает же так – пустота в глазах. Не бездна – пустота... Я поразился, но долговязый повернул голову вбок и сплюнул на пол всю белиберду, которую я нёс, потом снова воткнулся в меня, почти пришедшего в себя, но ещё осоловелого от избытка переполнявших меня эмоций.

– Я говорю: покажи кошелек. Сколько у тебя с собой?

– Не много, – стал обретать я почву.

– Сколько? Покажи, не дрейфь, мы не жадные, много не возьмём. Да и возьмём только в долг. Веришь? В Туле вернем. До Тулы доедем, там наши с бабками будут, там и рассчитаемся. Договорились?

– Верни паспорт, – как из тумана сказал я. Из тумана, который рассеивается, – и билет.

– А-а, паспорт? Держи, – на удивление, не стал артачиться он. Это был его прокол, произвольная ошибка. (Ко мне наконец-то возвращалась способность думать.) За паспорт они, может, выудили бы больше денег.

– Сечёшь, мы не беспредельщики какие, понимаем... Чё там у тебя с бабками?

Я взял паспорт со вложенным в него билетом, сунул в боковой карман. Но всё же, ещё полностью не отошедший, вытащил из нагрудного кармана кошелек и пробормотал:

- Совсем немного.
- Немного – сколько?

Я стал перебирать купюры прямо в кошельке.

– Дай, я пересчитаю, – долговязый попытался вырвать у меня бумажник, но я дёрнул рукой, и три тысячные купюры вылетели на пол.

- Ты это чего, мужик? – набычился долговязый.

Удивительно, но именно этот эпизод окончательно вернул меня к действительности. Я словно протрезвел, очнулся, глянул в упор на долговязого и произнёс:

- Ты хотел в долг? Бери. Собирай, если надо, и вали отсюда подобру-поздорову!

Долговязого тоже словно подменили: то ли его подогнал тронувшийся поезд, то ли скорое появление проводника: он забормотал «ладно, ладно», сполз, будто стёк, как растаявшая смола, на пол, смёл все упавшие на пол банкноты, поднялся и освободил проход.

– Ладно тебе, мужик, не кипятись, я же сказал – «в долг», значит, в долг. Пацан сказал – пацан сделал. До Тулы доедем, там всё вернем, зуб даю.

В первое купе прошёл проводник, стал проверять билеты.

- Ну, будь, – засуетился долговязый.

- Вали уж! – проскрипел я.

Долговязый, как на пружинах, поскакал по проходу в конец вагона, и больше я его никогда не видел.

С проводником я договорился легко. После Тулы дочка перебралась ко мне, и мы спокойно добрались до дома. Но всю дорогу рядом с дочкой, мирно дремавшей на соседней полке, я думал и не мог понять, что же со мной случилось.

В Туле, само собой разумеется, никакие «пацаны» ко мне не подошли, деньги не вернули. Да и было бы удивительно, если бы вернули. Это был обыкновенный развод, лох попался на удочку мошенника. Обидно, что этим лохом оказался я, твёрдый, казалось бы, по сути человек. Но вот как всё обернулось. Никакой мистики или колдовства, простая психология, ловко расставленные сети, в которые угодил я и мог угодить любой, даже самый крепкий, самый жилистый.

Бывает же так: живёшь спокойной жизнью, в стабильном мире, и – бац! – какая-то зараза врывается в него со своей грязью, своим законом, вернее, беззаконием, и ты понимаешь, что совсем от неё не защищен; тебе не на кого надеяться: ни на закон, ни на его представителей, – потому что и для них ты ничего не значишь, так, пыль под ногами, которая только мешает им упиваться собственной жизнью и властью...

Кольнуло сердце. Я пытаюсь себя оправдать? Собственное унижение, слабость, отцовскую несостоятельность? Пытаюсь остаться, по крайней мере, для себя – чистым? Во что же я могу превратиться, будь обстоятельства ещё более критичными? Не мог даже думать об этом, не мог разочароваться в себе, считая себя иным. Но вот случилось же: размазали по стенке и делали с тобой, что хотели. Значит, могут. И делают. Мрази из тени. И ты один на один с ними, голый и беспомощный, отвратительный сам себе при мысли, что до такого состояния тебя может довести любой, кто почувствует над тобой власть. Тёмная сторона луны...

Михаил ГРИШИН

г. Тамбов

Михаил Анатольевич Гришин родился 2 ноября 1959 года в селе Саюкино Тамбовской области.

Автор более 10 книг прозы, изданных в Тамбове и Москве, совместных сборников, ряда публикаций в журналах «Тамбовский альманах», «Подъём», «Север», «Костёр», «Автопилот», «Наш современник», «Литературная газета» и др. Как сценарист участвовал в нескольких телевизионных проектах, автор сценария восьмисерийного телефильма «Облака, испачканные пылью».

Лауреат литературного конкурса Тамбовской области «Земля родная», лауреат II Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского, дипломант III Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, финалист литературного конкурса XIII Международного фестиваля «Мгинские мосты», финалист Третьего Всероссийского литературного конкурса «Золотое звено», учреждённого «Литературной газетой» при поддержке ОАО «РЖД», вошёл в лонг-лист VI Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман».

Член Союза писателей России, Товарищества детских и юношеских писателей России, Союза журналистов России.

За «техасами»

Рассказ

Будильник прозвенел ровно в три. Вставать не хотелось, тем более выходить в морозную глухую ночь. Я надышал в замёрзшем стекле крошечную дырочку, прикинув одним глазом, взглянул в сад. За окном моей спальни синела стлкая ночь с редкими крупными звёздами, темнели на сугробах серые тени от плетней. Всю ночь мела метель: сквозь дрему я слышал, как она протяжно завывала в печной трубе, злобно бросала горстями зернистого снега в окно, и заснеженная рябина настойчиво скреблась ледяными ягодами о заиндевевшее стекло, как будто просилась в домашний уют.

Накануне мы с другом Колькой договорились, несмотря ни на что, идти на железнодорожную станцию за «техасами». Так назывались чёрные джинсы с металлическими заклёпками, простроченные жёлтыми суровыми нитками, толстые и негнущиеся, как брезентовая роба. «Техасы» в то время были очень модным атрибутом для всех парней. Мы с Колькой учились в восьмом классе, и наша повседневная жизнь без них представлялась нам довольно скудной, обделённой смыслом, можно сказать, совсем никчёмной. Позавчера, когда мы были в клубе на танцах, кто-то из приезжих ребят со станции неосторожно проговорился, что в воскресенье к ним в универмаг должны завезти дефицитные «техасы». Услышав такую новость, мы с Колькой сразу поняли, что надо быть последними олухами, чтобы не воспользоваться столь ценной информацией.

Я наскоро похлебал чаю, надел валенки, овчинный полушубок, нахлобучил шапку-ушанку, варежки. Прихватив из сенцев лыжи, проворно вышел на улицу. Мои щёки мигом ожгло тридцатиградусным морозом, горячий пар изо рта, настывая, клубился у лица. Пушистые от инея деревья, звучно лопаясь, сухо трещали, темнели дома, хозяйственные постройки. Гнетущее голубое безмолвие висело над деревней, даже вездесущие собаки и те молчали, попрятавшись в свои конуры, свернувшись тугими клубками на душистом разнотравье.

По-хорошему, нам следовало бы сидеть на печке, а не отправляться в леденящий холод в дальнюю дорогу за восемнадцать километров. Только мы уже с Колькой как бы сами себе уже не принадлежали: все наши мысли всецело были поглощены новенькими хрустящими «техасами», заветная мечта о которых в скором времени должна была наконец-то осуществиться. Разве тут усидишь дома.

Пробиваясь на лыжах через островерхие сугробы, я медленно двинулся к Кольке, чья родительская усадьба находилась по соседству. Он как раз возле своего крыльца крепил старенькие лыжи на валенки. Одетый, как и я, в светлый полушубок и шапку-ушанку, Колька был похож на неповоротливого белого медвежонка. К тому же, мой друг шумно сопел и кряхтел.

– Завалимся сегодня в клуб на танцы, – сказал он, не разгибаясь, и я по голосу угадал, что счастливым Колька улыбаётся, очевидно, представляя себя уже в модных джинсах, – в техасах... расфуфыренные такие.

– Ага, – поддакнул я, вытирая варежкой под носом. – Все девчонки наши будут.

Колька, наконец, справился с тугими креплениями, и мы с воодушевлением направились по сугробам из деревни. Идти по колено в глубоком снегу было и без того трудно, а тут ещё рыхлый снег стал налипать на несмазанные лыжи и на ребристые резинки под подошвами валенок. От этого шаг всё время сбивался, а задники валенок съезжали с лыж. Кое-как доковыляв таким неудобным образом до околицы, мы решили лыжи до нашего возвращения временно оставить за плетнём крайнего дома. Там проживала древняя старуха Федулиха, которая на лыжах сроду ездить не умела, и можно было не опасаться, что она их присвоит, чтобы в одиночку по ночам кататься с горки.

Оставив с лёгким сердцем лыжи в чужом саду, мы отправились дальше пешком. Теперь необходимость поминутно задерживаться, счищать снег и отбивать остриём палки бугристую наледь на резинке отпала, но шагать от этого более ходко мы всё равно не стали. В чистом поле снегу намело столько, что нам уже было не по колено, как в деревне, а по пояс: нам приходилось едва ли не ползи, чтобы хоть как-то двигаться вперёд.

Часа через четыре наши мокрые брюки и варежки обледенели, кончики пальцев на руках замёрзли и больно пощипывали, а заиндевшее лицо на морозе покрылось стылой бордовой корочкой. Тогда мы стали через каждые полчаса натирать лицо и руки снегом, чтобы заставить охладевшую кровь бежать по жилам чуточку быстрее и тем самым разогревать наши продрогшие тела.

Только мы с этим худо-бедно научились справляться, как свалилась новая напасть: мы заметили несколько чёрных точек вдалеке, которые неумолимо приближались. А скоро уже можно было хорошо разглядеть покачивавшиеся вверх-вниз светящиеся зелёные огоньки. Это пластались в стремительном беге оголодавшие за зиму волки.

Мне почему-то сразу вспомнилась одна грустная история, и на душе стало до того тоскливо, хоть плачь: «К Колькиному деду Миките пришла моя бабушка Параня и пожаловалась ему на то, что, мол, наши ребята с улицы ушли в соседнее село драться. Как же быть?»

– Не писай, Паранька, – мудро рассудил Колькин дед, – один да уползёт».

В нашем же случае, – скорее всего, и косточек от нас никаких не останется, слопают злые хищники и не подавятся. Тогда мы с Колькой приняли решение: остальной путь до станции добираться хвойным лесом, который виднелся справа от нас угрюмой серой стеной на расстоянии километра полтора. Пускай и предстояло через лес идти дальше и дольше, зато держаться ближе к деревьям было как-то спокойнее: всегда можно разжечь костёр и дожидаться помощи – спички у нас имелись. А в случае уж совсем неминуемой опасности можно в любую минуту быстро забраться на дерево и отсидеться до лучших времён.

Мы повернули к лесу и побежали, отчаянно размахивая руками, оставляя за собой глубокие синие борозды. Сухой снег летел во все стороны, клубилась вокруг нас иглистая снежная пыль. И хоть скорость наша была не велика, согреться мы успели, что уже обнадёжило. А ещё, как деревенские жители, мы хорошо знали, что даже сильно оголодавшим волкам не так-то просто решиться напасть на здорового человека.

В лесу мы с Колькой первым делом выломали себе из сухостоя по толстому, увесистому суку. Взвалив их на плечи, мы сразу почувствовали себя увереннее. По всему видно, так же безбоязненно

вели себя среди дикой природы и первобытные охотники, вооружённые тяжёлыми дубинами, потому что Колька настолько расхрабрился, что вдруг прорезавшимся хриплым голосом грозно пообещал:

– Только пускай попробуют сунуться, как дам по башке, так и окочурятся враз.

На нашем месте я бы поостерегся столь безответственно заявлять такие провокационные вещи, чтобы не рассердить волков, которые к тому времени нас нагнали и теперь следовали за нами на почтительном расстоянии, скаля зубы и облизываясь. Настолько, должно быть, мы вкусно выглядели, как добыча — распаренные да розовощёкие.

Волки долго шли за нами по пятам, с каждым километром подбираясь всё ближе и ближе: то ли голод брал своё, то ли помаленьку наглели, видя, что справиться с ними нам с Колькой не под силу. Они всё больше проявляли агрессивность: глаза полыхали красным яростным пламенем, а со зверски оскаленных клыков разве что не стекала кровь.

Небольшая хищная стая из пяти особей сопровождала нас до первых домов станционного посёлка. Когда со стороны железнодорожных путей потянуло острым запахом золы, дыма и креозота, вожак стаи, который шёл впереди, низко согнув голову, глядя на нас налитыми кровавой злобой глазами, вдруг остановился, задрал голову вверх и протяжно завыл.

Вот тут мы с Колькой по-настоящему испугались, одновременно подумав о том, что он даёт знак своему тейпу к нападению. Может, на самом деле так оно всё и было, но в этот момент внезапно залаяли, почуяв пришедших волков, пристанционные собаки и какой-то бдительный житель посёлка выстрелил из охотничьего ружья дуплетом.

Плотный морозный воздух вздрогнул от грохота, тугая волна достигла леса, и с пушистых сосновых веток с лёгким шуршанием обильно посыпался снег.

Окатив нас ледяным взглядом, от которого у нас по спинам пробежал жгучий холод, вожак неохотно повернулся и лёгкой трусцой побежал в лес, всем своим видом показывая, что нам с Колькой несказанно повезло остаться в живых. Четыре других волка последовали за ним, поминутно оглядываясь и озлобленно щеря слюнявые пасти.

– Думал, уже каюк нам настал, – вымолвил слабым, дрожащим голосом Колька, провожая глазами удалявшихся волков и вдруг мгновенно преобразился, встрепенулся, как боевой конь при звуке походной трубы, заполошно крикнул: – Бежим, а то техасы разберут!

Мы переглянулись и так наддали ходу, что по дороге то и дело спотыкались и падали. Вывалившись с ног до головы в сугробах, став похожими на снеговиков, мы вскоре ворвались в универсам. В безлюдном зале находились лишь две пожилые продавщицы, которые сидели за прилавком и в тишине, обжигаясь, пили из алюминиевых кружек чай с баранками. За их спинами вдоль стены тянулись пустые стеллажи. При виде голых полок нас постигло такое неутешительное горе, что на глазах непроизвольно навернулись слёзы. Выходит, что все наши страдания были напрасны: и лёгкие обморожения, и испытанный ужас от мысли, что нас могли в любую минуту слопать волки, как самую обычную дичь.

– Т-тётеньки, – спросил я, стараясь от обиды не разреветься в голос, как последняя девчонка, – а что... техасы... все раскупили?

От неуместного вопроса женщины поперхнулись и принялись с любопытством нас разглядывать. Очевидно, у нас был настолько несчастный вид, что их это проняло до глубины души, и они поинтересовались:

– Из соседней деревни что ль?

Сил на то, чтобы ответить по-человечески после испытанного потрясения не осталось, и мы с Колькой одновременно кивнули. К нашей неопишуемой радости, продавщицы оказались, на удивление, добросердечными тётеньками. Сжалившись над нашими скорбными лицами, они торжественно принесли из кладовки пару дефицитных джинсов, которые предусмотрительно приберегли для себя на непредвиденный случай. Заметив, как загорелись у нас глаза от вида новеньких «техасов», женщины ещё больше расчувствовались и предложили попить с ними чайку с баранками. «Да и немного подсушиться не мешало бы», – сказали они, с жалостью глядя на наши мокрые одежды.

Но мы с жаром отказались и, рассыпаясь в благодарностях, вывалились за порог.

С заветными «техасами» за пазухой обратная дорога нам показалась не такой уж и тяжёлой. День после метели выдался тихим, но довольно морозным, с жёлтыми кругами вокруг мутного расплывчатого солнца. Правда, продрогли мы за дорогу основательно: мокрые одежды, оттаяв в магазине, вновь обледенели, покрывшиеся инеем лица к середине пути стали пугающе синеть, кое-где на коже выступили белые пятнышки, что однозначно говорило о лёгком обморожении. Пришлось в этот вечер свой визит в клуб на танцы временно отложить, а, похлебав горячих щей, отогреться, забравшись на печку, укутавшись с головой толстыми ватными одеялами.

Зато на следующий вечер мы с Колькой пофорсили вдоволь, не пропустив ни одного танца. А когда ансамбль заиграл «белый танец», который подразумевает, что дамы приглашают кавалеров, меня вдруг пригласила сама Ольга Маняхина, не сводя своих восторженных глаз с моих новеньких «техасов». После танцев она даже разрешила проводить её до дома. Высокая и стройная девушка считалась самой красивой в нашей деревне и от этого имела характер своенравный и привередливый. Думаю, что наши с Колькой мучения стоили того, чтобы она обратила на меня внимание и не посмела отказать в поцелуе.

Гузель РАХМАТУЛЛИНА

г. Уфа, Республика Башкортостан

Рахматуллина Гузель родилась, живёт и работает в Уфе. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Урал», «Южная звезда», «Без цензуры», участвовала в прозаических и поэтических сборниках издательства «Серебро слов» (г. Коломна), в коллективных сборниках «Открытый космос», «Маяк», «Дневник сердца», «Перископ 2022», «Мастера поэзии и прозы». Автор книги прозы «Ген стрекозы» (г. Коломна, 2016). С 2016 года является членом общероссийской общественной организации «Российский союз писателей».

Рассказы

Верный

Слава Агафонов, возвращаясь из школы, остановился у старой запруды. На перемене он, вырвав из тетрадки по математике листок, сделал кораблик. Сейчас наступило время, чтобы испытать бумажное судёнышко в бурных речных волнах. Бросив портфель на берегу, мальчик спустился к мутной реке, разлившейся в половодье. Он бережно опустил на воду кораблик и оттолкнул от берега. Бумажный кораблик быстро поплыл по течению. Ребёнок, стараясь удержать кораблик в поле зрения, бежал вдоль берега.

Внезапно Слава услышал жалобное взвизгивание, а потом увидел, что на маленьком островке, окружённом со всех сторон бурлящей весенней водой, сидит мокрый продрогший щенок. Увидев мальчика, щенок заметался по островку, но прыгнуть в воду не решился. Словно понимая, что Слава – его единственное спасение, громко заскулил.

Мальчик забыл о своём кораблике, заметался по берегу, не зная, как спасти бедолагу. Наконец, он увидел, что к речке спускается мужчина в высоких болотных сапогах, со снастью и резиновой лодкой.

– Дяденька, помогите, пожалуйста!

– Что случилось?

– Там Верный, он утонет.

Мужчина сел в лодку, и через несколько минут вручил счастливому Славику грязного, мокрого щенка.

– Держи своё чудо!

– Ой, спасибо.

Придя домой, собачий спасатель вытер насухо полотенцем трясущегося питомца, поставил возле него большую тарелку с молоком. Щенок проголодался и мгновенно умял молоко, а вдогонку ещё и сосиску с кусочком сыра, предусмотрительно придвинутых к нему новым хозяином. После обеда, благодарно вильнув хвостиком, мгновенно уснул.

Вечером родители долго осматривали ушастое чудо.

– Не уговаривайте, а вдруг он заразный! Нет, нет, нет, мы не можем оставить собаку, – категорично запрещала мама.

Но неожиданно за сына вступился отец.

– Вера, обещаю, завтра мы со Славкой сходим со щенком к ветеринару, сделаем прививки. Ну, ты посмотри, какой он красавец. Теперь Славику с такой охраной можно будет гулять вечерами самостоятельно.

После долгих уговоров и твёрдого мужского обещания исправить оценки по математике мама сдалась. Всё это время щенок, словно понимая, что решается его судьба, тревожно поглядывал на неё, а потом вдруг подошёл и лизнул руку.

– Вот подлиза! – окончательно капитулировала мама, погладив лохматую голову.

– Как назовёшь?

– Верный!

– Хорошая кличка, основательная, – одобрил папа.

Шло время. Из лохматого наивного щенка, Верный превратился в большого, красивого пса, с огромными лапами и умными, внимательными глазами. Утром он провожал Славу в школу, а вечером они вместе играли и веселились. Особенно Верному нравилось, когда мальчик фотографировал его своим новеньким, подаренным папой на день рождения фотоаппаратом.

Вячеслав Агафонов окончил школу и поступил в институт. Теперь ему приходилось уезжать на автобусе в город и возвращаться последним рейсом. Каждый вечер его на остановке ждал Верный. Только сегодня пса не было. Удивлённый отсутствием друга, Слава пошёл домой.

В доме Агафоновых меняли газовое отопление. Рабочие попросили привязать собаку. Вера Степановна, зная о том, что пёс за всю свою жизнь никогда не сидел на цепи, закрыла его в летний домик. Целый день Верный лаял, пытаясь выбраться наружу, но хозяйка была неумолима.

Проводив рабочих, Вера Степановна стала убираться на кухне. Темнело. Слава ещё не вернулся. Обеспокоенная женщина вышла во двор и вспомнила о Верном.

Пёс стрелой вылетел из своего заточения и рванул по улице в сторону остановки. Его преданное сердце чувствовало беду.

Сойдя с автобуса, Вячеслав пошёл по тенистому парку, сокращая путь к дому. В одной из глухих осенних аллей к нему подошли трое мужчин и стали требовать закурить. Услышав, что юноша не курит, один из них с размаху ударил Славу по носу. Потом подключились остальные. Сбив парня с ног, озлобленная троица пинала его ногами. В это мгновение на одного из них бросился огромный пёс. Славу отпустили и переключились на Верного. Хватка у собаки была мёртвой. Один из нападавших нашёл тяжёлый камень, а второй вытащил из кармана куртки нож. Силы были неравны,

вскоре, бросив умирать израненного пса и его хозяина, отморозки растворились в глубине заброшенного парка.

Слава был без сознания. Истекая кровью, Верный пытался тянуть его за одежду, но сил не хватало. Тогда пёс с трудом доковылял к дому и, схватив Веру Степановну за полу халата, потащил в сторону дороги.

– Витя, посмотри, Верный весь в крови, и Славы нет.

Виктор Николаевич оделся и побежал за собакой. Следом, причитая, шла Вера Степановна.

«Скорая помощь» увезла Славу в больницу, с ним поехала мать. Пёс уже не шевелился.

Виктор Николаевич на руках отнёс его в ветлечебницу, но спасти друга не удалось.

Он похоронил верного пса рядом с домом, с болью в сердце, думая о том, что, если бы не собака, мог потерять единственного сына.

Славе сделали операцию. Он долго не приходил в себя. Только утром открыл глаза и, увидев постаревшие за ночь лица родителей, спросил:

– Где Верный?

– Он тебя спас, сынок, а сам не смог выжить...

Слава больше на заводил собак. Частенько брал с полки альбом с фотографиями и подолгу разглядывал их. Он любил снимать Верного и фотографироваться вместе с ним. Юноша никому не говорил о том, что пёс частенько ему снится...

В пятницу Вячеслав Викторович Агафонов закончил свою работу и решил навестить родителей, показать им своё недавнее приобретение. У входа в офис его поджидала новенькая спортивная машина. Купив по дороге гостинцы, включил музыку. Вечерело, на землю ложился лёгкий туман, когда он свернул с трассы на просёлочную горную дорогу.

Внезапно, инстинктивно повинувшись какому-то необъяснимому чувству, Вячеслав резко нажал на тормоза. Он явно увидел, как из тумана на дорогу выбежал Верный и сел на его пути. Пёс смотрел на него, склонив лохматую голову, вилял хвостом.

Не веря своим глазам, мужчина вышел из машины. Видение рассеялось. Собака ему, безусловно, привиделась. Желая встряхнуться от внезапно нахлынувшего волнения, Вячеслав пошёл вперёд и увидел, что в нескольких метрах от того места, где сидел Верный, начинался обрыв. Две недели назад там была ровная дорога.

– Ты снова меня спас, друг, – прошептал Слава, стоя на краю обрыва и вглядываясь в далёкое белое облако, растворяющееся на его глазах в серых клочьях тумана.

Дорога к небесам

Григорий мучился третий день. Лежал, глядя в белый потолок, и молил забрать его к себе. Бог не слышал или делал вид, что не слышит. А может, грехи земные не отпускают душу. Разве не искупил ещё все? Ведь пятый год лежит парализованный, кормят из ложки, видит только этот белый потолок, от которого можно сойти с ума. Хватит, Господи, прожил долго, позавчера исполнилось восемьдесят три, пора... Сколько ещё отмерено мучиться?

В изнеможении Григорий закрыл глаза. Белый потолок сменился чёрной пеленой. Задеревеневшее тело не слушалось, а мозг безжалостно работал, заставляя вспоминать прошлое. Память, которую он так старательно отгонял от себя все последние годы, словно калейдоскоп, безжалостно слагалась в картины прошлого.

Дети были ещё маленькие, когда умерла жена. Младшему Фёдору исполнилось шесть лет, старший сын женился. Дочери Лена и Зоя – подростки. Жена оставила его в самом расцвете сил. До сих пор помнит её полный укоризны взгляд перед смертью. Было в чём укорять. Гулял безжалостно. После войны в деревню мужиков вернулось мало. Мария и так болела, а тут ещё сердобольная соседка рассказала, что у красавицы-вдовы Симы родился сын. Он так и не признался жене, что имел ребёнка на стороне. Хотя, чего уж там, мальчишка похож на него как две капли воды. И если бы Сима была единственной! А ведь родила, надеялась, что он уйдёт из семьи.

А вот через год после смерти Машеньки. Пляшет на вечеринке. Где дети, что с ними? Он не думает об этом. Вино, женщины – всё доступно. Утром голова гудит с похмелья. Просыпается от страшной жажды... Господи, кто спит рядом с ним? Имени-то её не помнит. Зачем привёл? Дома дети. Ничего, пусть привыкают, он не должен отчитываться перед ними. Ладно, пора на работу.

Вечером пришёл с работы и замер. Дома убрано, ужин на столе. Дети довольные, и она ждёт. Вспомнить бы её имя... Валя... Да, кажется, Валя.

Григорий пытается заставить себя заснуть. На мгновение сознание погружается в мягкую темноту, но ненадолго. Он снова видит себя, как наваждение. Опять гуляет, ещё молодой, видный. Самогонка, бабы. Эх, хорошо! Всё-таки испытал удовольствие, хоть и трудно жилось.

Валя уходит, а Федя с Зоей бегут за ней и уговаривают вернуться домой. Детям нужны забота и ласка. Нашла к ним подход. Пусть остаётся, посмотрим. А пока хотя бы дети будут накормлены.

Что за стук? А, дверь хлопнула. Сын принёс еду. Давеча пришёл в подпитии. Думал, что он не слышит. Всё рассказал. Не может его простить, что отправил жить к старшему брату Никите. Недоедал, недосыпал. Сиротская доля незавидная. Невестке, жене Никиты, Федька не нужен, сама ещё молодая, двое детей. А жадная, не приведи Господь, держала Федю впроголодь. А ведь он помогал чем мог. Надо же, сколько лет прошло, а сын не забыл, всё рассказал, всё припомнил. Как скитался по чужим углам, что обижали, куском попрекали, прятали еду в сундук под замок. Сколько лет молчал, а

тут как прорвало. Да... Фёдор не в него, молчаливый и терпеливый, в мать. Мария такая же была, всё бочком и молчком. Интересно, а сын от Сима, какой он? После родов Сима из деревни уехала.

И снова видит Григорий, как замедленные кадры чёрно-белого кино, августовский вечер. Приехал Николай, их с Симой сын. Взрослый уже. Узнал про него и решил с отцом познакомиться. Постучал в дверь, открыла жена. Узнав, кто пришёл, он к сыну не вышел. Не нужен ему был тогда внебрачный сын. А ведь парень ждал, долго сидел на крыльце, потом встал и ушёл. Больше он его и не видел, не хотел видеть...

Снова кто-то идёт. Сноха поставила чашку с чаем. И перед ней есть в чём повиниться. Если б не выгнал её тогда, беременную, полоть огурцы, не потеряла бы ребёнка. Кто же думал, что её ужалит пчела и роды начнутся преждевременно, а пока до города довели... внучка семимесячной родилась и через неделю умерла. Детей потом пять лет не было. А как смогла родить, надышаться не могла на дочку. Вон, какая красавица вымахала, школу с медалью, университет. Да, есть кем гордиться. Стоп! Он ведь проклял внучку!

Фёдор привёз их к себе. Младший сын должен заботиться. Григорий помогал ему когда-то дом построить, денег подбрасывал. Внучка приехала с учёбы, пришла с дискотеки. Молодая, глупая. Села пить чай. Дом маленький, слышно всё. Он вышел и накинулся на неё. Сказал, что никакого покоя от неё, по ночам бродит. А девчонка-то раз в две недели домой приезжает! И так никуда не ходит, учится. Неиспорченная, и парня, наверно, нет до сих пор. И чего он завёлся на ребёнка?! Поругались. Дерзкая, возразила. А он-то о чём думал, старый пень! Нет, показал характер. Купил себе дом и демонстративно ушёл, а перед тем как уйти, сел на порог и с молитвой проклял внучку, родную кровь. Вот и не складывается у неё ничего, двадцать пять уже. А замуж выйти не может. Всё одна и одна. Да и ему счастья не прибавилось. Как ушёл от сына, у жены гангрена началась, ногу отрезали. После операции через месяц померла. А самого через год парализовало. Лежит теперь. Детей мучает. Господи, ты хоть бы детей пожалел!

Измаявшись, Григорий засыпает. Темнота сменяется белым, ослепительным светом. Он знает, что нужно идти навстречу свету... Как хорошо, легко! Спасибо тебе, Господи, услышал. Я иду!

Рустам МАВЛИХАНОВ

г. Салават, Республика Башкортостан

Родился 15 июля 1978 года в Салавате. Публиковался в журналах и альманахах: «Нева», «Крещатик», «Журнал ПОэтов», ««Невский проспект», «Традиции&авангард», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Изыщная словесность», «Метаморфозы», «Бельские просторы», «Истоки», «Балтика», «Идель», «Сура», «Воскресенье», «Полночь в Петербурге», «ЛиФФт», «Северо-Муйские огни».

По лестнице, ведущей вниз

Аллегория (из цикла «лили марлен»)

Отчаяния нет. Есть злой смех – и смирение. И теперь, когда на и без того сумеречное будущее ложатся тени ядерных облаков, хорошо понимаешь и воссоединяешь в себе и Адриана, каким его видела Юрсенар, и наёмника из «Зимней войны в Тибете», и немцев, и египтян.

Ведь всё, ради чего человек живёт до конца, чтобы его внуки прошептали ветру имя его.

Чтоб не прервалась нить имён, потому что мертвец без имени – ничто. Потому что имя – это первая и последняя из душ человеческих.

И чтобы имя мирно истлело в памяти потомков, не оказавшись вырубленным мечом и огнём.

Конечно, душно – и до смерти хочется жить, но что уж теперь поделать.

Вот и Адриан говорит: «Будущее мира больше не тревожит меня; я уже не высчитываю в страхе, как долго простоит на земле Империя, – я полагаюсь на волю богов. Не то чтобы у меня появилось больше доверия к их справедливости, у которой нет ничего общего с нашей, или больше веры в разумность людей; скорее наоборот».

Наёмник с ним не спорит (не зря же я диванный миротворец) – он вторит: «Человек – самое храброе и привычное к мучениям животное, он не отвергает страдание как таковое, он жаждет его, ищет его при условии, что ему укажут смысл страдания... Господин мира – я. В ослепительно ярком свете вижу я себя в своём кресле-каталке, выбирающимся из галереи в пещеру; и из галереи напротив себе навстречу качу я сам, у нас у обоих по два автомата, приделанных к протезам, выцарапывать на стенах больше нечего, мы направляем все четыре автомата друг в друга и одновременно стреляем».

Мы похожи на человека, что спускается впотьмах по пыльной лестнице с разбитыми ступенями, усеянной высохшими мышинными шкурками. Развернуться бы и вверх – но уже слишком много пройдено. Уже не хватит сил. А потому осторожно, стараясь не думать о ноющих от ревматизма коленях, о спине, сгибающейся от усталости и напряжения, судорожно цепляясь за истлевшие перила (в трещины рук вьелась грязь), человечество нащупывает следующую ступень, надеясь на ней перевести дух... но ступени крошатся, и лестница диктует: вниз, вниз, вниз. И, похоже, мы увидели выход, дверь, за которой – рукотворный, испепеляющий свет, который хуже первозданной тьмы.

И вроде никто не хочет туда, в этот свет, но у событий, порождённых людьми, своя логика, неподвластная этим самым людям, – и может, лишь Бог ещё хранит нас от самих себя.

А потому и мы постараемся войти в неизбежное с открытыми глазами.

Мария ШУРЫГИНА

г. Красноярск

Шурыгина Мария Анатольевна. Родилась в Красноярске. Окончила факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева. В настоящее время занята в сфере строительства. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Наш современник», «День и Ночь», «Новый Свет» (Канада), «Северо-Муйские огни» (2019), альманахе «Енисей».

Мечты и Началы

Эссе

«Не люблю людей без мечты. Скучно», – так говорил один мой перестроечный приятель и смотрел на меня пронзительно и пристально, со значением. Я пряталась носом в кружку с чаем и делала вид, что у меня-то с мечтой все о'кей. Потому что мечты никакой конкретной в то время я ещё не нажила – так, желания смутные, едва определимые. А это стыдно. Нет, и конкретные были, конечно, но то желания – не мечты. А Макс сидел весь такой, головой в небесах, взглядом в лохматых тучах – царь и бог своих хотений. И фраза его про людей без мечты врезалась в мою впечатлительную тогда память, до сих пор так и торчит вопросительно.

Прошло время. И оказалось, что мечтал мой приятель, видимо, о чём-то не о том. Волшебный город на Неве сожрал его, затянув в наркотический бред вместе с мечтами, поисками мужчин, отрицанием женщин и вечным метанием между. Жаль, я бы хотела, чтобы он это прочёл. Макс, как всегда, весело объявил бы, что я «стыдно бездарная», получил бы по носу, и мы легко помирились бы в кафетерии магазина «Бурёнка» за чашкой кофейного суррогата. «Бы» – частица, отделившая сослагательное наклонение от мечты.

Значит, мечтать можно правильно и неправильно. И мне часто кажется, что мечтаю я не туда, не вовремя и слишком отвлечённо. Словом, поперёк всему прогрессивно мечтающему человечеству.

С желаниями всё понятно: выйти замуж или удачно жениться, найти работу, «чтоб все обзавидовались», купить чего-нибудь последней модели, переехать в отдельную квартиру, «посадить-построить-вырастить». С сослагательным наклонением тоже ясно: это как бы мечты, но переработанные и выплунутые прошлым, – ничего не изменишь. «Если бы ты тогда сделал... то жил бы с видом на Гудзон». Мечта сослагает с себя полномочия и переходит в разряд сожалений. Это как романтическая невеста после свадьбы сбрасывает невесомую вуаль и вместо флёрдоранжа вплетает в волосы бигуди. Не до мечт – борщ выкипает. Но остаётся наклонение – наклон в сторону, вектор. И этот-то вектор и есть, наверное, мечта.

Может быть, этот вектор не даёт надеть непоправимых ошибок. Это он болит внутри, если отклоняешься от курса. Перелётных птиц, говорят, направляет внутренний компас. У человека, видимо, он тоже есть – те самые мечты. И не важно, осознаёшь ли ты свою мечту или она тебя просто ведёт, а иногда тащит, как на аркане, по жизни. Только страшно не узнать её при встрече, разминуться в потёмках жизненных обстоятельств.

А происходит это довольно часто. Всё потому, что относимся к мечте несерьёзно. Мы все уже очень взрослые, а мечтания – это для юношей; и, не дай Бог, кто заподозрит нас, взрослых и обстоятельных, в таком легкомысленном занятии.

Но, думая так, всегда вспоминаю вечера на берегу Океана в одной далёкой стране. Когда усталое солнце начинает длить тени, на городскую площадь, правую щёку которой лижет прибой, съезжаются люди. Из их рук в небо взмывают стаи воздушных змеев: больших и малых, сложно сконструированных и совсем простых, цветных и выразительно графичных. Молодые и старые, клерки и разнорабочие стоят, задрав головы в зенит, привязанные к небу тонкой ниткой мечты. Иногда мечта показывает норы: рвётся на ветру, бьётся над Океаном – и тогда нитка в кровь режет ладони, оставляя белые шрамы на загорелых руках, словно меняя линии жизни и прокладывая новые. Через несколько минут зажужжат катушки, змеи кинутся к своим хозяевам, будут упакованы и уедут, прикрепленные к багажнику мопеда, – вечные спутники, компактное воплощение мечты. Но сейчас на лицах этих разных людей замерло одно и то же странное, почти молитвенное выражение полной погружённости в себя... и в небо. И в какой-то миг перестаёшь замечать, в чьих руках зажата нитка, где ты находишься... видишь только облака, которым тесно меж цветных пятен.

И завидно: какая роскошь – каждый вечер любоваться своей мечтой, вспоминать себя таким, какой ты есть и каким должен быть! И грустно – ведь в твоих руках не бьётся чуткая нитка, ты не связан с этим небом. Твоя мечта сиротинкой плачет где-то глубоко внутри, и ты выпускаешь её изредка, по ночам, когда никто не видит и не может ранить насмешливым словом: «Знаешь ли, милая, жизнь неизбежна, хватит мечтать, знаешь, хватит мечтать...».

Неправильно это. Ведь как только в голове поселилась мечта, то сразу под ноги твои с шорохом и лёгким треском – как птица взлетела, фррр! – разворачивается кому тропинка, кому дорога. Рождение мечты – точка начала. Начала пути, начала тебя нового. Тем и хороши мечты – они дают это ощущение в любом возрасте. А когда это чувство вдруг куда-то исчезает и впереди будто нет ничего – это как жить с выдернутым позвончиком, почти невозможно.

Когда тебе «хорошо за» или «почти уже», пора, наверное, остепениться. Хорошее такое слово: остепениться – это как возвести себя в степень. Вот сейчас-то я мелкая и несолидная, а в степени сразу стану авторитетная и значительная. Надо учиться размеренно мечтать о том, как чудесно буду жить на пенсии: загородный дом, розарий, неспешное чтение под сенью плодово-ягодных культур, а не эту всякую ерунду, что я обычно себе придумываю. Но на столе урчит телефон: «Мы тут на спор на велосипедах решили до Дивногорска рвануть. Ты с нами?». Гм... возведение себя в степень опять откладывается.

И надо подкачать шины: на дорогах Мечты не бывает асфальта.

Ева ЗОРИНА

г. Будапешт, Венгрия

Зобнина Евгения Дмитриевна. Родилась в 1993 году в Приморском крае. Окончила факультет иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в г. Санкт-Петербурге. Училась на литературных курсах Марины Степновой, Майи Кучерской, Екатерины Оаро.

Возвращение в Итаку

Рассказ

В начале был суп.

Сытный суп, пряный суп, вкусный суп. Совершенный суп, суп всех супов – мамин. Суп со вкусом улыбки. С запахом безмятежности. С жирными пузырьками на поверхности, сверкающими, как само счастье. Архисуп, прасуп, основополагающий суп. Всё в нём прекрасно и гармонично: шарики тефтелей, треугольнички моркови и кубики картофеля кружат в золотом бульоне, заправленном хмели-сунели. Это – первобульон нашей семьи.

Именно с него всё началось. Он был всегда: до первого сентября, до пластилиновых поделок, прописей с помарками и классиков на асфальте. До жвачки по рублю и мороженого в вафельном стаканчике – ванильного, с шоколадной крошкой. До того, как розовый вечер сменялся синим и соседские дети уходили со двора. Суп был в начале начал, до первого слова, до моего рождения, до того, как мама впервые меня почувствовала. До того, как встретила моего отца.

Суп как основа мироздания. Красная строка. Ключ на нотном стане жизни. Константа в созвездии переменных.

Моё первое ясное воспоминание: дверной звонок заливается соловьиной трелью. Я бегу в коридор. Старый замок на засове – тяжёлом, скрипучем, давно его не смазывали – приходится отворачивать двумя руками. За порогом бабушка с дедушкой, а рядом холщовый мешок ему по пояс – картошка. Деда хватает меня на руки, отрывает от земли – его куртка пахнет сырым погребом. А бабушкины поцелуи – пудрой и красной помадой. Мамин голос с кухни в поисках папы: «Эдик, родители твои пришли! В магазин за фаршем, срочно!».

И тут начинается. Начинается общее. Супа не было без семьи, семьи не было без супа. У каждого своя партия, своя роль, свой ингредиент. Бабушка вырастила морковь. Дедушка привёз в багажнике картошку. Папа взял список и пошёл в магазин с двумя чёрными пакетами в кармане. Мама поставила воду. Я учусь чистить картошку, хотя нож меня не любит и пальцы вечно не слушаются. Даже Реки, наш остроухий доberman, и та косится на меня с ухмылкой. А сама караулит миску со взглядом, какой бывает только у голодной собаки – знает, что перепадёт.

Но главная во всём этом оркестре, конечно, мама: она дирижирует ножом и поварёшкой, и разноцветные кусочки сами прыгают в бульон. Над кипящей водой радостно барабанит крышка. Я поглядываю на доску: слежу, чтобы мама не вздумала добавить лук. Она и так не добавляла – знала, что меня не проведёшь, и встретить я в супе хоть одну мерзкую, скользкую медузу, он тотчас разольётся между нами океаном обманутого доверия.

И вот, время к двум, мама склоняется над кипящим бульоном. Волосы у её глаз завиваются от пара и блестят на солнце – золотым, оранжевым, красным. Всё замирает: пылинки в воздухе, валик тополиного пуха на жестяном подоконнике, беспокойная собака, секунду назад маявшаяся у миски. Безмолвное, тягучее мгновение, когда слышно только мерное тиканье часов. Мама набирает дыхание, дует, подгоняя лужицу к самому берегу ложки. Осторожно снимает пробу. Медленно кивает. На весь дом раздаётся звонкое «Готово!».

Всё снова приходит в движение – вращающиеся пылинки, тополиный пух, обрезанный хвост Реки – мимо плывут ложки и тарелки, солонка и салфетки, кухня сменяется гостиной. Длинный стол заправлен хрустящей скатертью, а на ней – подставки из деревянных бусин. У меня самая большая ложка: моя любимая, идеально круглая и глубже других. Помню первую похвалу, первую победу, лучики у маминых глаз: на дне пустой тарелки солнечный блик. «Добавки?» – спрашивает она. И я, надутый, как резиновый шар, с блестящими от жира губами, вытираюсь рукавом, икаю и верчу головой: «Не влезет». Обед подходит к концу.

Мама с папой даже познакомились за порцией супа в строительной столовой. Местные щи были настолько скверными («как тюремная баланда, даже костей для жиру не бросали», – так они говорили), что мама пригласила папу на правильный суп, который она варила по воскресеньям. А он пообещал привезти продуктов. Так у них появилась первая общая цель.

Узнав, что сын повстречал женщину, которая могла как следует его накормить, бабушка дала благословение. «Не то что все эти артистки, феминистки, эгоистки, и ещё чёрт-те какие истки», – сказала она. Да и дед, зная толк в домашнем обеде, сразу согласился. И не прогадал: помню, как-то раз после тарелки маминого супа он танцевал – подпрыгивал и крутился на новеньком протезе, как циркуль. Вы когда-нибудь видели, чтобы полуглухой старик, всю жизнь бывший кузнецом на заводе и потерявший ногу, танцевал? А мой дед танцевал, а Реки, резвясь, хватала зубами его штанину и подскакивала на задних лапах, будто тоже танцует, а бабушка смеялась так, точно ей было двадцать.

Оттого я так любил этот суп. За ним царил мир, забывали обиды, говорили только о добром. Так было долгие годы.

И лишь однажды за столом всё-таки поссорились. Папа сказал, что не голоден – и отказался обедать. Мама разозлилась и выпалила, что он ест в другом доме.

Но я знал: стоит доест суп, и всё наладится, уж такова была его сила – как у приметы или заговора. Родители молчали, а я черпал бульон, стуча любимой ложкой, которая едва влезала мне в рот, и черпал, черпал, как черпают воду из шлюпки, пока ведро не ударится о дно. И мои щёки горели от перца и кориандра, и глаза слезились; а я всё хлебал и хлюпал, хлебал и хлюпал – пока не заболел живот, и всё равно попросил добавки.

Но в тот день магия супа впервые рассеялась. Мама с папой не помирились.

Неделю спустя, когда бабушка с дедушкой по обыкновению приехали на обед, за столом молчали.

А потом папа ушёл. Бабушка выругалась, что к какой-то артистке. Позже выяснилось, что у них тоже был сын.

Вскоре наш дом опустел – остались только я, мама и Реки. Помню, я стоял в коридоре, глядя на дверь снизу-вверх, и ждал, что соловей запоёт снова. На кухне гремели кастрюли, мерно стучал по деревянной доске нож. Но в какой-то момент настала тишина. Мама закрылась в комнате, оставив кипящую кастрюлю. Я вошёл в кухню, выключил плиту; синее пламя удивлённо свистнуло. Вулканчики на поверхности воды разгладились. Реки поглядела на пустую миску, дёрнула обрезком гладкого хвоста. Заскулила. Поплелась к маминной комнате, стуча когтями, и легла, уткнувшись носом в зазор между дверью и паркетом, пытаясь уловить что-нибудь в тянувшем по полу сквозняке. Я сел рядом, припал ухом к двери. Из спальни не доносилось ни звука. Тогда я тихо повернул ручку, приоткрыл дверь и увидел: мама застыла на краю кровати, глядя в пустую тарелку.

Она не выходила из комнаты три дня.

На четвёртый её забрали. Забрали в пасхальное воскресенье, волоча за локти, обмякшую, обмаравшуюся, растрёпанную. Реки и рычала, и лаяла, и выла, будто не знала, как лучше. А мама так и молчала, вцепившись в пустую тарелку. В конце концов, у неё отобрали и её.

А потом – дымка, муть, илистое дно. Помню, как я переехал к бабушке и как иногда мы навещали маму. Но со временем её след стал путаться – то перевод из лечебницы в лечебницу, то реформирование, то по направлению к другому врачу, пока не увезли за четыреста километров от города. И однажды нить из красного клубка, который катился вдаль за моей мамой, оборвалась. Больше мы к ней не ездили. Старики сдались.

Я мучил их вопросами, и они пытались эту историю оправдать, пригладить, местами подправить, и так получилась летопись – много раз пересказанная, местами путанная, некоторые страницы смялись, другие раскрошились или вовсе выпали. Я так и не узнал, где оказалась мама и где именно теперь жил отец. Во всём этом сбивчивом рассказе суп остался единственной истиной – ослепительной, достоверной, с запахом и вкусом. Блестящее стёклышко в жестяной коробке пыли.

И вот, пятнадцать лет спустя, я снова вижу её перед собой: маму. Слишком рано старенькую, в очках. Ручки высохшие и свёрнутые, как птичьи лапки, и жест, кольнувший мою память, – как она складывает одну в другую, поджав под грудью, совсем как раньше.

– Суп уже готов.

И я вздрагиваю: её голос тот же.

Сажусь на скрипящий стул, впервые ногами достаю до пола и понимаю: бабушки с дедушкой больше нет. Реки тоже. У отца другая семья, и, может, они тоже варят суп. И всё же я беру ложку, как весло, и надеюсь переплыть Ионическое море маминого супа, и вернуться домой, в Итаку – и снова оказаться в том дне, когда дедушка танцует, собака заливается лаем и звучит бабушкин смех.

Но мама берёт поварёшку и черпает из кастрюли воздух. Ставит передо мной тарелку.

Лучики у её пожелтевших, больных глаз.

– Папа сказал вкусно.

И я киваю. Беру ложку, размешиваю пустоту. И мне мерещатся острые уши Реки за обрывом стола, стук часов, зависшие в воздухе пылинки.

Илья ЧЕШОКОВ

г. Белгород

Родился в г. Чимкент (Казахстан). Участник команды КВН института, а позже и сборной КВН города. В 2000 году с семьёй переехал в Белгород. Печатался в газетах «Наш Белгород», «Белгородские известия» и «Белгородская правда», журналах «Дрон», «Звонница», коллективных сборниках «Серебряный браслет», «Грани самоцветов», а также в столичной периодике. Работает преподавателем в Белгородском педагогическом колледже.

Картошка в сметане

Рассказ

На юге Казахстана в конце лета особенно жарко. И жители Шымкента хорошо знают эти безжалостные знойные дни и душные ночи. Я до сих пор помню, как от жары асфальт под ногами становился мягким. Обернувшись, видел отпечатки обуви. Желание пить сопровождало тебя с утра и до вечера. Трава полностью выгорала, превращаясь в буро-коричневый ковёр. На бескрайних просторах казахстанской степи это походило на марсианский пейзаж. Лишь в центре города поливальные машины возвращали к жизни деревья, цветы и зазевавшихся прохожих. Днём люди старались меньше выходить из дома. И лишь к вечеру оживлялись дворы и парки. Горожане стайками устраивали у фонтанов семейный отдых.

А на Верхнем рынке люди были в любую погоду с утра и до закрытия массивных дубовых ворот, обитых железными полосами. Базарные сторожа выгоняли запоздалых покупателей и бездомных, для которых рынок был единственным местом пропитания и отдыха.

Рынки южного Казахстана – это места особенные. Сказать, что люди здесь занимались только лишь продажей и покупкой товаров, нельзя. Пройти через рынок и не купить чего-нибудь было просто невозможно. Здесь стирались грани национальности и возрастов, религий и социального положения. Здесь командовали ароматы, яркие расцветки товаров и улыбки торговцев.

В воскресные дни народ за покупками валил валом. Маршрутные такси с раннего утра вышвыривали всё новых и новых покупателей к центральным воротам рынка и тут же, чуть поодаль, заглатывали в себя десятки счастливых обладателей набитых баулов, коробок или джутовых мешков. Как и на торговых рядах, здесь подрабатывали зазывалами крепкого телосложения мужчины. Их задачей было как можно быстрее и плотнее набить в маршрутку пассажиров, вталкивая их сильными руками внутрь салона. Раскрасневшись и вытирев с лица пот чем попало, они орали что есть мочи: «Заходим быстрее! Маршрутка отправляется! Следующая не скоро!».

Вдавлив людей и защёлкнув дверцу машины, они подходили к водителю, чтобы получить свою мзду. Отпив пару глотков кумыса и прожевав кусок лепёшки, мужчины начинали спорить с конкурентами, оживлённо размахивая руками, за право подрабатывать на этих зланных местах. Безработица уже уверенно ухватила за горло народ. Не только в городе, но и во всей области начались веерные отключения электричества и газа. Постепенно это становилось нормой. Дошло до того, что по утрам и вечерам свет давали только на два часа.

Немного ранее до этих событий в районе частного сектора, вдоль проспекта Коммунистический, газ был отключён полностью. И через несколько дней люди не выдержали. Через заборы и калитки в вечернее время они начали забрасывать проезжающие по проспекту мимо них иномарки. Бросали всё что было возможно: палки, камни, железяки. На проспекте тут же образовались пробки. Водители выбегали из машин, начинали орать, ругаясь на всех диалектах в пять этажей. Но кого они могли поймать? Вдоль проспекта в полной темноте тянулись одинаковые заборы, за которыми ютились низенькие домики. Были попытки притащить в милицию нескольких подростков, но без веских доказательств их тут же отпускали. Так продолжалось несколько дней, пока администрация города была вынуждена дать газ в этот район, а также и электроэнергию – бесперебойно.

А теперь к нашей истории. Заглянем внутрь самого большого на тот момент рынка города. По своим размерам он занимал довольно внушительную площадь. На его месте могли бы расположиться несколько жилых кварталов. В центре его расположилась площадь, отданная торговцам арбузов и дынь. Эти бахчевые исполины завладели всем пространством, оставив узенькие проходы для покупателей, придирчиво осматривающих дары казахстанских полей. Можно было смело брать любой арбуз и не ошибиться в выборе. Маленькие, средние и огромные, арбузы были на любой сорт и вкус.

«Покупай арбузы, подходи, народ! Половина сахар, половина мёд!» – кричали зазывалы, помощники торговцев. Они виртуозно подбрасывали вверх сочные плоды, похожие издали на пушечные ядра, ловили и тут же протягивали их покупателям. Горожане для пущей важности просили сделать в арбузе вырез, чтобы убедиться в спелости ягоды. Чёрный от солнца торговец засучивал рукава халата, протыкал ножом арбуз, и тот мгновенно трескался пополам.

«Э, дорогой! Смотри! Арбуз как песня, радость нам даёт!» – улыбался он жёлтыми от курения зубами и ставил арбуз на весы. Привозя машинами арбузы и дыни, продавцы тут же рядом с ними и ночевали, пока весь товар не будет продан. Можно было уже поздно вечером, до закрытия ворот, разбудить дремавшего продавца и купить товар по сходной цене.

Дыни привозили как из южных районов Чимкентской области (Южно-Казахстанской), так и из соседней республики (Узбекистана). Ташкентские дыни отличались и размером, и вкусом, и запахом. Полуметровые дыни-торпеды продавцы аккуратно укладывали штабелями в тени деревьев или подвешивали их в сетки-люльки под навесами. Аромат этих чудных плодов проникал везде и

всюду, останавливая покупателей. Можно было, простояв рядом с дынями несколько минут, донести их аромат до дома.

Во второй половине девяностых усилился отток людей из Казахстана. Люди семьями уезжали из республики навсегда. Уезжали кто куда: в Грецию, в Израиль, в Германию, в Белоруссию, на Украину. В эти государства отъезды начались ещё в конце восьмидесятых. В завершающем караване «ушельцев» были русские, выезжающие в Россию. Об этом нужно отдельно вести повествование, но позже. Мы с женой и ребёнком в этот процесс пока не были вовлечены. Мы мирно учительствовали, совершенствуя свой педагогический талант в стремительно изменяющихся условиях.

Больше часа мы с женой кружили по извилистым проходам и поворотам раскалённого под солнцем рынка. Прошли его весь вдоль и поперёк. Земля под ногами дышала жаром. Накупив продуктов, решили возвращаться домой и стали спускаться вниз к дороге. Почему вниз? Потому что Верхний рынок расположен был на холме. Жили мы буквально в пяти минутах ходьбы от него и могли покупать здесь товары хоть каждый день. В конце девяностых именно на рынках покупатели могли найти любые товары по весьма доступным ценам.

Проходя мимо овощных рядов, которые располагались у самого выхода, мы услышали крики. Издали среди людского гомона трудно было разобрать: кто и что кричал. Опустив сумки на землю, я остановился, прислушался и узнал голос дяди Коли – старшего брата моей мамы.

– Маша, подожди меня здесь, а я пойду узнаю, что случилось, – сказал я жене.

– Нет. Я тоже с тобой, – решительно ответила она.

И мы, подхватив сумки, устремились в сторону криков. Протиснувшись сквозь толпу, дошли до картофельных лавок. Около одной из них собралась небольшая группа людей. Теперь я точно узнал голос дяди, доносящийся откуда-то из центра.

Несмотря на жару, многие были тепло одеты в национальную одежду. Узбекские и казахские халаты ярко пестрели под лучами послеполуденного солнца. На головах мужчин красовались тюбетейки с витиеватой вышивкой. Халаты их были подвязаны поясами канатного плетения. У многих женщин на головах были повязаны белые косынки.

Я отчётливо расслышал выкрики дяди: «Как вам не стыдно! Что вы делаете? Мошенники!».

– Я сейчас, – шепнул я жене и вместе с сумками врезался в толпу.

Через мгновение я уже оказался в центре события. Жена последовала за мной.

– Э, что за дела!? – прокричал я, сдвинув брови и ища глазами дядю.

В центре круга, весь в пыли, с растерянным видом стоял дядя Коля. На голове его была мятая кепка, сдвинутая набок. Он вытянул вперёд руки, словно хотел кого-то схватить. Рядом с ним стояла молодая казашка с длинными, узкими косицами и с сеткой в руке. В другой она держала безмен.

– Дядя Коля, что случилось?

– Илья, это ты? – прищурился дядя. – Я очки потерял и плохо вижу.

Он схватил меня за руку, как утопающий за спасательный круг.

– Да, это я, – обнял я дядю.

– Ты понимаешь, хотел купить картошки килограммов пять, а эта молодуха, – показал на девушку, – сыпет в сетку несколько картофелин, дёргает весы и говорит мне, что уже пять килограмм. Я наклонился, чтобы сетку эту поднять, вес проверить и пересыпать себе в сумку. А она, стерва, не даёт, толкается. Очки мои упали к ней под ноги. Я только услышал хруст и её извинение. Кещеренэз (*извините – с казах.*) говорит, и всё тут. А что мне её «кещеренэз»! Я же без очков как без рук. Все вокруг кричат, торопят, чтобы я деньги быстрее отдал. Как сговорились! А я чувствую, что вес не тот. Ты посмотри, племян, сколько там картошки.

На его глазах выступили слёзы, и мелкой дрожью пошла нижняя губа.

Я тут же развернулся к девушке:

– Это ты картошку продавала мужчине? А! Ты, я спрашиваю?

Из толпы выскочила худая старуха с рыжей паклей из-под мятого платка и с густо намазанными бровями. Она, размахивая почерневшими от солнца руками, подошла ко мне вплотную и, задрвав голову, прошамкала:

– Я! Чего тебе надо? Проваливай отсель, защитник. Он картошку брать не хочет, а мы виноваты, что ли? На, проверь весы.

Старуха выхватила у девушки весы и сунула их мне в руки.

Я натянул пружину. Всё было нормально. У ног жены стояла сумка с пятью пачками сахара по килограмму. Я взял сумку, зацепил её и поднял. Весы показали точный вес. Мы с женой переглянулись.

– Здесь не в весах дело, а в чём-то другом, – шепнула она мне.

– Эй, хозяйка. А ну, покажи-ка мне картошку.

Рыжая пакля указала мне на лоток, где горкой лежала таласская, синеватого оттенка картошка. Такое название эта картошка получила по наименованию Таласского района Джамбульской области. Все чимкентцы знали этот сорт картошки и любили её за вкус, гладкость кожуры и развариваемость.

Рассмотрев картошку, я повернулся, чтобы спросить о сетке, в которой её взвешивали, но спрашивать было уже не у кого. Обе продавщицы будто испарились. И я обратился к стоящим вокруг людям:

– А в чём они взвешивали?

– Где-то здесь сетка валяется, – сказал дядя, протирая глаза.

В центре круга в пыли лежала обыкновенная сетка для продуктов. В те времена такие сетки были в каждой семье. С ней чаще всего и ходили горожане за покупками.

замысловатые тени от деревьев и людей. Краем уха я мог ещё расслышать крики людей на особом чимкентском диалекте, который соткан из казахских, русских и других слов многонационального юга.

Мы спустились к улице Советской, перешли её и направились к дому.

Взяв дядю под руку, я не спеша поднимался по ступенькам и тихо говорил:

– Дядь Коля, давно вы не были у нас в гостях. Сейчас посидим, чай попьем. Вы у нас переночуете. А завтра закажем вам новые очки.

И вот мы уселись на кухне. Маша приготовила сырники, достала баночку сметаны, купленную только что на рынке.

– Сейчас сырников со сметаной поедим, о жизни поговорим, – улыбалась она.

Она зачерпнула ложечкой то, что находилось внутри и медленно вынула из банки. С ложечки стекала белая комкообразная масса. Улыбка с её лица мигом сошла.

– Ты что купил? – повернула она ко мне голову.

– Сметану, как ты и сказала, – ответил я, уставившись на банку. – А что там?

– Ты хоть пробовал её, когда покупал?

– Конечно, пробовал. Потом подал банку продавщице, и она налила мне из фляги, которая стояла за прилавком.

– За прилавком, говоришь?!

– Да.

– Пробовал-то ты сметану, а налили тебе в банку простоквашу! Эх, ты! Простофиля!

– Может, пойдём и разберёмся? – с серьёзным видом предложил я.

Над кухонным столом повисла пауза. Маша, уперев руки в бока и покачивая головой, пронизывала меня взглядом. Я же, сделав невинные глаза, отвернулся в окно и начал разглядывать дерево, с сожалением, как мне показалось, смотрящим в мою сторону.

И тут дядя Коля, до этого момента тихо сидящий у окна, вдруг громко расхохотался. Он смеялся, одной рукой вытирая слёзы, а другой показывая на банку. Мы же просто молчали. И только когда на моём лице скользнула улыбка, наша маленькая кухня взорвалась от смеха.

На город быстро опускалась ночь, давая людям успокоение, прохладу и тишину. Звёздное небо без остатка поглотило людскую суету и звон монет. Холм, вместе с Верхним рынком, погружался в летний сон, чтобы на следующий день с утра вновь радовать людей своим великолепием.

Дмитрий АФЕНЧУК

г. Горловка, ДНР - Россия

Афенчук Дмитрий Валериевич. Родился 2 августа 1991 года. Окончил ФГБОУ «Донецкий национальный технический университет» (2013) и ФГБОУ «Донецкий государственный педагогический университет» Министерства просвещения Российской Федерации (2023). Организатор мероприятий, сценарист. Руководитель объединения творческих людей «Новый взгляд». Автор ряда научно-публицистических статей и докладов о роли книги в повседневной жизни и популяризации её в молодёжной среде.

Член литературного объединения «Забой». Публиковался в городских, областных и республиканских СМИ, литературных альманахах «Пять Стихий», «Восхождение» (Горловка), «Горловка литературная», «На крыльях Пегаса» (Тула), «Рассвет» (Донецк), «Петровский мост» (Липецк), «Крым» (Симферополь). Автор 3 книг прозы, соавтор историко-краеведческого сборника по дисциплинам «История Отечества» и «Культурология». Организатор и ведущий поэтического конкурса «Вдохновение» в рамках поддержки ученической молодёжи и начинающих литераторов города. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Путешествие счастья

(притча)

Скиталось по свету счастье. К кому бы ни примкнуло, никто не берёт.

Однажды, продолжая скитаться по городам и весям, вышло оно на перекрёсток. Возле него стояли два дома. Встал перед счастьем выбор, в какой дом войти и остаться.

В одном из этих домов жил богатый вельможа, а в другом – бедняк.

Счастье направилось к вельможе. Но встречено было им сразу настороженно:

– Ты кто? – строго спросил богач.

– Я – счастье, – прозвучал ответ.

Богач недоумевал.

– Зачем ты явилось? Что нужно от меня?

Прежде чем ответить, счастье осмотрело «хоромы». Ну, не дом, а дворец! Внутри чистота и порядок.

– Хорошо ты живёшь, вельможа. Честно ли достиг всего этого? Я хочу у тебя поселиться.

Будем счастливо да честно жить.

Богач отвернулся и буркнул в ответ:

– Вот ещё чего придумало!

Посмотрело на него счастье, покачало головой, да и решило в соседний дом зайти.

Напротив жил бедняк. Семья большая, внутри избы скромное убранство. Встреча прошла тепло и радушно. Только лишь предстать успело, как сразу было приглашено за накрытый семейный стол. «Вот тут я, пожалуй, и останусь», – подумало счастье.

Всего в этой жизни нужно добиваться своим трудом, не вынуждая путешествовать счастье.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.

Василий Андреевич Жуковский

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич. Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражистъ». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншана, г. Синьян. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Осень 2023

С высоченных вершин
Мне играет свирель:
– Милый мой Акварель,
Я – твоя Акварель...

И, в бреду, на беду,
Я всё выше
Бреду:

– Играй, свирель, прости,
Что я в пути, однако,
Преодолею почти
Все знаки Зодиака...

Благглупость

Я верил и в благость, и в глупость...
Надеялся, ах, на любовь...
Я сравнивал нежность и грубость...
Быль, небыль, увы, явь и новь...
И понял – меж тем и проблем –
Что жизнь несравнима ни с чем...

Чем выше этажи, тем ближе небо...
Где хорошо,
Вина вкусив и хлеба,
Стихи читая,
Ангелу под статью,
Пока, – в воображении летать,
Приветствуя и славу, и молву,
Весной – во сне,
Зимой – наяву:
– Как хорошо, что я ещё живу!

Я стал задумываться чаще
О смысле жизни
Настоящей,

Которая – ну, и дела! –
Мечтой
О будущем была

В пустых бессмысленных словах...
Увы и ах...
Увы и ах...

Я верил, что не утону,
И, как Христос, ходил по водам...
И вдруг, увы,

Пошёл

Ко дну,
Ах, перед всем честным народом...
Который – Боже! – наяву
Ещё держался на плаву...

А я дивился
И не мог
Толпу терпеть, на удивление...
И вот
Среди земных дорог
Живу в плену уединения...

Юг, север, запад и восток
Сошлись –
И стал я одинок.

Только Муза влюбилась в меня –
Тут и я, подчиняясь конфузу
И капризу, и страсти ея,
Полюбил вдохновенную Музу...

Так, что солнца закат и восход
Нам теперь
Всё милей
Каждый год...

Верни меня

Ах, проза – тяжкая обуза:
Дела – слова, слова – дела...
Верни меня, подружка Муза,
Туда, откуда увела!

Где вдохновение черёмух,
Сиреней благодатный сон...
А я – в тебя, бессонный олух
Царя небесного, влюблён!

Где ожиданье до рассвета,
Увы, неведомо чего...
И – ни ответа, ни привета,
Как завершение всего...

Верни! Я требую возврата
К поэзии минувших лет –
Туда, где не было возврата
И прозы не было и нет...

Я рад, что весь опять во власти
Любви, поэзии и страсти...
Что их в душе не разделить...
Ах, осень... Так тому и быть!

Лев РЯБЧИКОВ

г. Симферополь, Крым

Президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева. Председатель Правления Крымского регионального отделения Литературного сообщества писателей России. Лауреат международной премии им. М. А. Шолохова в области литературы и искусства. Заслуженный деятель искусств и лауреат Государственной премии Республики Крым. Редактор изданий военно-патриотического проекта «Солдаты Победы». Автор более двух десятков книг поэзии, прозы и публицистики.

«Мощь и сила всей России...» (главы из поэмы о поэтах «Музы в сентябре»)**Самый русский**

По Владимирскому тракту
 Кандалы – всего два такта –
 Скорбный звон качали.
 Слушал мальчик.
 И с печалью
 Он глядел вслед каторжанам,
 «Награждённым» цепью ржавой
 На столетие вперёд,
 Впрочем, как и весь народ.
 Слёзы проливал юнец,
 Когда дворню сёк отец.
 Разъярясь в «правёжный час»,
 Он и сына сёк не раз,
 Коль с крестьянской детворой
 Бегал в лес грибной порой
 Или с волжских берегов
 Слушал песни бурлаков.
 И, конечно, только мать
 Эту боль умела снять.
 С ней он горестно прощался.
 В мыслях всякий день общался,
 Когда в бледном Петербурге,
 Поселяясь в кривом проулке,
 Занимал на хлеб гроши,
 Напечататься спешил –
 Нёс стихи куда попало,
 Но за них платили мало.
 Оказалась б рядом мать,
 Уж нашла бы как сказать,
 Что стихи пока слабы,
 Ещё мало в них любви,
 Тихо в них звучат тревоги,
 Изувечившие многих.
 Стал Белинский вместо матери,
 Распознавший в нём старателя
 С чистой русскою душой,
 Жизнь прознавшей хорошо.
 Рожью на крестьянской ниве
 Новые взошли мотивы:
 Ломоть хлеба на сейчас,
 В жбане – со слезами квас;
 Вся крестьянская еда –
 В день воскресный и всегда.
 Лучше нет еды на свете.
 Вырастают на ней дети,
 Любознательны, красивы –
 Мощь и сила всей России.
 Прочитав стихи про них,
 Баловень и тот притих:
 Грусть до сердца пробивает.
 – Так бывает?
 – Да, бывает.
 К нам приди другой народ,
 Поживёт чуть и – умрёт.
 Не про них наш хлеб и квас,
 Наше рабство – лишь для нас.
 ...В эту темень пролил свет
 Самый русский наш поэт.

Милость Поэта

Поэт, ценивший Ломоносова,
 Родился на исходе века.
 В начале лета. Ножки босые
 Из века в век учились бегать.
 Созвучны молодому веку
 Мелодии стихов его.
 Они нам Альфа и Омега.
 И белый Ангел над Невой.
 И странно, пробежав два века,
 Не поседев и без морщин,
 Впадают в сердце человека
 И в норы женщин и мужчин.
 Как так случилось? Как так случилось?
 Кто дал им волшебство воды?
 Погиб Поэт, минуя старость,
 Оставив дух свой молодым.
 И дух случается в Гурзуфе,
 Как и предсказывал Поэт,
 Где, словно рукописи, сухо
 Листочки шевелит рассвет,
 Точнее – ветер на рассвете,
 Который любит здесь бродить
 И с духом первого поэта
 О милых девах говорить.
 Влюблённость – суть сама Поэта
 И состояние его.
 И слово верное про это
 Всегда и юно, и ново.
 Он знал слова. Он их лелеял.
 Он ими головы кружил.
 Водил их в тёмные аллеи,
 Вставлял, как смальту, в витражи.
 Он сотворял себе кумиров
 И преданно их воспевал.
 А сам печально жил в сём мире,
 Где убивали наповал.
 И он убит. И взят могилой
 От жизни отделённый прах.
 И грустный проводник Вергилий
 Не то за совесть, то ль за страх
 К Гурзуфу дух его приводит
 И ждёт, чтоб отвести назад.
 Они друг другу по природе,
 Как бражники, благоволят.
 Бывает, слышится там ночью
 Их благозвучная латынь:
 – Поэт не может быть порочен,
 Поскольку весь из лепоты.
 И явится знакомый профиль,
 Начертанный его пером.
 А подле – тень креста Голгофы
 И рухнувший на землю гром.
 Так и в душе: гроза и нежность,
 Боль и вселенская любовь,
 И свет улыбки белоснежной,
 И согнутая гневно бровь.
 Сошлось, свелось, соединилось
 И возвело в квадрат грехи...
 Ну а Поэт явил нам милость,
 Пролив на нас свои стихи.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Шафран Яков Наумович. Родился в 1950 году. Два высших образования: в 1973 г. окончил Тульский политехнический институт по специальности «Двигатели летательных аппаратов», в 1998 г. – Высший психологический колледж по специальности «Практический психолог». Автор 8 книг стихов и прозы. Публикуется в литературных журналах и альманахах. Лауреат ряда литературных премий. Заместитель главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Действительный член Академии российской литературы. Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, Российского союза писателей.

Время осознания

Целый день бушевал и метался
Меж деревьев, кустов и травы
Ветер в ритме крылатого вальса,
Нанеся мрачных туч дождевых.
Но вот солнце сквозь хмурое небо
Так огнисто сверкнуло лучом,
И шалун быстро стих, как и не был. –
Я стою с нераскрытым зонтом.
И взываю я в неба оконце:
«Что нас ждёт – это жизнь или смерть?
Чьи мы дети – луны или солнца?
Чью мы песню в миру будем петь?»
И рассеялись тучи в лазури,
И сияние вновь – значит, жизнь!
И молю – пусть закончатся бури,
Череда всех страданий и тризн!

Хорошо. – Всё теплом так и дышит.
Шёпот листьев. Покой, тишина.
Лёгкий дождик прошёл. Капли с крыши.
И чарует опять вышина.
Но – о, чудо! – сознание радуя, –
Я гляжу, очарован тобой, –
Над землёю раскинулась радуга,
Ширь вокруг наполняя собой,
Как знамение славы Небесной,
Единения Неба с Землёй.
И в душе от любви стало тесно,
И ушли огорченья долой.
И услышал я, как моё сердце
Пело гимн возрождёнью страны.
За отворенной времени дверцей
Ему вторили края сыны.

Был день лучезарный и жаркий,
Искрящийся гладью реки.
В тенистом, раскидистом парке
Трусцой нарезаю круги.
В цвету у воды вся поляна,
Узорное кружево трав.
Душа ароматами пьяна,
В себя их любовно вобрав.
И бабочек пёстренький бархат,
И шёлковый шелест стрекоз,
И ввысь уходящая арка
Родных белотелых берёз.
Высокое небо в лазури.
Ласкает лицо ветерок.
Не видно ни дымки, ни хмури,
И мир предо мною широк.

О, как же ты лето прекрасно
В родимой моей полосе!
И как на душе моей ясно –
Поёт она дивной красе!

Вот ещё один день канул в вечность.
Что с собой он принёс, иль унёс
В скоротечности – зло иль сердечность,
Больше радости или же слёз?
Юго-запад глядит в мои окна.
Приглядишься и видишь – стена
Грозных туч; вал, зарницами огнен.
Только то не гроза, а война.
Там, что день, то суров и кошмарен –
Смерть ведёт ею ведомый счёт.
Вот ещё там погиб один парень,
И ещё, и ещё, и ещё!
И уходит от нас самый лучший,
Самый честный, отважный, – орёл.
Не понять среди благополучий,
Что есть подвиг, а что только роль.
Слышу гром не грозы, а набата, –
То грядёт осознания час:
Дни летят и уходят ребята.
Не ушла бы Россия от нас!

В вышине беспокоятся птицы.
И в сиянии летнего дня
Я читаю незримы страницы,
Начертаны рукою Огня.
Я читаю: не будет оружия –
Рати тёмных, восставши на штурм,
Духов робости и малодушья,
Окружая направят на ум.
Тогда чувства и мысли глубоко
Погружу в своё сердце, и мир
Остановит ту ярость потока,
Не позволив устроить им пир.
И душа моя солнечной станет,
И в уме – благодатный покой.
Не случится развал в моём стане,
Запрещённый Отцовской рукой.
Стали птицы спокойны в полёте,
Навевая живые мечты
О сиянии Света, свободе
И о Царстве Добра, Красоты.
И я понял, как каждый в ответе
За всё то, что творится в душе,
Чтобы в значимый час на Рассвете
Не застыть бы на том рубеже.

Николь ВОСКРЕСНАЯ

г. Владивосток

Николенко Анастасия Алексеевна. Родилась 10 апреля 1990 года. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права ВГУЭС. Член Союза писателей России. Автор 4 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов, в том числе журнале «Северо-Муйские огни» (№3/91/2022), китайском журнале «World poetry» (09.2022). Лауреат и дипломант городских и всероссийских литературных конкурсов (2007 – 2016). Лауреат-победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (в номинации «Поэзия», 2022), Республика Карелия (Петрозаводск).

«Неуместная лирика»

Мы с тобой одичавшие, слишком взрослые,
будто выросли под обстрелами
и погосты холмами белёсыми,
принимают любое тело,

даже в зиму, горелым августом,
закопилось каждое лето,
чьи-то судьбы разорванным парусом,
пропускают потоки ветра.

Без просветов, и нету жалости,
бессердечие голодом сушит почву,
наши страшные детские шалости,
в пустом городе, обесточенном,

обезвоженном, кровью выпитой,
типографской краской свинцовой,
словно небо на головы вылитом,
слова жгут смолою сосновою.

Эти новые слишком пёстрые,
Для чего они нам достались?
По-русалочьи простоволосые,
не побегами, так ростками.

Метаморфозы

Я хочу стать однажды кометой,
чтоб лететь в бесконечную мглу,
чтоб узнать вкус космических ветров.
Полыхать над землёю огнём,
на просторе столкнутся с тобою
и дать свет миллионам существ.
Жизнь земная не вечна, ты знаешь,
вечен свет далёких планет.

Я хочу, однажды стать солнцем,
чтоб согреть землю светом огня.
Я хочу, чтобы каждое утро,
люди видели солнце – меня.
Чтоб ребёнок тянул ко мне руки,
на закате махал чтобы вслед.
Уходить и возвращаться,
и сменять закатом рассвет.
Знать, что жизнь на земле будет вечной,
что исхода этому нет.

Потеряла счёт дней,
ну и пусть.
Только ветры аллея,
только грусть.

С неба падают в руки дожди,
и мне снится морская синь.
И мне снятся глаза твои,

я бегу всё быстрее к ним.
Стонут в небе твои журавли.

Полыхает огонь в словах,
это только безумный бред.
Не найти тебя в небесах,
на земле тебя тоже нет.

Тонкую паутинку,
сбили капли дождя.
Сердце – хрупкая льдинка,
полно хмельного огня.
Мир из цветных картинок,
пляшет вокруг меня.
Память крутит пластинку,
с песней забытого сна.
Кружатся в танце снежинки,
манит чужая тропа.

Неуместная лирика

Мне жаль покидать город,
но не жаль покидать людей.
Посильней застегнув ворот,
из ворот выходить чуть стемнеет.

Я здесь знаю каждую стену,
вот тупик, а вот поворот,
он на ощупь выведет пленного,
словно сватает и выдает.

Он запомнит меня юной,
на ветру я, горнист и дождь.
И зрачком подослепшим лунным,
смотрит вслед, на то как уйдёшь.

25.08.23

Август

На границе сентября
время бархатной жатвы, время жнецов.
Лихорадочно жжёт свет янтаря,
жертвоприношение предметов и слов.

Две монеты одной стороны,
что висят на красном гайтане,
яркой ниткой оборваны сны,
пусть моя печаль для тебя останется.

Я разбитое зеркало сохраню,
эту память прикосновений,
перепачканный солнечной кровью,
компас, у которого стёрлись все направленья.

31.08.23

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Публиковалась в российских и зарубежных литературно-художественных журналах, антологиях, коллективных сборниках. Участница пяти Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

«В мягком безмолвии...»

Осенние следы

Мягкая поступь – украдкой, кротко.
Лунки-следы в янтаре.
Осень особой октябрьской походкой
Тихо идёт по траве.

Эти следы – отраженья тропинок.
Там, где коснулись земли
Лёгкие стопы лесных невидимок,
Лужи узоры сплели.

Вон от воды – чуть побольше и дальше –
Махом широким шаги:
Озеро точно сбегало из чаши
С ливнем наперегонки.

Листья сквозистые стелются ловко,
Тщетно от взора тая
Шалости осени – рыжей плутовки:
Лужи среди янтаря.

Омуты луж, зеркала листопада, –
Ввысь или вглубь синевы –
Манят гулять по витражным аркадам,
Взрыв на ладони листвы.

Грёзы, следы иль осенние души –
Кладези детских потех.
Салки по лужам! Бездонные лужи –
Радуги, брызги и смех!

Бумажный журавлик

В рассветном просторе, что луч золотит,
Бумажный журавлик над жизнью летит.
Несёт он в подарок, от сердца рождён,
Восточную мудрость из древних времён:

Послание мира в душе и судьбе –
Залога побед в ежедневной борьбе,
Цветением сакуры пышущих лет
И сил самурайских, чья истина – свет;

Послание лёгкости дерзкой мечты –
Затейницы-музы творцов красоты,
Зовущей с собой вдохновенный талант
К вершине, где вспыхнет его бриллиант;

Послание радости – близкой, простой,
Способной поднять над мирской суетой
И вызвать улыбку совсем нехитро,
Являя незыблемость веры в добро.

Он символ надежды-всему-вопреки.
Скитальца стремнины житейской реки

Бумажный журавлик укроет крылом,
Излечит целебным сердечным теплом.

Из солнца ладони, от пальцев-лучей
Струится напутствием ясный ручей.
Неся безмятежного счастья хрусталь,
Журавлик летит в озарённую даль.

Кицунэ

Боюсь и жду твоей улыбки чистой:
Под лепестками губ – клинки зубов.
Горит закат, застенчиво пунцов,
Как девять огоньков в лесу тенистом.

Иди ко мне по лунному лучу.
Смелей: сидит на привязи собака.
В венке кленовом высветись из мрака,
Свернись клубком и рядом заночуй.

На всё готов я – знаешь ты сама.
Испей и дух, и жизнь, сведи с ума,
В ладонях сердце вновь до боли стисни.

Струится в ясном небе звёздный дождь.
Унять не в силах чувственную дрожь,
Я вспомнил нас обоих в прошлой жизни.

Музыка осени

Осень укутала звончатость летнюю,
Звук облекла в облака и туман.
В мягком безмолвии чудо заметнее:
Праздник – День музыки – осени дан.

Вьюжит зимою симфония льдистая,
Вьётся весной виртуозный этюд,
Резв летний туш... Партитура пролистана,
Не обретён лишь душевный уют.

Музыка осени – тихая, тайная,
Чувства до ноты изведаны в ней.
Притчи дождя, листопада предания...
Сердце в сквозистых просветах видней.

В день октября, словно сердце осеннее,
Музыка голос дарует творцам –
Самое редкое, самое ценное
Золото верным искусству певцам.

Луч вдохновения, роскошь нетленная –
Жар благородных осенних лесов –
Воспламеняет талант и стремления:
Истинный знак золотых голосов.

Лидия ПАЩЕНКО

г. Омск

Пашенко Лидия Николаевна. Родилась в д. Любимовка Исилькульского района Омской области. Окончила Московский институт НХиГП им. И.М. Губкина. Член Омского областного литературного объединения им. Я. Т. Журавлёва. Публиковалась в антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (2012), в сборниках «Журавлиный оклик» (Омск, 2013г.) и «Журавлёнок»; в омском альманахе «Тарские ворота»; в омских журналах «Иртышъ-Омь», «Преодоление»; в поэтической антологии «Когда сильна уверенность в тебе. Омск. XXI век», в журналах «Северо-Муйские огни», «Саксагань» (Кривой Рог). Стихи вошли в серию миниатюрных книг, посвящённую 300-летию г. Омска «Поэтическое слово. Омские поэты. Антология» (Омск, 2016). Автор ряда книг стихов. Литературный редактор журнала «Иртышъ-Омь».

«Было и есть. Никуда не убудет...»

Кому должна, кому обязана,
Плачу им в срок (долги-то – смех!),
Заветом матушкиным связана:
«Чужое братъ – великий грех!».

Чем ближе к маме я по возрасту,
Тем тяжелей, грузнее день.
А мама говорила попросту:
«Грех самый главный, дочка, – лень».

Добра желая мне, твердила мать:
«Жить в злобе – счастье не придёт».
И крепкой памятью – не выломать –
Во мне святой наказ живёт.

Не выпускала злобы жало я:
Тот, предназначенный мне путь
От мамы, всё же удержала. И
Свободы святость, сладость, грусть...

Беглянка

Одолела усталость, душа ли остыла?
Но, когда нет надежды на вихрь перемен,
Остаётся скользнуть из объятий постылых
Да удариться в бегство от каменных стен.
Ты проснёшься, когда я проеду Заречье;
Ты начнёшь злопахать, на измену пенять
На глухом, городском, тарабарском наречье.
Нам с тобою друг друга сейчас не понять.
Наказанье придумаеть («Слово и Дело!»).
Вскачь депеши помчат сторожам: «Задержать!».
И шлагбаумы путь преградят. Оголтело
Светофоры пожаром начнут угрожать.
Ядовитый туман, именуемый смогом,
Подкрадётся ползком задушить, отравить.
Но – напрасно! – Беглянке готова подмога:
Из-за дальнего леса протянется нить
Деревенской тропинки, плутающей вольно.
Там дорожные правила не достают,
И для полного счастья простора довольно;
Там естественно птицы и люди поют,
Словно дышат. А воздухом – пить, не напиться:
Освежающе-сладок, упруго-живой.
В заповедный мой край не могла не влюбиться,
Даже звёзды крупней над моей головой.
...Мне так жаль, но кончаются сказки для взрослых:
На три дня лишь свободы дана благодать.
Мне так жаль уходить от нестриженных, росных
Малахитовых трав. Мне так жаль покидать
Золотисто-атласных кубышек сиянье
В закутках тёмной рясской заросших проток!

Горизонтом-каймою качнёт на прощанье
Улетающий в сумрак Небесный Платок...

Мишени

Из лёгкой штриховки запутанных веток
Для пристальных взглядов должна показаться
Картинка (припомни «Мурзилку» для деток):
Охотник в тирольке преследует зайца.
Вгляделась. И словно бы стужей подуло –
Ах, мать-то честная! – пошёл против правил
Охотник: осклабясь, ружейное дуло
Мне в левое лёгкое, целясь, направил.
Фантазии с явью дурно смешенье –
Для средних умов непосильное бремя.
Стою на юру беззащитной мишенью,
Живу под обстрелом и в мирное время.
Разбиты твердыни. Осколки – под сердце.
Картечью реформы по тощим карманам
И лупят, и лупят... И некуда деться
От дротиков лжи, порождённой экраном.
Нет, я не бесстрашна. Лишь гибнуть готова
От древней стрелы с золотым опереньем.
Вонзится ль желанная «в яблочко» снова,
Чтоб страх уничтожить любви озареньем?
Неужто последней надежде – крушеньем?
Крылатый амур, где ты прячешься, где ты?
Похоже, ты тоже стал чьей-то мишенью.
Вопрос за вопросом.
Не слышно ответа...

Было и есть. Никуда не убудет
Тёмная сила стремящихся править
(судьбами, душами...). Светлым же людям –
Мягкая сила, – чтоб злу не потрафить.

Всякий по-своему мир понимает,
Розовым красить очки – да не мне бы...
Древний завет от времён не линяет:
«Он в тебя камнем,
А ты в него – хлебом!».

Видишь, иду параллельным путём,
Зла не желая тебе, – видит Небо!
Что же когтит, предвещающая, чутьё:
«Ты в меня камнем,
А я в тебя – хлебом!».

Где те скрижали-то? Если б да кабы
Род человеческий глухим к ним бы не был, –
Строчка одна изменилась хотя бы:
«Я в тебя – хлебом,
И ты в меня – хлебом!».

Оксана СОСНИНА

г. Можга, Удмуртская Республика

Соснина Оксана Геннадьевна – филолог (факультет романо-германской филологии). Публиковалась в литературных журналах «Луч», «Территория жизни», «Инвожо» (Ижевск), «Причал» (Ярославль), «Преображение» (Москва) и ряде детских журналов: «Путеводная звёздочка» (Москва), «Рюкзачок» (Минск), «Радуга» (Сыктывкар). Автор книг «Паутинки лета» и «Имён серебряные звуки», а также учебников для детей «Английский выучу шутя», «Английский выучу шутя – 2» и др. Лауреат и дипломант ряда российских литературных конкурсов, в том числе и переводческих – Благовещенск–2021 (призёр в номинации «Профессиональ»). Руководитель детско-юношеского литературного клуба «Инвистёнок», участник Фестиваля переводчиков национальных литератур (Переделкино, 2022), Пятигорской литературной резиденции АСПИ (2022), молодёжного слёта Совета молодых литераторов СП России (Химки, 2023) и XVI съезда Союза писателей России (Москва, 2023).

«Не забыть милых мест красу...»

Лучом янтарным сквозь деревья –
Как строги очертанья веток! –
Встречает день меня осенний
Вспоминаньем прошлым лета.

И кажется, ещё возможно
Беспечность нам вернуть былую.
Всё в этом мире непреложно –
Почувствуй хладость поцелуя

И окупись всем телом разом
В предзимнее существованье...
Коль свет последний не обязан
С теплом вступать в соревнованье,

То осень, нет, не спорит с летом.
Она ему – дань уваженья.
И по осенним тем приметам
Меняю жизнь без сожаленья!

Прованс

Как удивителен Прованс!
Укрыты нищенским покровом
сухие горы. В солнца час
ты будешь ими очарован:

Сверкают роскошью они!
Сухой тростник, что с морем рядом,
трещит, а небо – ты взгляни!
а море – не окинуть взглядом! –

Сольются в ярко-синий рай.
Но набежит мистраль веселый –
спокойствия уже не жаль –
закружит вихрем bestолковым.

Проказник хлопает дверьми
и с путников срывает шляпы,
уносит прочь их – отними!
Но... бесполезно. Что же, плакать?

Он разгоняет облака
и треплет сосны за верхушки,
покружит отнятым слегка
и топит в море безделушки.

Сгоняя с берега что есть:
одежду, и пловца, и лодку,
безумствуя, нам дарит весть,
что сменит лёгкую походку.

И... влагой хлещет по лицу,
задёргивает небо тучей...
Хватает силы удальцу –
он враз становится могучим.

И волны с рёвом – до небес! –
на дюны он бросает жадно,
Играет с лодками, – и, всплеск! –
крушит вокруг всё беспощадно.

Но... передумывает вмиг,
из моря снова гонит лодки
на берег – уж не озорник! –
стыдясь разнузданной походки.

Ложится псом у ваших ног,
моля простить за хулиганство...
Кто отчитать мистраль бы смог
за норова непостоянство?

Удмуртии

Просквожённая ветром насквозь,
Уходила свою тоску...
Всё обвалы и скалы. Врозь.
Уезжаю, а обрету ль?

Часть меня – вся природа здесь.
Я за небо душу отдам.
Солнце, звёзды, деревья... Цвествь
Без меня луговым цветам.

Родники благодатной земли
И роса в изумрудной траве,
Облака, что плывут вдали –
Это всё не найду нигде.

Не забыть милых мест красу...
Тяжесть милой, родной земли
С благодарностью пронесу
В сердце, что о былом болит.

Синий домик, дороги круть,
Заливные луга, река...
Не предать и не обмануть,
Пронести через жизнь в веках.

Мне б дойти и взобраться на,
Мне б добычу в лесу найти,
Зазвучала б в душе струна
Даже в самом конце пути.

Валентина ОСТАНИНА

пос. Таврическое, Омская обл.

Останина Валентина Григорьевна. Родилась в 1945 году в селе Павлоградка Омской области. Окончила Омский сельскохозяйственный техникум, училась в Литературном институте им. Горького. Публиковалась в журналах и альманахах «Сибирь», «День и ночь», «Наш современник», «Литературный Омск», «Иртышъ-Омь», «Тарские ворота», «Аргатак. Татарстан», «Александръ». Лауреат ряда региональных конкурсов, обладатель гран-при Международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим...» (Москва, 2020). Член Союза писателей России, Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург). Автор 10 книг стихов для взрослых и детей.

«В хорошем настроенье...»

Бабье лето 2023-го

Бабье лето придёт –
полетят паутинки.
Ты не думай, что это
обрывки надежд.
Это матери наши
из тихой глубинки
посылают молитвы
сынам на рубеж.

Это жгучий рубеж,
там сердца на прицеле.
Выбор в каждой судьбе:
Запад или Восток?
Маркитанты войны
раскачали качели.
Мир, забывший Христа,
безрассудно жесток.

Небо хмурится вновь.
Мать читает молитвы
о смягченье сердец,
усмирение вражды.
В небе и на земле
продолжаются битвы.
До победного дня
будут плакать дожди.
Бабье лето придёт!
Бабье лето придёт!
Бабье лето придёт!

30.08.2023 г.

Из жизни подводников*

Там белый медведь на дрейфующей льдине.
Там белые сопки – Камчатка венец.
А парни России живут в субмарине
Единой семьёй там, где мичман – отец.
На вахте в отсеках, в тяжёлых глубинах
Так важно услышать биенье сердец.
Там нет дедовщины и радость взаимна,
И горе – не горе, где мичман-отец.
Служил на такой вот подлодке Василий,
А проще – кот Вася и был молодец.
И в дальнем походе по дому грустили
С ним наши ребята и мичман-отец...
Окончен поход многодневный,
И всплыли
Под флагом России! Пришли, наконец!

*Написано по воспоминаниям мичмана запаса Павла Николаевича Сокова.

Нагрудный значок Васе тоже вручили,
И рад экипаж был, и мичман-отец.
Встречали родные, душили в объятьях,
И видели сопки – Камчатка венец, –
Что были два сына и дочь без понятия,
Где Васька скитался и мичман-отец.

Песенка кока

На корабле мой статус
Все знают назубок.
Здесь кухня – это камбуз,
А повар – это кок.
На камбузе опрятно,
Посуда вся блестит.
И, значит, у команды
Живот не заболит.
Я – кок Семён из Омска –
Служить на море рад.
Готовлю борщ по-флотски,
Котлеты и салат.
Обедам парни рады,
У них весёлый вид.
И, значит, у команды
Отличный аппетит.
В хорошем настроенье
Встречают все меня.
И величает Сеней
Матросская семья.
А я и рад стараться,
Всех вкусно накормить,
Чтоб шторма не бояться,
Отечеству служить.

Любительница пельменей

С мамой стряпаем пельмени.
Вот они лежат рядком.
Наша Мурка в это время
Спит у печки крепким сном.

Только стоит на секунду
От стола нам отойти,
Лапке Муркиной нетрудно
Два пельменя захватить.

Видим это не впервые –
Ест и не стесняется,
Потому что ей сырые
Пелемешки нравятся!

Светлана ВОЙТКО

г. Минск, Беларусь

Светлана Войтко (SauVage) родилась в г.п. Зэльва Гродненской области Беларуси.

Публиковалась в литературных журналах «Бийский Вестник», «Малодосць», «Невский проспект», «Метаморфозы», «Литерра Nova», «Между строк», поэтическом сборнике «Фонарь-2020». Победитель конкурса «Поэтический атлас – 2019» проекта «Международный фестиваль «Мгинские мосты», лауреат международного литературного конкурса «Созвездие Духовности», дипломант межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт».

В лабиринтах предзимья

Отражения снов

Реальность или сон – мне всё равно.
Не напугают меж миров границы.
Миг встречи важен – где неважно, но
Когда-нибудь закончатся страницы.

Так пой, покуда голос не затих,
Пока стремятся точки к многоточью.
Ты помнишь? Сны смотрели на двоих.
Бродили под дождём осенней ночью.

В мерцании тревожных фонарей
Там наши тени замерли навечно.
И, глядя в отражение смелей,
В полночном мраке зажигаю свечи.

Во снах продолжим мы искать ответы,
Пока вся жизнь на грани тьмы и света

Самайн. Сонет

Беги, беги отсюда без оглядки.
Крошится лабиринтов снов стекло.
Припомнив колдовское ремесло,
Играй со смертью до рассвета в прятки.

Колотит сумасшедший мир в припадке.
Хохочут ночью сотни глоток зло.
Не отдавай для трупов им мелок,
Пока всё не замрёт в немом порядке.

Глаза горят у масок карнавальных,
Поддайся пляске вихрей inferнальных
Под отблеск тыквы цвета янтаря.

Вгрызайся в поплавки плодов запретных,
В забаве древней – шанс найти ответы.
О, сколько яблок выловлено зря².

Снежная звёздность

Время ночных чаёв,
Станных, неожиданных мыслей,
Музыки до краёв,
Поисков новых смыслов.

Время читать стихи,
Пусть воплотятся в звуке.
К встрече шаги легки.
И без перчаток руки.

Время для важных снов.
Пообещай присниться.
Нежность безумных слов,
Смелость освободиться.

Время писать рассказ.
Может быть, даже восемь.
Время – оно сейчас –
Звёздная снежность, осень.

Сердце в снегу

В сердце Пармы лесном
Дотлевают закаты.
Птицы рвут окоём.
Волны катит река
Вдоль пустых берегов.
Замер времени бег
На развилке веков.

...
А над Чердынью снег.

Новогоднее

В борьбе с температурным бредом
Земли встречаю оборот.
Фонариков мерцающая светом,
В окно вползает новый год.

Тишь, полумрак ему навстречу,
А не бокалов перезвон.
Размытость граней утро-вечер
Оживший рушит телефон.

И голос в трубке, самый нужный,
Из мёрзлой леса темноты,
Сквозь километры зимней стужи
Рождает волны теплоты.

Год пройден с пережившей ёлкой,
В камнях проросшей. «Да ты крут!»
А ночью новогодней долгой
Осталось слушать лишь салют.

И загадать одно желание
(Так вроде можно в Новый год).
И чтоб сбылось, хранить молчанье.
Чему быть сто́ит, пусть придёт.

² Ловля яблок – традиционная игра во время Самайна, заключающаяся в попытке достать зубами яблоко из воды.

Валерий СУХОВ

г. Пенза

Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор 5 книг стихов и ряда публикаций в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Простор», «Аргамак», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Волга XXI век», «Белая скала», «Второй Петербург», в альманахах «Литкузница», «Царицын», «День поэзии XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, международной премии имени С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Сквозь сердца мастеров...»**Начальная школа**

Память озаряется туманная
От лучины, вставленной в светец.
Вспомнилась вдруг школа деревянная,
Где ещё учился мой отец.

Дети фронтового поколенья.
Выпали им горе и нужда.
В печке дымной вспыхнули поленья –
И стекает со стекла слюда.

Ждали и боялись почтальонки.
А её-то, бедной, в чём вина?!
Жёлтый треугольник похоронки,
Как осколок, в грудь вонзят война!

И тогда в селе на всём порядке
Бабы начинали голосить!
И играть бросали детки в прятки,
Подходили – горе разделить...

Всё – сердечком детским понимали,
Чёрный видя на вдове платок.
Лёши, Маши, Гриши, Саши, Вани
На всю жизнь запомнили урок.

Азбуки начальная основа.
Состраданием и жив народ!
Школа деревянная сурова.
Сорок первый – сорок пятый год.

Книгочей

Библиотеки сельской холод.
Неутолимый книжный голод.
Знакомый запах старых книг.
Закапывался жадно в них.
Отец мне книжки выдавал.
С улыбкой головой кивал:
«Ну, ты сынок, и книгочей».
Он длинных не любил речей.
И, как поленья на растопку,
От живота до носа стопку
Я книжек в избу заносил.
Голландки открывая топку,
Читал, пока хватало сил.
И оживали вдруг страницы
И не хотелось мне синицы –
В тепле при отблесках огня.
Хотелось – в небе журавля!
И не к чему копить добро:
Дороже злата – серебро!

Хлеб

Подать рукою до коммунизма.
На клубе плакат до гротеска нелеп.
В селе открыли «Дом атеизма».
И пропал в магазине хлеб.

Очередь под осенним небом
Босых сапожников без сапог.
Мать послала меня за хлебом.
Лошадь его подвозила к «Сельпо».

На машине – в село не проехать.
Оттепель, как из грязи – князь.
Мат на Руси – это с горя утеха.
Пьют и работают, матерясь.

Власть народ свой берёт измором.
Но не оставят «железных коней»
Трактористы и комбайнёры,
Соляжкой пропахшие до костей.

Хлеба неслыханное богатство –
По головам. Хлеб – всему голова.
Взорвана церковь. Христова паства
Хлеб уносит, как носят дрова.

Буханка ржаного – шестнадцать копеек.
Всухомятку застрянет ком.
Когда молоденец, так мало денег.
Голод запивал молоком.

Жизни перемолото жито.
Остался на поле несжатый клочок.
Сколько к старости пережито.
Мелочь детский сжал кулачок...

Храм

Поймал берёзы лист,
Кружил он, догорая.
И все пути сошлись.
Стал зримым образ рая.

К груди прижал листок
И отгадал загадку.
Сквозь сердца мастеров
Всю пропуская кладку.

Высоких куполов
Заманчиво узорочье.
Из русских мастеров
Зело искусны зодчие.

Померкли листья – очи
У солнцем просветлённых.
И хоронили ночью
За красоту – казнённых.

Поднялся к небесам
От мира зла скаженного
Осенний лес, как храм
Василия Блаженного!

И воспарив чуток,
Под ветра вой юродивый
Сгорел души чертог
Над горькой моей родиной.

Сергей МИРОНОВ

г. Калининград

Миронов Сергей Юрьевич. Родился 25.11.1970 г. в Калининграде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в газете «Вечерний Петербург». Лауреат ряда российских литературных конкурсов и премий, в том числе им. А. Куприна (Союз писателей Крыма) и всероссийской поэтической премии «От фонаря» (Тольятти, 2022).

Автор 2 книг стихов и книги прозы. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Волга» (Саратов), «Даальный Восток» (Хабаровск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Белая скала» (Симферополь), «Ротонда» (Киров), «Традиции и авангард», «Царицын» (Волгоград), «Родная Кубань» (Краснодар), «День и ночь» (Красноярск), «Отчий край» (Волгоград), «Литературные знакомства», «Новая Немига» (Минск), «Краснодар литературный», «Подъём» (Воронеж), «Приокские зори» (Тула), «Иртыш-Омь» (Омск), «Звонница» (Белгород), литературных альманахах «Образ» (Москва), «Литературный Кисловодск», «Рукопись» (Ростов-на-Дону), «Вятка литературная», «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Московский парнас», «Тарские ворота» (Омск), «Ковчег» (Тула). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Один на ровном берегу...»

В рамке прожитого дня –
Экспрессивная картина.
У разросшегося пня
В мелкой луже киснет глина.

Август. Звучные дожди.
Надоедливые грозы.
Под неистовством гардин
На окне алеют розы.

Молча просится на холст
Увлечённая натура,
На веранде белый стол
Под неярким абажуром,

Уходящий в хлесткий дождь
Неприкаянный прохожий.
Кисти с красками возьмёшь
И набросок подытожишь:

Абажур неяркий, стол,
Увлечённая натура.
На стекле в подтёках скол.
Экспрессивная фактура.

Под рельсов звон, под стук колёс –
Ни миражи, ни очертанья –
Поля и лес, кайма берёз
В сюжете грустном расставанья.

Ты не один, но как-то так
Сложилось, что ты одинокий
Среди летающих стай
На берег солнечный, высокий,

Откуда жизнь – густой пейзаж,
И ширь – лавандовое море.
За полем лес, за лесом кряж.
И поезд катится со взгорья.

Петляет пыльная дорога,
Летят лохмотья облаков
Из-под колёс на грунт убогий,
И где-то в поле далеко
Ковёр люпинов фиолетов,
Широк звенящий горизонт.
Раскрыло вкрадчивое лето
Над бездорожьем тонкий зонт.
Вдали дощатые причалы,
Мозаика бурых черепиц.
Давай скорей с тобой отчалим
С песков речных под пенью птиц.
Уйдём в залив на быстрой лодке,

Догоним старенький баркас,
С кормы рыбак на вид неброский
Посмотрит пристально на нас.

Один на ровном берегу.
В песочных замках простоватых
Гуляет пляжа дальний гул.
На волнорезах пенной ватой
Узоры тайно чертит бриз,
Цепляет сёрфера в жилете.
Мгновений слепок, жаркий приз –
Всё в виртуозном пируэте
На сушу брошенной воды,
О мол ушибленной надежды,
И ты, свободен и один,
Срываешь летние одежды,
Загара топишь камуфляж
В неопикуемых глубинах,
И шепчет следом дикий пляж,
Песком жонглируя наивно,
И где-то парусник вдали
Белеет, как в тех строчках школьных,
А ты распластан на мели,
Лежишь у берега фривольно.

Снился тебе Могалишо,
Снился тебе Монтерей.
Снился улыбчивый рикша
И бесконечный Бомбей.

Снился песчаный Маврикий,
Стаи дельфинов заплыв.
Снились фламинго на Кипре
В бухте у белой скалы.

Снились тебе Гималаи,
Грезился горный Тибет.
Снились святилища майя,
Снился ночной Хаммаммет.

Шёл ты во сне через Гоби,
Розу пустыни искал.
Видел в гремящем Найроби
Масок туземцев оскал.

Плавал вдоль рифа Большого
В жгучей мозаике рыб.
Плыл к тебе скат двухметровый,
Весел и в меру игрив.

Встал, поутру вышел в поле.
Явь – не заманчивый сон:
Ветер гуляет на воле.
Был ты в Россию влюблён.

В гостях у Журнала.....

Липецк поэтический – Российский союз писателей

Светлана КОБЗЕВА-АШИХМИНА

Вечер признаний

Я люблю эту осень,
Листьев сказочный пад.
В том, что грустно мне очень,
Вечер не виноват.
Он лишь тихо приходит,
От него не сбежишь.
Время быстро уходит.
Что ж ты, Осень, молчишь?
Пусть нашепчет мне ветер
В тишине средь берёз,
Как прожить мне на свете
Без обманчивых грёз,
Как любить без страданий
И страдать без любви.
Вечер тихих признаний,
Осень, ты не молчи!

Галина АНТИПОВА

Летнее. Городское

Любимый город пахнет липами
И долгожданными деньками.
Я не болею прошлым, всхлипами...
Машу свободными руками!

Кусты жасмина звёздно светятся,
Благоухая всем на диво.
А с неба смотрит (вместо месяца)
Луна – расплывчато, лениво.

На площади Петра Великого
Молчит гигантская фигура.
И тишина. И не окликнули.
И я мечтами в Петербурге...

Алла ФЕФЕЛОВА

Картина

Под утро нежно улыбнётся солнцем,
А ночью плачет дождиком с небес.
То в тихом парке светится червонцем,
То сизой дымкой накрывает лес

И по верхушкам старых пышных сосен
Узоры пишет кистью впопыхах.
Как женщина непостоянна осень –
Меняет настроенье на глазах.

Рябины спелой огненные гроздья
Горчинкой поздней ранят душу мне.

Холодная, непрошенная гостья
Грустит тайком на старом полотне.

Надежда БЕЛЯЕВА

Осенние чародеи

В липецком старинном парке
Осень бродит вдоль аллей.
Звери дремлют в зоопарке,
В свете рыжих фонарей.

Есть волшебники на свете
Добрые и очень злые.
Есть художники, артисты
Сказочные, вековые.

Краски в руки взял художник,
Всё вокруг разрисовал.
А певец-волшебник тихо
Песню нежно напевал.

Эти братья золотые
Песни нам с дождём поют.
Осень красят, листья кружат,
В парке создают уют.

Ночью чародеи лихо
Раскидали всё вокруг.
И листочки разлетелись,
Словно золотистый пух.

В липецком старинном парке
В свете рыжих фонарей,
Звери дремлют в зоопарке,
Бродит осень вдоль аллей.

Ксения ВОРОТКОВА

Закатка

Лето в банку взять бы закатать,
Как варенье или же компот.
Чтоб потом зимою доставать
И по чайной ложке прямо в рот.

Море закатать и солнца свет,
Ярких красок, фруктов и цветов.
Чтоб могло нам передать привет,
Их тепло в ненастный день без слов.

Закатать улыбки, озорство,
Брызги счастья, радостные дни.
Чтобы их открыть под рождество,
Пусть они сияют, как огни.

И в колючий сретенский мороз
Друг попросит у меня хоть грамм –
Другу своему, чтоб не замёрз,
Банку лета с радостью отдам!

Лариса ЖИГАНОВА

Крестный путь

(Крестный путь, Свято-Троицкий монастырь города Лебедянь)

Шелест листьев и шёпот губ...
Воет ветер иль вьюга злится,
Шесть сестёр тихим шагом идут,
И молитва из уст струится...

Тёмной ночью поёт Крестный ход
«Богородице, Дево, радуйся!..»,
Дух обители круглый год
Наполняя молитвенной сладостью.

За Россию, за весь народ
Шесть сестёр и игуменья с ними
Совершают свой Крестный ход.
Рядом – Ангелы и Святые.

Богородице, Дево, радуйся...
Благодать наполняет грудь!
Богородице, Дево, радуйся...
Сила – в немощи! Крестный путь...

Любовь МАЛИНКИНА

Прокатилось эхо от гармонии

Прокатилось эхо от гармонии
По зелёным, солнечным лугам,
Словно ветер – друг неугомонный –
По крутым кудрявым берегам.

Над рекой мечта моя кружится
В безграничной чистой синеве.
И летает эхо вольной птицей,
Отзываясь радостью во мне.

Ирина МАРУХИНА

Танец белых голубей

Барабанит дождь уныло,
Всюду – слякоть и вода.
Пеленою всё накрыло...
Он пройдёт... Не навсегда!
И зашлёпает по лужам
Мой соседский паренёк.
Он самой зарей разбужен,
Дождик будет с ним не строг.
Побежит навстречу с ветром,

Отряхнет росу с ветвей!
Будет мир наполнен светом,
Танцем белых голубей.
Мир несут из поднебесья,
Грациозны и легки.
Их полёт – он счастья вестник,
Защитит вас от тоски...
Закружат над хлебным полем,
И сердца наполнят вновь:
Радость жизни, песня воли,
Нежность, Вера и Любовь

Елена НИКОЛАЕНКО

Рисую

Спешу догнать закат – он ускользает быстро,
кидая отблеск дня на кончик мокрой кисти.
Растёкся в облаках алеющим дурманом,
подрозовил слегка сиреневость тумана...
В лазури растворил пурпурные дорожки,
шутя плеснул чернил на сонный лес немножко.
Разлился янтарём над озимью зелёной,
берёзки охватив оранжевой истомой.
На озеро упал всей радугой бликов –
в тиши его пропал, растаял сотней ликов...
Но замер на листе томительным мгновеньем –
Вот трепет красоты!
Прозрачный, акварельный...

Валентина ОРЕХОВА

Молчит моя гитара

Далёкий Космос зря вздыхает...
Все звёзды плавают в ночи!
Моя гитара отдыхает
И о любви пока молчит...
Но грянет свет с Весной в оконце,
Рассветным высветит добром...
И разогретье от солнца
Взорвутся струны серебром!
Захочется и петь, и плакать...
И в небо с птицами лететь,
Надеть Весны весёлой платье
И колокольчиком звенеть!
Весна придёт – я точно знаю
Вокруг всё снова зацветёт.
А я грущу: друзей теряю! –
Кто же с фронтов домой придёт?

Светлана АППАКОВА

Отбушуют вешние ветра...
Отгремят неистовые грозы...
И раскинут зелень во дворах
Ясени и клёны, и берёзы...

Откружит, как водится, в саду
С яблонь и черёмух завируха...
А потом и снега отойдут
Тополей лебяжистого пуха...
И заманит лета карусель,
Одурманив разноцветья зельем,
Проведёт по утренней росе
Босиком... И, птах поверив трелям,
Обманусь опять желаньем взмыть
Ввысь, в лазури глубь, поближе к солнцу,
Где пернатых беззаботна прыть...
Позабыв, что падать вновь придётся...
И, обжегшись, крылья опалив,
Опущусь листом осенним наземь...
Тщась припомнить словеса молитв,
О финальном в помыслах экстазе,
Стану звать и ждать тебя опять,
Снег мой... знаешь, – хлопьями густыми
Ты меня укутай... Буду спать
Непробудным сном в твоей пустыне...

Любовь СВИРИДОВА

Разноцветное настроение

Я играю с красками... немножко...
Возьму жёлтый и раскрашу луч.
А оранжевым – конечно, кошку.
Красным можно осень повернуть.
Голубым раскрашу это небо,
Чтобы там ни облачка с утра.
Клетчатый своим укурюсь пледом
И поплюю немного молочка.
Чёрный цвет отброшу резко в угол,
Место только там теперь ему.
Позвоню, возможно, Ваське другу,
Что-нибудь, конечно, расскажу.
Краски яркие в моей палитре!
Все мне невозможно взять!
Солнышком раскрашу вам улыбки,
С красками ведь можно нам играть!

Валентина СЕВОСТЬЯНОВА

Осень

Люблю я раздольные степи
И влажные эти луга.
И те – Левитаном воспеты –
Люблю одиночки-стога.

А осень крадётся неспешно.
И птицы затеяли гвалт.
И путник – он, видно, нездешний,
С грибною корзиной шагал.

И что там сороке неймётся,
Трещит оголтело, дразня.

И радостно сердце забьётся:
Густыми взошли зелена.

Наталья СТЕБАКОВА

Остатки лета

Ветрами гладит землю осень,
Шаль листопадную набросив,
И прячет город наш озябший,
От суеты людской уставший,
Остатки лета в дым туманов,
И увяданья запах пряный.
В нём растворятся дни, недели,
А журавлей косяк разделит
Всё межсезонье до и после,
Где лето приходило в гости,
Купая нас в тепле и ласке,
Недолгой промелькнувшей сказке.
На шумном взлёте птичьих стаи
Ей вслед помашут, провожая,
Стеля крылатые маршруты,
Разлук в последние минуты,
С любимой родиной, прощаясь,
Вернуться снова обещая.
Полураздетая дождями
И заколдованная снами,
В анабиозе вновь природа
Уснёт до будущего года.

Алла ЧЕЛЯДИНА

Сентябрь

Душа раскрылась на мгновенье –
И слёзы брызнули из глаз
От умиленья, удивленья
В урочный день, в закатный час.
И ангел, голову склоняя,
Крылами плечи обернул
И, свет туманом укрывая, уснул...

А по земле струились тени
И месяц звёздами играл,
Скрипели старые ступени,
И ветер росы целовал.
А ангел спал в туманах белых,
Шуршали перья на крылах,
И видел сны о листьях прелых... и чудесах.

А в ночь ветра переменялись –
И всё тепло иного дня
Исчезло, в ночи растворилось,
Сверчками поздними звеня...
И утро встретило прохладой,
И жёлтый лист слетел светло,
И солнца луч сверкнул лампадой,
Как будто ключ от листопада... тепло...

Сатира и юмор

... обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

К вопросу о судьбе

(глава из сатирической повести «Литературный экспресс»)

На заснеженной ветви клёна сидела ворона и время от времени с интересом поглядывала на полуоткрытое окно, из которого струились облака тёплого воздуха. Чёрные бусинки птичьих глаз внимательно изучали стоящего в комнате высокого мужчину, словно прикидывая, что можно ожидать от него: то ли кусочка сыра, то ли выстрела из ружья.

Мужчина тоже смотрел на ворону, пробудившую в нём старые воспоминания.

– От вороны карапуз убежал, заохав, – произнёс он с улыбкой и, швырнув в птицу ещё дымившуюся папироску, закрыл окно.

Прошёл в ванную комнату, тщательно вымыл руки. Прошагал на кухню, заглянул в холодильник. Достал было бутылку вина, но передумал и поставил обратно. Вернулся в большую комнату и нервно заходил из угла в угол, погружённый в размышления.

Зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – слышался в трубке жизнерадостный мужской голос. – Это из оргкомитета Литературного экспресса. Вы не передумали – насчёт участия в проекте?

Мужчина поморщился и буркнул:

– Нет, не передумал. Меня ваши игры не интересуют.

– Жаль, жаль. Вас будет очень не хватать в нашем проекте. Читатели вас любят и ценят. На заседании комиссии по отбору участников ваша кандидатура даже вопросов не вызвала. Очень жаль, что вы отказались. Ну что ж, если всё же передумаете, звоните.

Мужчина повесил трубку и раздражённо махнул рукой.

– Прозаседавшиеся, – с издёвкой процедил он, открывая новую пачку папирос.

Включил телевизор с видеоплеером. Пощёлкал пультом и в очередной раз стал смотреть фильм «Коммунист» с Евгением Урбанским в главной роли. Смотрел не отрываясь, хотя и знал уже этот кинофильм почти наизусть.

– Да, вот это настоящий коммунист, – заключил мужчина, когда на экране замелькали последние титры.

Он погрузился в воспоминания. И тут же через приоткрытую в прошлое дверцу в душу просочилась холодная и липкая тоска. Она сначала лишь слегка путала мысли, но вскоре по-хозяйски расположилась в душе и полностью подчинила себе разум. Всё, что было, всё, что будет, вдруг стало казаться пустым и бессмысленным. Предметы в комнате, ещё недавно привычные и естественные, вдруг предстали чужими и бутафорскими. Да и сама комната больше напоминала задекорированную тюремную камеру. А за окном – сверкающий на солнце снег и равнодушное серо-голубое небо.

Мужчина подошёл к полке, обвёл взглядом стоящие на ней книги. Выбрал одну из них, с женским портретом на обложке. Долго смотрел на портрет, сравнивая его с образом, хранимым в памяти.

– Здравствуй, Лиля, – прошептал он и, сев за стол, бережно раскрыл книгу.

– Пристрастные рассказы... Ну, конечно, пристрастные, – задумчиво произнёс он, перелистывая страницы.

Попытался читать, но постоянно уносился от книжного текста в череду воспоминаний.

В конце концов, отодвинул книгу и долго сидел, перебирая в памяти всплывающие картинки ушедших лет.

На улице потемнело. Владимир Владимирович закрыл книгу и отодвинулся от стола.

За дверью слышался шорох. Под чьей-то тяжестью жалобно заскрипели полы. Затем дверь распахнулась, и в комнату хлынул поток света и тепла. А вслед за ним, помахивая переливающимися лучами, показалось и улыбающееся Солнце.

– Привет, поэт! – выдохнуло оно. – Видишь, и я могу рифмовать.

Маяковский встал навстречу неожиданному гостю и с просветлевшим лицом промолвил:

– Привет, привет. Вот уж кого не ожидал. Давненько мы с тобой не виделись.

– Шутишь, поэт? Ты меня каждый день видишь. Да и я за тобой присматриваю. Не чужие как-никак. Одно дело делаем.

Солнце поджало часть своих лучей и пристроилось на стуле.

«Как бы стул не загорелся», – мелькнула мысль у поэта.

Он протянул руку и осторожно коснулся своего гостя. Оказалось, что Солнце греет, но не обжигает.

«Очевидно, оно хорошо умеет держать себя в лучах», – подумал Маяковский с облегчением.

– Чаю? – предложил он. – Вот только варенья у меня сегодня нет.

– Да ладно, попьём без варенья, – согласилось Солнце. – Чай-то, надеюсь, хороший, как раньше?

– В пакетиках, – пожал плечами Маяковский.

Солнце сморщилось:

– В пакетиках? Пожалуй, я лучше воздержусь.

– Тогда, может, чего покрепче?

– Покрепче? – Солнце потёрло лучи-руки. – Что ж, иногда можно себе позволить и покрепче.

А что у тебя? Водка?

Маяковский пренебрежительно скривил губы и покачал головой:

– Водку пьют только чеховские чиновники... Ну, или их потомки. Нет, настоящее виноградное вино.

Поэт принёс из кухни вазу с крушоном и два фужера.

– Только «Абрау» и фрукты, – сказал он, разливая по фужерам шипящий напиток. –

Попробуй.

Солнце слегка пригубило, прислушалось к ощущениям и залпом осушило фужер.

– Да ты, я вижу, не только в стихах, но в напитках разбираешься, – с одобрением высказалось

Солнце. – Хочу добавки.

Маяковский довольно улыбнулся и, наливая Солнцу крушон, гордо заметил:

– Я родился среди виноградников и пил вино, как дети пьют молоко.

– Так выпьем же за то, чтобы никто из нас не забывал, откуда он родом, – подхватило Солнце.

– А я и не забываю, – сказал поэт. – Я вообще помню то время лучше, чем недавние годы.

Наверное, потому, что жизнь стала какая-то бесцветная. Не то, что прежде.

Солнце, рассеянно следя за пузырьками в своём фужере, возразило:

– Да просто ты был тогда моложе. И этот мир воспринимался тобой совсем по-другому.

– И это тоже. Согласен. Да, в молодости всё было иначе. Вот за что нужно выпить. За молодость! – провозгласил Маяковский.

– Что ж, молодость – вещь хорошая, – охотно поддержало Солнце. – Вот только в молодости постоянно чего-то недостаёт. В моей молодости, к примеру, не было даже намёка на людей. Не говоря уже о поэтах вроде тебя.

– А может, это и правильно, что чего-то недостаёт? Есть к чему стремиться.

Солнце усмехнулось:

– Не в обиду тебе будет сказано, но я вообще-то не стремилось к появлению человечества.

Меня вполне и динозавры устраивали. Такие забавные зверюшки.

Некоторое время и гость, и поэт молчали, неторопливо смакуя крушон. Потом Солнце продолжило затронутую тему:

– А с другой стороны, разве раньше было легче? Насколько я знаю, люди всегда жаловались на трудности. Это вообще в человеческой природе – недовольство настоящим. И ностальгия по прошлому времени. Я помню, как ты рисовал мне картины своей тяжёлой жизни. Забыл? Дача в Пушкино.

Маяковский покачал головой:

– Да помню я, помню. Время было трудное. Но весёлое. Мы шли, ползли, продирались сквозь грязь старого быта к новой, ещё неясной, но уже согревающей душу жизни. Да, многое мешало. От многого нужно было избавиться. Но мы верили, что это произойдёт. Всё, в конце концов, отпадёт, как шелуха: и расплодившиеся нэпманы, и бюрократы, и карьеристы.

А пока мы верили и мечтали, как черви после дождя, вылезали из своих нор имитаторы всех мастей. Прошло время... – поэт внезапно запнулся, прислушиваясь к пришедшей в голову мысли.

Он подозрительно покосился на собеседника и спросил:

– Или не само прошло? Может, это ты его протащило своей постоянной каруселью?

– А какая разница? – невозмутимо спросило Солнце.

Маяковский подумал и кивнул:

– А действительно, какая разница. Важен результат. Всегда важен результат. Так вот, – продолжил он, – прошло время – и что мы видим? Те же нэпманы, только более наглые, самодовольные и надутые. Те же бюрократы, без усталости штампующие указания и постановления. Те же имитаторы бурной деятельности. То же преклонение перед всем заграничным и пренебрежительное отношение к своему.

– Но ведь для того и существуют перемены, чтобы была возможность получить что-нибудь хорошее. И может быть, повторения не случайны. В них может таиться возможность что-то изменить к лучшему. Тебе же вот дали второй шанс.

– Какой второй шанс? – не понял Маяковский.

– Ах, да, ты не курсе, – пробормотало Солнце. – Ладно, забудь. Это я так. Вспомнился наш старый разговор у тебя на даче. Я-то наш договор выполняю, а вот ты...

Маяковский развёл руками и вопросительно посмотрел на собеседника:

– Договор? Ты о чём?

Солнце медленно допило кружон и, с сожалением посмотрев на пустой фужер, пробасило:
– Прекрасный напиток... А договор у нас был, поэт. Ты же сам его обнаружил.
И светило, вспыхнув так, что в комнате стало ещё светлее, хотя, казалось бы, больше уже некуда, продекларировало:

– Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца!

– А... ты об этом, – смущённо протянул Маяковский.

– Да, об этом. Я-то продолжаю светить, а вот ты, похоже, бросил. Мне сверху видно всё. Я, вообще-то, потому и здесь, чтобы тебе про уговор напомнить. А то что получается: я в работе, а ты? Со стихами не выступаешь. В литературном проекте не хочешь участвовать. А ведь это удобный случай осветить заблудшие мозги творческой интеллигенции. Тебе же прислали приглашение?

– Прислали. Вон листок возле телефона.

– И что? Почему отказался? По-моему, неплохая идея.

– А что мне там делать? – возразил Маяковский. – Показухой заниматься? Помогать делать вид, что с литературой у нас всё нормально? Нет уж, увольте.

Солнце нахмурилось и с минуту, поджав губы, внимательно разглядывало поэта. Потом разочарованно вымолвило:

– Да ты, оказывается, слабак, братец. Я-то считало, что ты боец, а ты... Первых же трудностей испугался.

– Первых? – возмутился Маяковский, вскакивая со стула. – Да я всю жизнь только и делал, что разгребал завалы этих трудностей. Но было ради чего это делать. Было! А вот теперь нет. Страна не та, люди не те, цели не те.

– И ты не тот, – подсказало Солнце.

– Да, и я не тот.

– Всё течёт, всё меняется, – философски заметило Солнце. – И что? Какая тут связь с твоей поэзией? Твоя судьба – светить. Вот и свети.

Маяковский с досадой пожевал губами и вновь уселся за стол.

– Зачем? – вырвалось у него. – Зачем и для кого?

Солнце изобразило лучами плечи и пожало ими:

– Зачем? Для кого? Абсолютно лишние вопросы. Это твоя судьба.

Затем светило вытянуло пару своих лучей и, пробежавшись ими по книжной полке, выхватило томик в красном коленкоре. Быстро прошелестело страницами и с пафосом произнесло:

Я думало – ты всесильный поэтище,

а ты недоучка, крохотный поэттик.

Маяковский тут же отреагировал:

– Прежде чем что-то критиковать, нужно понимать, когда и для чего это написано.

– Да брось, не обижайся, – примирительно протянуло Солнце. – Я ведь не критикую. Просто хочу тебя на верный путь наставить.

Поэт вздохнул, поняв, что спорить со светилом бесполезно. Даже если в этом споре и могла родиться истина, она тут же под жаркими лучами оппонента превратилась бы в жареные факты.

– Ну ладно, – сказал он, – пусть так. Согласен: от судьбы не уйдёшь. А как насчёт твоей судьбы?

– Я вот свою судьбу знаю, – сказала Солнце. – Сейчас я разогреваюсь. Потом стану красным гигантом. А потом – белым карликом. Но даже тогда не брошу светить. Судьба такая.

Солнце покрылось пятнами и с виноватой ноткой в голосе добавило:

– А когда стану красным гигантом, то Земли больше не будет. Всё сгорит. Ты уж извини, но это моя судьба.

– Да чего уж там, – махнул рукой Маяковский. – Я понимаю. Против законов природы не попрёшь... Но это ведь не скоро?

– Время есть. Вопрос в том, как быстро оно закончится. Время ведь тоже течёт по-разному. Смотря, на что его тратить. И если люди захотят выжить, им нужно перестать швыряться друг в друга камнями и заняться более полезными делами. Наукой, например. И тогда, возможно, у человечества будет шанс просто сменить место жительства. Всё зависит от людей.

Солнце придвинулось к поэту, обдав его волной теплоты, и, вбивая слова, словно гвозди, в мозг собеседника, отчеканило:

– А твоя задача, поэт, осветить человечеству дорогу. Хотя бы её кусочек. И это – твоя судьба.

Солнце ушло. Комната стала наполняться прохладой. А за окном снова стало светло. Поэт долго сидел, потирая лоб и что-то обдумывая. Затем подошёл к телефону и, поглядывая на листок с приглашением, набрал номер.

– Алло! – произнёс он, отбрасывая все сомнения. – Это Маяковский. Я передумал. Поеду.

Григорий НЕДЕЛЬКО

г. Москва

Григорий Андреевич Неделько. Фрилансер, писатель. Родился и живёт в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «газетная журналистика». Автор 2 книг. Работал журналистом в СМИ. Финалист и победитель ряда сетевых литературных конкурсов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Пушкин – не писатель!..

Здравствуйтесь, люди прошлого! Меня зовут А. С. Пушкин – Авангард Самуилович Пушкин. Я не имею никакого отношения к моему, по удивительному совпадению, крайне известному однофамильцу (хотя, кто знает). Более того, у меня есть значительный вес на ниве литературы, поскольку я – профессиональный читатель.

Тут многие из вас наверняка вспомнят старинный анекдот с бородой, как у Черномора, раз уж речь зашла о том самом писателе: я имею в виду шутку про необразованного чукчу. А вспомнив её, вы окажетесь отчасти правы. Только следует уточнить: в будущем, где живу я, в почёте уже не «маститые, красноречивые, умные, талантливые и продвинутые» авторы, а обычные читатели вроде вашего покорного слуги. Обычные, но внимательные, дотошные, вдумчивые. Умеющие хорошо выразить мысль.

Здесь пора удивиться и воскликнуть: как же вы докатились до жизни такой?! Отвечаю: очень просто. Да и не докатились вовсе, а шли-шли и, что называется, пришли. Это было поступательное движение, планомерное развитие. Наша общая дорога к счастью.

Представьте себе, что в далёком даже для вас прошлом работало немало авторов, вознамерившихся продемонстрировать собственный талант и одновременно развлечь падкую на зрелища публику. Хлеба читателям брат писатель предоставить не в силах, а вот со зрелищами – полный порядок и никаких проблем. Конечно, вам невероятно сложно вообразить, что на Земле (пока ещё не были заселены другие планеты) творилось подобное мракобесие. Но факт остаётся фактом; об этом твердит история и немногочисленные, застывшие в анабиозе очевидцы, мозги которых заспиртованы и подключены к телепато-эмпатическим ретрансляторам.

Да, вообразите на мгновение, что вы живёте в том времени, когда вокруг – одни писатели! Это же кошмар, ужас, полнейший мрак! И как только наши прапрапрадеды и прапрапрабабки выживали и сохраняли чистоту разума? Остаётся, хватаясь за голову, лишь даваться диву и сокрушаться. Правда, не исключено, что дело не обошлось без психических отклонений.

Однако оставим в стороне тёмное прошлое наших глубокоуважаемых предков и сосредоточимся на том, ради чего мы здесь собрались, – на литературе. Литература, братья по разуму и генам, – это не работа для элиты и не искусство для избранных. Любой более или менее сведущий в письме, науке, жизни индивид, хоть привычно рождённый, хоть выращенный в пробирке, способен проявить себя в прозе и поэзии, а равно и других видах искусства: художественном, кинематографическом, музыкальном и прочих. Не надо обладать дипломом и быть семи пядей во лбу, чтобы ваять статуи и строить дома. Это известно настолько давно, что поросло, как говорится, бильём... мхом времени и пространства. Гораздо важнее, как мы пришли к осознанию столь важного и неоспоримого факта.

Мной уже упоминалось, что в прошлом – далёком и, слава богам, значительно позабытом – профессия писателя считалась достойной, уважаемой, элитарной. Пока ещё не все подряд и наперебой бросались создавать на бумаге и экране художественный вымысел с одной им известной целью. Радует, что продолжалось так называемое «тёмное время», по космическим меркам, совсем недолго – буквально крохотное мгновение. Страшно вспомнить, с чего всё начиналось: с единичных и самобытных авторов! Скажите, воспалённый разум какого божества умудрился вообразить эту жуткую, практически апокалиптическую картину, которую я вынужденно описываю?! Между тем, на данный вопрос не может быть ответа, как и на любую лишнюю, ненужную бессмыслицу.

Тем не менее, от истории никуда не деться. Но вспомним мудрое изречение: всё хорошо, что хорошо кончается. Наши далёкие предки были действительно мудрыми, хоть и неопытными людьми: они не смогли понять то, что для нас является кристально ясным: писатель не профессия. Во всяком случае, не профессия для будущего, в каком-то нам повезло родиться и существовать в полукибернетическом виде.

Очень недолго властвовали над умами необразованных, подверженных хаосу и различным порокам людей прошлого всякие Рабле и Данте... Шекспиров и Гёте... Дики... и Эллисоны... Это не говоря об Эйзенштейнах и Гайдаях... Пифагорах и Ньютонах... Да Винчи и Рембрандтах...

Впрочем, к чему лишний раз поминать прошлое? Давайте, наконец, смело скажем о том, что давно назрело в наших умах и сердцах, тем более, я слышу, вижу и чувствую, как вам не терпится выразить бушевавшие вас мысли и эмоции! Да, скажем это: Пушкин не писатель! (Речь, разумеется, о моём весьма одарённом однофамильце.)

Мало того, любой современный, образованный человек – или человекообразное существо – понимает: не только Пушкин не писатель, но и все те, кого принято считать его собратьями по перу! Все, кого вынуждены были наши предки, в муках и через недовольство, изучать – вы лишь вдумайтесь в это! – в школах и вузах. И это, невзирая на почти бесконечное число семантических, грамматических и прочих ошибок, коими переполнены тексты упомянутых творцов.

Нет, Пушкин не писатель! И Толстой не писатель! И Лермонтов не поэт! И Маяковский! А Михалков не режиссёр! Равно как и Тарковский, Рязанов, Скотт и Спилберг! Ну, а говорить о том, что

Эйнштейн и Тесла не имеют равным счётом никакого отношения к науке – значит, попросту тратить время. Конечно, не имеют! Потому что, исходя из квантовой теории, наблюдатель гораздо важнее объекта наблюдения; первый влияет на последнего, изменяет его, контролирует, тогда как объект наблюдения только кажется важным и самодостаточным элементом. Будь упомянутые личности подлинными творцами, они не прошли бы мимо такого простого и каждому понятного факта. Но они не понимали очевидного, а следовательно, являются не более, чем самозванцами.

В конце-то концов, кем были бы все названные и неназванные «авторы» без тех, кто составляет их основу, популярность, движет человечество вперёд? Без тех, благодаря кому пространственно-временной континуум запоминает и хранит досужие фантазии и бессмысленные выдумки, изобретённые, с позволения сказать, писателями, поэтами, учёными и иными художниками? То есть без нас, читателей? Безусловно, предположить развитие научной и творческой сферы без рядового читателя – решительно невозможно, что уж говорить о читателе профессиональном.

Когда-то, например, те же писатели расплодилось в столь огромном количестве, что и микробы позавидовали бы их многочисленности. Однако судьба веков вытеснила эти паразитические организмы с арены бытия, что стало определённо одним из лучших решений в историческом процессе. Поэтому не преминем возблагодарить богов, всеведущих и непрестанно заботящихся о нас, великих людях будущего; богов, на звание которых покушались упоминавшиеся ранее индивидуумы.

Тем временем, сохраняются и появляются в наших стройных рядах отщепенцы – еретики, почитающие писателей прошлого выше читателей будущего, в собственном владычествующем невежестве восхваляющие того же Александра Сергеевича на фоне, допустим, Авангарда Самуиловича. Не признающие жёстких и незыблемых критериев современности в угоду ретроградству.

Что же это получается, братья? По вине какой-то малочисленной, необразованной, эмоционально нестабильной реакционной группки мы – мы все, десятки миллиардов тцецов – должны остаться без работы? Без средств к существованию? Без цели в жизни?! Нет, так продолжаться абсолютно точно не может!

В связи с чем нашим вселенским президентом, тоже, как всем прекрасно известно, профессиональным читателем, был издан указ: упразднить работу писателя. Что это значит? Это значит объявить писательству войну! Искоренить бесполезных писак на корню: лишить их всех имеющихся материальных и духовных благ, запретить грядущим поколениям прибегать к греху писательства под угрозой смертной казни и забыть, истереть из памяти самое слово «писательство» с его богомерзкими производными и проявлениями, поскольку оно есть святотатство, смертельная болезнь и угроза для мира во всём мире!

Следует выявлять неблагонадёжных членов общества, дабы отправлять их в ссылки на малоосвоенные отдалённые планеты и в центры ментального здоровья для умственной перезаписи. Можно аннигилировать неназываемых вместе с защищающими их гражданскими элементами либо сбрасывать оных в гиперпространственные колодцы без права на апелляцию и без возможности возвращения – пока что в отдельных, самых тяжёлых и запущенных случаях. Также необходимо создать специальную организацию по контролю населения – как ячеек его, от мала до велика, так и одиночных элементов – на предмет увлечения особо опасным занятием.

Меры, аналогичные изложенным, но с поправкой на эпоху, требуется принять и в прошлом; уверен, главы тогда ещё отдельных, разрозненных государств поддержат эту дальновидную инициативу. В противном случае, мы рискуем столкнуться с явлением невероятных доселе масштабов, а именно – с геноцидом отребьев в отношении граждан достойных. Лишь вздумайте, насколько правильное, глубокое и своевременное решение принял наш замечательный лидер грядущего – решение, с которым нельзя не согласиться!

А самое главное, желаю, жажду обратиться к вам, участники Межгалактического Форума Всех Эпох, с призывом: откройте сердца, души и умы для Великого! Признайте победу читательской мощи над остальной Вселенной, и отдельного читателя – над конкретными представителями любой другой профессии. Низриньте и отриньте псевдофилософию тех, кого я только что решил забыть (говоря прямо, писателей).

Предлагаю пойти ещё дальше и отречься от других предложенных данайцами даров: не просто похоронить в забвении бесполезные текстовые фантазии, но и отказаться от преимуществ искусства в целом, а кроме того – науки, прогресса. Ведь насколько проще, очевиднее и приятнее жизнь с копьём в руках и пещерой под боком, нежели с книжкой на столе в частной квартире.

Откликнитесь на мой призыв, братья, последуйте за ним, и тогда все вместе, как один человек, как цельный организм, как неделимая, однородная масса, вступим мы в светлое, безоблачное будущее. Будущее, которое нас, непременно, ожидает. Так прочитано? в Книге Бытия. Оно, наше с вами будущее, уже не за горами!

Со своей же стороны, легко и непринуждённо отрекаюсь от генетической фамилии запрещённого, никогда не существовавшего человекоподобного создания и, будучи почтенным гражданином Вселенской Рафинированной Федерации, становлюсь отныне Авангардом Самуиловичем Пупкиным.

Заканчивая свою речь, хочу выразить благодарность корпорации «Читтех» за предоставленное оборудование для проведения пространственно-временного брифинга.

И, конечно же, всегда жду новых Читателей на моей страничке в легендарной панвселенской социальной сети «ВЧитальне».

Товарищи, да здравствует А. С. Пупкин! Да славится рядовой, обезличенный Читатель! Ура, братья по призванию! Ура! Ура! Ура!

Обратная связь

... самая лучшая критика – это письма читателей.

Валентин Григорьевич Распутин

Новая книга.....

Читайте! И пусть в вашей жизни не будет ни одного дня, когда бы вы не прочли хоть одной страницы из новой книги!

Константин Паустовский

Нежное солнце Тамары Селемёновой

О книге рассказов «Живёт, цветёт акация»*

Поэтизировать жизненные ситуации, густо и плотно черпая из плазмы реальности фактуру и обрабатывая её словами, нежными и возвышенными, хотя, разумеется, связанными с красками бытия...

Так выстраивает свои рассказы Т. Селемёнова, стремясь к своеобразному свечению слов – как необыкновенным светом лучится девушка из рассказа «Жемчужина» – лучится, суля счастье...

Вкусная книга рассказов «Живёт, цветёт акация...» заражает энергией бытия, и тщательно выписываемые детали отражаются в сознании читающего радостью:

«Тамила шла в магазин за продуктами. И вдруг увидела необычное, усыпанное ярко-розовыми соцветиями, чарующей красоты деревце. Раньше его здесь не было. Выше человеческого роста и с пышной кроной, оно расцвело напротив торгового комплекса у самого пруда».

Повседневность чуда сквозит золотистыми нитями правды – той, что противоречит всем шероховатостям жизни, в изобилие предлагаемых ею, и той, что должна определять бытование человека на земле, в недрах этого вечного вращения юлы юдоли.

Разумеется, суммы жизненных темнот каждый познаёт собственной участью: писательница не отворачивается от них, стремясь и в оных видеть различные смыслы.

Язык крепок, слово словно рассматривается Селемёновой со всех сторон – перед тем как тщательно лечь в надлежащую ячейку.

Язык крепок: и вкус слов содержателен:

«В закопчённом котелке, как оказалось, варились мидии».

Просто?

Но... вдруг ощущаешь аромат этих мидий, видишь чуть помятый, вероятно, выдавший виды котелок.

Нежное солнце сияет над её рассказами: и писательница щедро делится лучами его: лучами, постепенно обрабатываемыми во фразы, часто звучащие, как поэтические строки.

«Испытание» окажется суровым?

Что ж, оно именно в рост персонажам: каждому – своё, и Селемёнова, тщательно соотнося пейзажи и ситуации с внутренней жизнью героев, разворачивает на кратком пространстве рассказа повествование о росте души: наиважнейшем росте из всех, что предлагает бытование на земле.

Её персонажам сочувствуешь, если положение таково, или радуешься с ними, если солнце писательницы плещется особенно ярко.

Беременность... тайна тайн...

Деликатно и нежно, зная изнутри, касается Селемёнова этой темы в рассказе «Всего одна буква»: здесь звучит пианистическое туше, и то, что повествование обернётся счастьем, – вполне логично: какие бы тропы трудностей ни пришлось пройти, двигаясь к этому просто-сложному счастью.

А вот (рассказ «Жизнь и приключения Чирика») пернатое бытие воробья наслаивается на орнамент человеческих ассоциаций: и мама с девочкой, наблюдающие воробьиную действительность, в чём-то уточняют свою.

Цветёт акация...

Акация слов Селемёновой цветёт красиво, грациозно, чисто...

*Александр Балтин, член Союза писателей Москвы,
редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни»*

*Живёт, цветёт акация: рассказы / Тамара Селемёнова. – Москва: Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 88 с.

Слово о Журнале

Получила и прочитала печатную версию журнала «Северо-Муйские огни» № 4 (98) 2023 г.

Читателей встречает обложка: на вид – уютная, словно золотая осень, на ощупь – бархатистая, словно октябрьское солнце. А провожает их жёлтое солнце, заходящее за чёрную гору, – осеннее тепло, скрывающееся в зимнем холоде. Восхитительное оформление!

Очень заинтересовала статья Галины Пиастро «О некоторых проблемах судейства в литературных конкурсах» на странице 27. Понравилось ответственное отношение автора к работе члена жюри: вдумчивость и чуткость по отношению к конкурсным работам и участникам.

Впечатлил подробный анализ такого аспекта, как понимание текста. Да, я тоже сталкивалась с тем, что от этого аспекта зависели дальнейшее рассмотрение стихотворения и его оценка.

Приятно было читать о том, как Галина изящно и конструктивно поддержала Аллу Райц – автора конкурсного стихотворения «Не глиной единой...». Полностью согласна с автором статьи в наблюдениях по поводу частой легкой субъективности членов жюри и почти полностью – в рецензии на упомянутое стихотворение.

Поддерживаю Галину Пиастро: смысл, аллюзии и каламбуры стихотворения «Не глиной единой...» абсолютно ясны. Интерпретация Аллой Райц художественных образов превосходна. Авторские «усечённые» неологизмы полностью соответствуют стилю стихотворения. Дополнительно отмечу выдержанный сложный ритм.

Объективная критика может коснуться лишь рифм.

Сначала скажу, в чём Галина неточна.

1. Глагольные рифмы (рифмы, состоящие только из глаголов) – не слабость и не табу. Эти стереотипы – миф! Общее правило гласит: «Рифма является богатой, если в словах созвучны предударные звуки или слоги». Подробности объяснять долго. Замечу лишь, что с глагольной рифмой – как и с любой другой – нужно уметь работать. И авторы, умеющие это делать, не должны страдать из-за невежества критиков.

2. В стихотворении есть не «парочка», а лишь одна глагольная рифма: «откапало – канула». Однако она не бедная, потому как это дружественная рифма /псевдорифма. Хотя она – разновидность ассонанса, такие рифмы традиционны и полезны в русской поэзии. К тому же рифмуемые слова оригинальны и выразительны.

3. Неточных /приблизительных рифм в стихотворении тоже не «парочка», а много. Это термин, и такие рифмы далеко не всегда плохи.

4. Рифмы «дисгармонии – молнии» и «зёрнышки – зародышем» – не ассонансные. Первая – замещённая, вторую можно назвать мягкой конфликтной с аллитерацией (звуковыми повторами). Обе действительно хороши как сами по себе, так и тем, что встречаются (как вид) в тексте не единожды, а систематически.

Да, рифма «гласит – брызг» неточная, а именно корневая с аллитерацией. Соглашусь с Галиной Пиастро: Алла Райц здесь и во всём тексте чересчур вольно рифмует слова, поэтому в целом количество слабых и отсутствующих рифм кажется большим, чем оно есть на самом деле.

Объективно неудачные пары (по разным причинам): «мироздания – воздаяния», «крыльями – стодивную», «горизонтами – грёзами»; «гласит – брызг»; а также «утеряны – времени» из-за её позиции в тексте.

Важный момент: три неудачные рифмы из четырёх, находящихся в первых четырёх строках стихотворения, – веская причина, чтобы члены жюри и понимающие читатели отказались далее читать текст и обнаруживать авторские удачные находки.

Думаю, Алле Райц также стоит подумать над более благозвучными стыками слов в двух эпизодах: «...брызг сыпалось в знак...» и «...сущность с себя...».

В целом стихотворение «Не глиной единой...» является интересным и глубоким, заслуживает более высокой оценки жюри – но в то же время требует (и достойно) шлифовки.

Про себя скажу, что, имея богатый опыт участия в литературных конкурсах всех уровней и общения с рецензентами самого разного статуса, теперь доверяю только науке. В правилах есть весь арсенал знаний и приёмов, необходимых автору. Любую субъективную критику парирую убедительным аргументом: «С точки зрения науки я права».

Благодарю Галину Пиастро за увлекательную статью – пищу для размышлений!

С уважением, Алёна Иванова (г. Озёрск, Челябинская обл.).

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новокукутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.